B.M. МАССОН

СТРАНА ТЫСЯЧИ ГОРОДОВ

ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШИХ
КУЛЬТУР ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. М. МАССОН

СТРАНА ТЫСЯЧИ ГОРОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

СОДЕРЖАНИЕ

Памятники минувших поколений 3
У непройденного рубежа 8
Легенды и действительность 21
Встреча двух цивилизаций 33
Вторая из лучших земель и стран 59
Сокровища парфянских царей 74
Построенный Антиохом 100
Северный форпост цивилизации 123
Осколки времени 145

Вадим Михайлович Массон

СТРАНА ТЫСЯЧИ ГОРОДОВ

Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО Академии наук СССР

Редактор *В. Л. Резников*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *Д. Я. Броун* и *Л. И. Романова*

Сдано в набор 31/I 1966 г. Подписано к печати 7/V 1966 г. А-01482
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 4,625+0,5. Уч.-изд. л. 8,68. Усл. п. л. 8,61
Тираж 15 000 экз. Изд. № 1603. Зак. 221. Цена 63 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука», Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4.

Индекс 1-6-3 / 220-66

ПАМЯТНИКИ МИНУВШИХ ПОКОЛЕНИЙ

Пока мои спутники восхищались видом Керентаги и его зеленых долин, сердце мое забилось радостно, когда я увидел вдали развалины, вероятно, греческого происхождения.

А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, 1865 г.

«Аль-Асар аль-Бакия», т. е. «Памятники минувших поколений», — так назвал свой труд о древних эрах и системах летосчисления выдающийся среднеазиатский ученый, уроженец Хорезма, Абу Рейхан аль-Бируни. В этой первой книге молодого исследователя с поразительной тщательностью и научной объективностью собраны все сведения по этому вопросу, доступные ученому средневекового Востока. Были здесь сведения и о древних эрах, принятых у народов Средней Азии, до того как ислам огнем и мечом утвердил свое господство во вновь завоеванных областях. Но эти сведения оказались поразительно скудными, на что обратил внимание уже и сам великий хорезмиец и не замедлил дать объяснение этому обстоятельству. «И уничтожил Кутейба *, — пишет Бируни в своей книге, — людей, которые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и обучали наукам, существовавшим у хорезмийцев, и подверг их всяким терзаниям, и стали эти предания столь скрытыми, что нельзя уже узнать в точности, что было с хорезмийцами даже после возникновения ислама». И далее: «Теперь из хорезмийских магов осталась лишь горсточка людей, которые не углубляются в свою веру и ограничиваются знанием ее внешних сторон, не исследуя ее истин и идей».

В не менее трудном положении оказались и европейские ученые, когда они приступили к изучению древней истории Средней Азии. К услугам исследователей средневековой эпохи были и пространные династические хроники, и подробные географические описания и дорожники, и

---

* Арабский полководец, при котором было завершено завоевание Средней Азии.

в отдельных случаях даже подлинные документы. О древней же истории страны можно было с уверенностью сказать лишь то, что она уходит в глубину веков. Измерить эту глубину и рассеять таившийся там мрак имеющимися средствами было невозможно. Местная историческая традиция была практически уничтожена в пору ислама. Несколько строк, затерявшихся в сочинениях греческих и латинских авторов, смутно представлявших эту «окраину» их культурного мира, можно было сопоставлять лишь со скупыми сообщениями китайских исторических хроник. И результаты были невелики. Как-то намечались контуры политической истории, хотя и с большими неясностями в хронологии, были установлены имена некоторых царей, народностей и племен. Однако все это оставалось сухой канвой, схемой, лишенной плоти и крови. Культура и быт древних народов, их искусство, этническая история, наконец, их общественный строй — все это было областью догадок и предположений.

Вместе с тем становилось все яснее, что на территории Средней Азии в древности существовали городские цивилизации, мало в чем уступавшие своим прославленным в истории соседям. Так за Бактрией, в состав которой входили южные области современных Таджикской и Узбекской республик, в античной традиции прочно утвердилась слава страны тысячи городов. В истории римского автора Юстина бактрийский наместник Диодот именуется «правителем тысячи бактрийских городов». Это же число для территории, подвластной другому царю — Евкратиду, называет и создатель географической энциклопедии античного мира Страбон. Можно было, конечно, рассматривать эти цифры как условный литературный прием. Но совершенно ясно, что наиболее полный ответ на большинство, казалось бы, неразрешимых вопросов, встающих перед историками, могли дать сами руины этих городов и древних поселений.

А такие руины существовали. В разных местах среднеазиатских республик и по сей день высятся оплывшие холмы, напоминающие нередко курганы южнорусских степей. Они встречаются в разных ландшафтных зонах — среди засеянных полей и в бесплодной пустыне, по берегам рек и высоко в горах. Нередко они оказываются в пределах современных городов и города наступают на них своими новостройками. Различны и наименования этих

холмов — тепе или таль, тюбе или депе. Но сущность, как правило, одна и та же — это развалины древних глинобитных строений, руины былых замков и городов.

Исследователи обратили внимание на эти холмы еще в XIX в. и тогда же пытались производить первые раскопки. Иногда в ходе этих раскопок встречались древние вещи, в том числе и памятники искусства, в других случаях археолога постигала неудача — он не находил ничего. Тогдашней археологии — науке, занимавшейся изучением древностей, — был не по силам такой сложный объект, как среднеазиатские города, где большинство строений делалось из той же глины, которая потом поглощала их руины.

Была и другая причина. Остатки древнейших поселений или превратились в маловыразительные холмы, или расположены в труднодоступных местностях. Вместе с тем в существующих городах, в первую очередь в Самарканде и Бухаре, высились великолепные средневековые памятники, до сих пор остающиеся предметом всеобщего восхищения. Интенсивно шла разработка и письменных источников, относящихся к средневековью. Поэтому дореволюционная археология Средней Азии ограничивала круг своих интересов преимущественно памятниками мусульманского средневековья. Только изредка, да и то большей частью случайно, она проникала в более древний, или, как тогда говорилось, доарабский период.

Кардинальные перемены наступили лишь в советское время. Археология, ставшая государственным делом, включила в сферу своего внимания все памятники без исключения. Более тщательной и совершенной стала ее методика. И, наконец, — это было определяющим обстоятельством — советская историческая наука, частью которой является археология, ставила своей главной задачей изучение динамики общественного развития, смены социально-экономических формаций. В Средней Азии это было невозможно без углубления в ее «домусульманское» прошлое. Все это не замедлило принести свои результаты, особенно в 30-х годах, когда развернулась работа нескольких крупных археологических экспедиций. Было установлено, что период древней истории примерно до V в. н. э. представляет собой совершенно особую эпоху в истории страны, эпоху развития городских цивилизаций, бывших современниками ахеменидского Ирана, древней Греции, республиканского и императорского Рима.

Городами именуются крупные поселения, обычно культурные, хозяйственные и административные центры районов и областей, причем их жители, как правило, в значительной мере связаны с торговлей и ремеслом. Древние и средневековые города почти всегда имели мощную систему укреплений. Вместе с тем характер городов не оставался неизменным на протяжении исторического развития. Крупные укрепленные центры древнего Шумера, справедливо именуемые всеми историками городами, давали приют и населению, занятому в сельскохозяйственном производстве.

Наоборот, города Финикии и Греции были в первую очередь центрами интенсивной торговой деятельности и процветающих ремесел. Различными были, вероятно, и древние города Средней Азии. Если такие крупнейшие столицы, как Мерв и Самарканд, дают нам многочисленные свидетельства развития внешней и внутренней торговли и интенсивной ремесленной деятельности, то более мелкие городские поселения были чаще всего центрами сельскохозяйственных районов. Вместе с тем, хотя большая часть населения Средней Азии в то время, надо полагать, была объединена в земледельческие общины, именно городские поселения были наиболее ярким и характерным явлением эпохи. Сельские общины существовали в Средней Азии и в пору первобытного строя, но тогда, естественно, отсутствовали городские центры. Города появляются в эпоху возникновения раннеклассового общества и процветают в условиях интенсивного развития торговли и ремесел, характеризующих древнюю историю Средней Азии. Огромное число находимых археологами древних монет самых различных номиналов — бесспорное свидетельство существования налаженного денежного хозяйства и товарообмена. Это дает нам основание рассматривать соответствующий период истории страны как эпоху городских цивилизаций, подобно тому как мы прилагаем этот термин к истории Месопотамии или древнейшей Индии и Пакистана. Такое решение вопроса о древнем обществе Средней Азии было значительной заслугой советской исторической науки 30-х годов.

После окончания Великой Отечественной войны археологические исследования в среднеазиатских республиках получили особенно широкий размах и привели к новым выдающимся открытиям. Были раскопаны древние дворцы и

храмы; найдены впечатляющие памятники искусства; исчезнувшие цивилизации заговорили на своем собственном языке — появились и были расшифрованы древние письменные документы. Хорезм, Парфия и Согд — все чаще эти названия встречались в газетах и журналах, открытия советских археологов обсуждались на международных конференциях ученых.

Что же представляют собой эти открытия, каков характер этих древних городских цивилизаций, ранее почти неизвестных исторической науке? Сведения о них разбросаны по многочисленным специальным изданиям, многие интереснейшие открытия и наблюдения не вышли за пределы ограниченного круга специалистов. Нередко общая картина плохо прослеживается в бесчисленных традиционных отчетах и сухих сообщениях о проведенных раскопках и исследованиях.

Надо, конечно, иметь в виду, что все исследователи находятся в большинстве случаев еще в начале пути. Во всех основных областях Средней Азии открыты и предварительно изучены руины многих древних городов. Но это лишь начальная стадия изысканий — установление факта, что перед нами руины именно поселения городского типа. Для выяснения внутренней структуры городских организмов и понимания общественных отношений в них необходимы систематические и многолетние раскопки. Такие работы уже второе десятилетие ведутся в Старом Мерве. Не меньшее количество полевых сезонов посвящено и раскопкам парфянской Нисы. В Хорезме и Бактрии раскопки проводились на ряде объектов, и эта распыленность помешала созданию цельной картины. В Согде изучение древних городов по существу не вышло за рамки предварительных изысканий. Тем не менее, опираясь на накопленный материал, можно поставить вопрос о начале работы над летописью истории этих древних городов. Причем это будет не сочинение уединившегося в келье монаха-схимника, а результат труда большого коллектива археологов и историков, находящихся на переднем крае советской науки. Перевернем некоторые страницы этой создаваемой книги.

У НЕПРОЙДЕННОГО РУБЕЖА

Понятие рубежа широко распространено в науках о живой и неживой природе. Разработаны определения порога слышимости и порога ощущения. Благодаря развитию реактивной авиации широкую известность получил в последние годы звуковой барьер, преодолевать который в недалеком будущем предстоит не только военным летчикам, но и гражданским пассажирам. Разработаны соответствующие понятия и в общественных науках. Нередко в исторической литературе приходится читать о культурах, стоящих на грани одного из величайших событий в истории человечества — на пороге возникновения раннеклассового общества. Именно в это время складываются крупные поселения, хозяйственные, культурные и административные центры районов и областей. Города возникли не вдруг и не сразу, и их появление было вызвано множеством причин и предпосылок. Это прежде всего достаточно высокий уровень экономического развития, прогресс ремесел, появление обмена и торговли, а вместе с ними и имущественного неравенства. Все эти явления и процессы начались еще в эпоху дописьменной истории, что существенно затрудняет их изучение. Недаром Лукреций Кар, великий римлянин, пронесший сквозь века материалистические идеи, писал об истории человеческой культуры:

А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.

Эти материальные следы исчезнувших культур, истолкованные современным археологическим и историческим анализом, показывают, что четыре тысячи лет назад общество южных областей Средней Азии находилось на пороге рождения городских цивилизаций. Барьер, однако, остался невзятым. Произошел один из крутых поворотов,

которые так характерны для исторического развития, и процесс поступательного развития оказался прерванным. Случилось то, что В. И. Ленин называл во всемирной истории «скачком назад». Рассмотрим следы, оставленные этой неродившейся цивилизацией, и возможные аспекты понимания этих следов.

Поразительную картину представляла собой в то время Средняя Азия. Современный путешественник, пересекая страну, не замечает существенной разницы в развитии отдельных ее областей. За окнами вагона или за ветровым стеклом автомобиля мелькают оазисы зеленеющих полей и садов или степь с бесчисленными отарами баранов. В одних республиках эти оазисы больше и богаче, в других пустыня еще настойчиво предъявляет свои права на огромные территории. Но в целом нет принципиальной разницы между культурно-хозяйственными зонами страны.

Совершенно иную картину увидел бы турист, отправившийся в путь в 2300 году до н. э. Он располагал бы значительным временем для своих наблюдений, ибо весь путь ему пришлось бы проделать в медленно тянущейся повозке с массивными деревянными колесами, запряженной волами или верблюдами. Но скорее всего этот путешественник был бы вынужден идти пешком. Зато его нельзя было бы упрекнуть в поверхностности сделанных наблюдений.

Большая часть Средней Азии была в то время занята племенами смелых и отважных охотников, поражавших дичь стрелами и копьями и разделывавших туши убитых животных кремневыми ножами. В тех случаях, когда это представлялось возможным (особенно благоприятными были условия в низовьях Аму-Дарьи и Зеравшана и по берегам *Узбоя, в ту пору еще живой реки*), *они ловили рыбу*. Жилищами этим племенам служили землянки и большие каркасные постройки, покрытые плетенками из камыша. Эти сезонные стойбища сравнительно быстро возникали поблизости от богатых угодий и столь же легко исчезали, оставляя археологам грядущих поколений черепки грубых глиняных сосудов и потерянные или сломанные орудия из камня и кости.

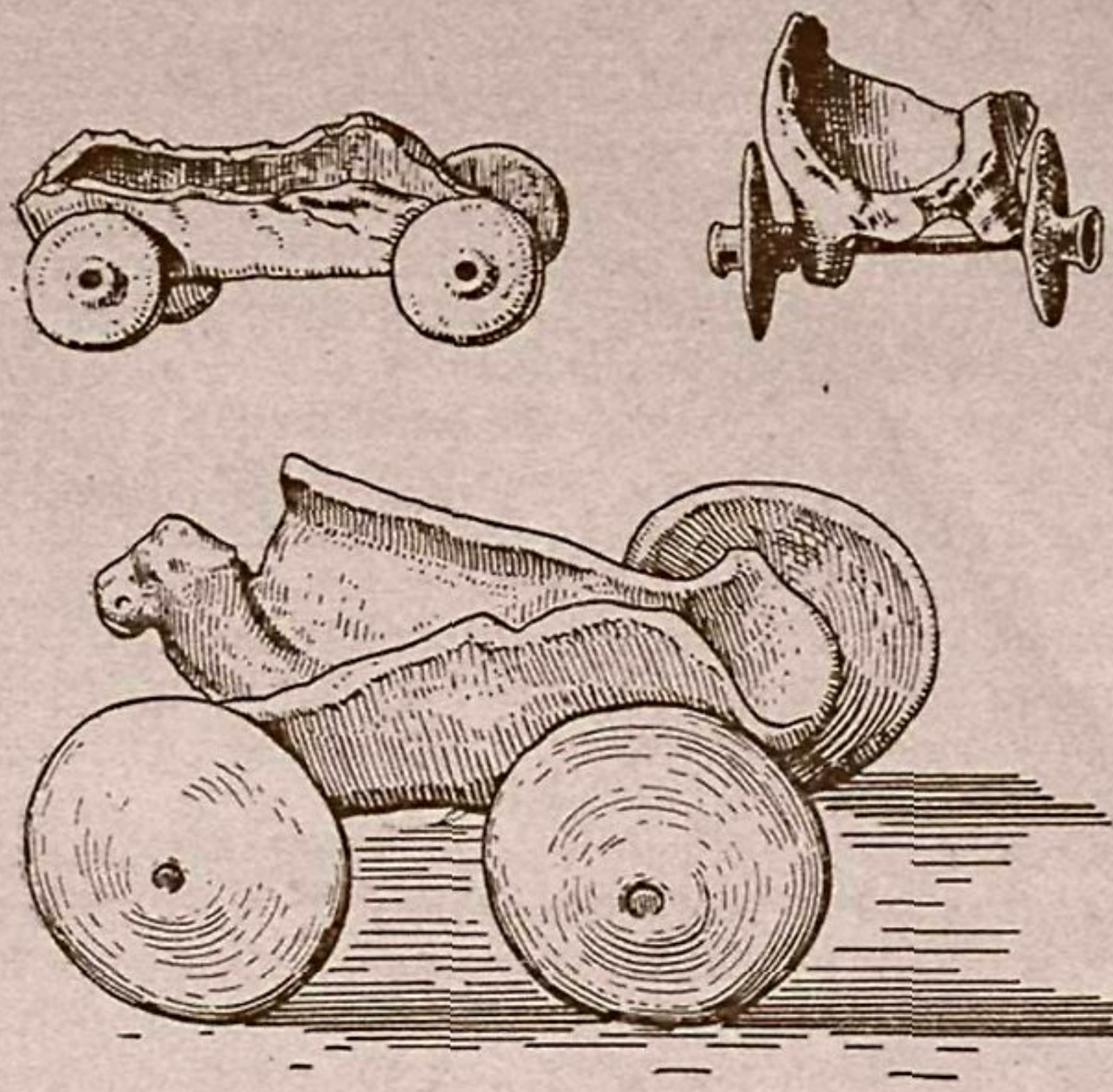
Совершенно иной мир открылся бы перед нашим путешественником на юго-западе Средней Азии, там, где ныне между Туркмено-Хорасанскими горами и южными окраинами Кара-Кумов зажата узкая полоска оазисов. Здесь четыре тысячи лет назад также колосились поля и зелене-

ли виноградники, заботливо взращенные искусной рукой человека. Среди полей располагались поселки, состоящие из глинобитных домов, наполненные многолюдной толпой, шумящей на площадях и базарах. Примитивные кремневые ножи и костяные иглы были здесь предметом мены и торговли. Сложные изделия из бронзы и меди служили орудиями тогдашним мастерам, а драгоценные украшения, в том числе и привезенные из далеких стран, восхищали модниц того времени. Это была эпоха, которую современные археологи именуют бронзовым веком, и этот век наступил на юго-западе Средней Азии намного раньше, чем в северных областях страны.

Южный Туркменистан, как теперь мы называем этот юго-запад, в силу целого ряда благоприятных условий по крайней мере еще восемь тысяч лет назад стал центром земледельческой культуры, едва ли не древнейшей на территории нашей страны. Но лишь во второй половине III тысячелетия и начале II тысячелетия до н. э. эта культура достигла наивысшего расцвета. Она-то и представляет особый интерес для нашей книги.

В это время многие отрасли хозяйства достигли значительного развития. Основой экономики района оставалось земледелие. На полях высевались различные виды пшеницы и ячменя, возделывались также рожь, нут (растение из семейства бобовых) и виноград. Вероятно, были известны и многие садовые культуры. В условиях жаркого климата и малого количества осадков поля требовали искусственного орошения, и на решение этой проблемы были направлены в первую очередь усилия человека. В одних случаях, чтобы направить живительную влагу на поля, достаточно было создать запруду на сбегающем с гор ручье, превращающемся в пору весенних дождей в бурный поток. В других — возникала необходимость в проведении специальных каналов и создании небольших ирригационных систем, впервые появившихся в этих краях еще в начале III тысячелетия до н. э. Во всяком случае поливное земледелие в условиях субтропического климата давало значительный и устойчивый урожай.

Совершенствовались и орудия труда древних земледельцев. Почти полностью исчезают кремневые серпы, столь необходимые для уборки урожая. Вероятно, им на смену пришли серпы, сделанные из меди и бронзы. Есть основания полагать, что при обработке полей использовал-

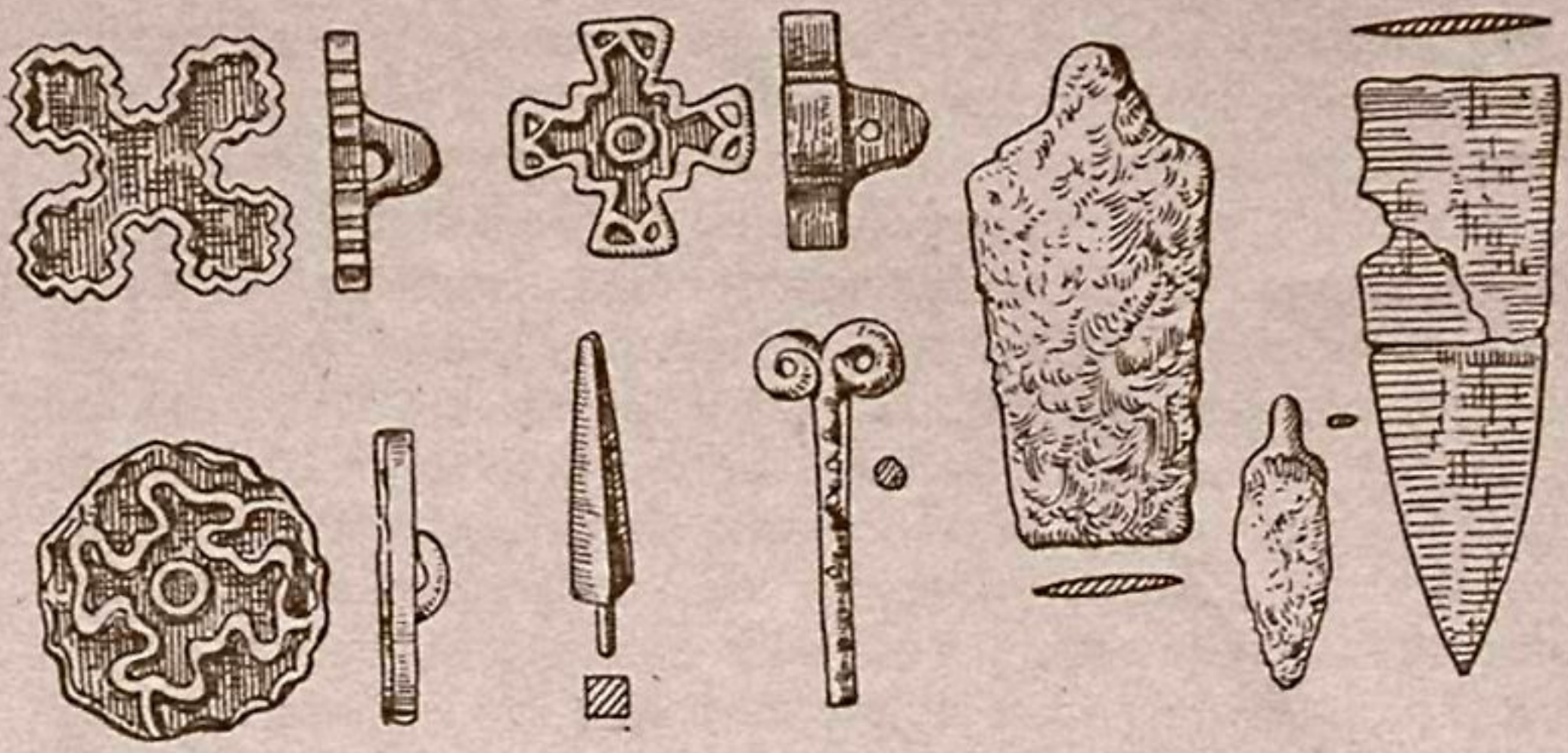


Глиняные модели повозок эпохи бронзы

ся примитивный плуг. Это позволяло часть тяжелого труда земледельца переложить на домашних животных. Сохранились широко распространенные в то время глиняные миниатюрные копии повозок. Судя по этим моделям, сами повозки были различны по своему виду и, вероятно, по назначению. Здесь имеются и тяжелые двухосные телеги, и одноосные запряжки наподобие среднеазиатской арбы или древневосточной колесницы. Видимо, в эти повозки впрягались животные, глиняные фигурки которых находят в этих же слоях. В одном случае к модели повозки приделана голова верблюда. Еще недавно можно было наблюдать в Туркмении, как это громоздкое животное меланхолически шагает по полю, влача небольшую соху, управляемую хозяином, всячески стремящимся сделать своего помощника энергичным и подвижным. Широкое распространение повозок в Южном Туркменистане в эпоху бронзы заставляет полагать, что тягловая сила животных использовалась и при обработке полей. Однако сельскохозяйственные орудия, изготовлявшиеся в первую очередь из дерева, до нас, естественно, не дошли.

Многочисленные стада коров, овец и коз паслись вокруг возделываемых полей. Приручены были также верблюд и осел, и лишь по поводу находимых при раскопках костей лошади среди специалистов-палеозоологов нет полного единомыслия. Одни считают их останками домашнего животного, другие — кулана — невысокой дикой лошади, до сих пор встречающейся в пустынных степях Юго-Восточной Туркмении. Таким образом, высокий уровень земледельческо-скотоводческой экономики Южного Туркменистана в эпоху бронзы, казалось бы, вполне допускал зарождение городских поселений. Но это была лишь одна из предпосылок к качественным изменениям в истории общества, и, кроме того, нетрудно заметить элементы некоторой гипотетичности в предложенной интерпретации «следов, истолкованных разумом нашим».

Существовала и другая предпосылка — зарождение и развитие ремесленных производств. Тут в распоряжении исследователей имеются более надежные критерии известного прогресса, чем при попытках восстановить способы обработки земли, перепаханной и перекопанной с эпохи бронзы многие сотни и тысячи раз. Одним из таких критериев являются черепки глиняной посуды, тысячами находимые при раскопках и высоко расцениваемые археологами, которые нередко готовы даже преувеличить роль и значение глиняной посуды для изучаемых ими культур. Эти черепки показывают, что в эпоху бронзы сосуды уже не просто лепятся вручную, а изготовляются при помощи гончарного круга. Введение специального инструмента не замедлило сказаться на всем производстве глиняной утвари — форма сосудов становится более совершенной и нередко вычурной; появилась стандартизация. Совершенствуется и обжиг посуды: двухъярусные керамические горны с топкой в нижнем ярусе и обжигательной камерой в верхнем неоднократно попадались археологам при раскопках. Иногда совершенство древней глиняной посуды просто поразительно — ее черепок часто не толще современных фарфоровых сервизов. Таким образом, гончарное дело становится не случайным занятием вчерашнего земледельца, завтрашнего скотовода, а высокоспециализированным ремеслом, требующим труда мастера-профессионала. Недаром на древних поселениях керамические горны сосредоточены в нескольких определенных местах. Это как бы указывает на расположение древних мастерских.



Металлические изделия эпохи бронзы

Другой областью становления ремесла была металлургия. Умение сплавлять медь с оловом и свинцом для получения бронзы было для того времени довольно сложным технологическим процессом, требовавшим специальных знаний и навыков. Нам хорошо известна продукция тогдашних мастеров-металлургов, хотя остатки их мастерских пока еще не обнаружены. Широкие плоские ножи и кинжалы, топоры и тёсла, зеркала и булавки — таков далеко не полный перечень предметов, изготовлявшихся из меди и бронзы. Кроме бронзы был известен также сплав меди и цинка, именуемый в настоящее время латунью. Были распространены и такие сложные изделия, как скульптурные фигурки животных и плоские печати. Последние имели на тыльной стороне ручку — выступ с отверстием, в которое, видимо, продевался шнурок. Наиболее распространены печати с геометрическими узорами, особенно крестообразным рисунком, но имеется также печать, сделанная в виде фигуры быка. Специализированным производством становится наконец и обработка камня, из которого вытачивались сосуды, статуэтки и подвески в форме различных животных.

Из мраморовидных пород при помощи сверлильного станка изготовлялись разнообразные сосуды, в которых мастерски использовалась фактура камня с желтыми и коричневыми прожилками. Все возрастающая специализация мастеров-профессионалов и выделение ремесла — вторая важная предпосылка появления городов.

Как мы отмечали выше, третьей предпосылкой должны были быть обмен и торговля и соответственно развитие имущественного неравенства. И по этому вопросу в нашем распоряжении имеются определенные данные. Область Южного Туркменистана лишена рудных месторождений, и уж медь должна была попадать сюда главным образом путем обмена из районов Северного Ирана. Еще сложнее обстояло дело с оловом. Его не было ни в Северном Иране, ни в Туркмении. И не случайно здесь повсюду в слоях эпохи бронзы нередки находки вещей, изготовленных из одной меди. Ближайшие разработки олова находились в Фергане и, возможно, в районе Бухары, и, вероятно, необходимую металлургам руду получали отсюда путем многостороннего обмена. Недаром в Ферганской долине в местности Хак найден небольшой клад серебряных и медных вещей работы искусных ремесленников южных общин.

Жители южнотуркменистанских поселений поддерживали культурные и хозяйственные контакты со своими южными соседями. Там они встречались с оседлыми племенами, не уступавшими по своему развитию южнотуркменистанским. Сравнивая имеющиеся материалы, мы видим, что глиняная посуда этого времени, происходящая из Афганистана, весьма близка продукции среднеазиатских гончаров, а бронзовые топоры, найденные на юго-западе Средней Азии, севере Ирана и в долине Инда, по своей форме почти идентичны. В Южном Туркменистане найдены и целые вещи, явно импортного происхождения. Среди них и изящный серый сосуд, доставленный из прикаспийских областей Ирана, и слоновая кость скорее всего индийского происхождения, и сосудик, покрытый глазурью, вероятно изготовленный каким-либо месопотамским мастером. Возможно, эти предметы попали сюда в результате многостепенного обмена, они вполне могли быть доставлены каким-нибудь торговцем, отважно путешествовавшим по чужеземным странам. В древней Месопотамии такие купцы назывались тамкарами, и кто знает, как далеко на север проникали предприимчивые сыны Ассирии и Вавилона.

Параллельно с развитием обмена происходит и имущественное расслоение общества. Выделяются знатные и богатые семьи, стремящиеся управлять бедными соплеменниками. О накоплении имущества свидетельствует появление кладов, состоящих из большого числа металлических вещей и других ценных для того времени предметов. В со-

став одного из таких кладов входили, в частности, предметы (видимо, части игральной доски), сделанные из дорогой импортной слоновой кости. Распространение печатей также указывает на выделение собственности отдельных семей и, возможно, лиц.

Таким образом, казалось бы, имелись налицо все предпосылки к возникновению поселений городского типа. Однако разве не бывает так? Все необходимые условия, чтобы поставленный эксперимент протекал успешно и результативно есть, а ожидаемая реакция не происходит. Поэтому, как ни убедительно звучит все, сказанное выше о возникших предпосылках, решающее слово, естественно, остается за самими поселениями. Их руины одни могли дать окончательный ответ, представляют ли они собой остатки сельских деревушек или поселений городского типа.

Холмы этих древних поселений уже в течение многих лет служат объектом пристального внимания археологов. Отметим прежде всего, что эти поселения различны по своей величине, и сразу отбросим мелкие из них, площадью в 1—2 гектара, являющиеся остатками сельских усадеб и деревень. Но среди памятников эпохи бронзы имеются в Южном Туркменистане два археологических гиганта и ныне поражающих исследователей своими размерами. Наиболее значительное из них — это Намазга-депе, расположенное в 6 километрах от современного районного центра Каахка. Здесь холмы оплывших руин тянутся в длину на расстояние километра, а наибольшая толщина культурных напластований достигает 34 метров. Это крупнейший памятник Средней Азии эпохи бронзы и один из крупнейших на Ближнем Востоке. Вместе с тем Намазга-депе выделяется не только своими размерами. Археологический материал этого памятника характеризуется особенным изяществом и совершенством. Глиняная посуда здесь тоньше и изысканнее, чем с других поселений, и вся культура явно имеет характер столичной. Судя по всему, Намазга-депе и было в древности своеобразной столицей земледельческих племен южного Туркменистана.

Что же представляла собой эта столица? Большие многокомнатные дома из сырцового кирпича образовывали густо застроенные кварталы. Дома разделялись узкими проулками, где зачастую с трудом могли разойтись два человека, а животное с большими вьюками, не говоря уж о повозках, не прошло бы вовсе. Вместе с тем сущест-

вовали и широкие проспекты, и большие незастроенные площади. Имеются обособленно стоящие строения необычной планировки, возможно остатки небольших храмов. Сто гектаров — а такова общая площадь холмов Намазга-депе — это территория весьма обширного поселения, и число его жителей, судя по плотности застройки, достигало 10—12 тысяч человек. Эти люди должны были быть объединены в довольно сложный социальный организм, регулирующий хозяйственную и общественную жизнь.

Вместе с тем Намазга-депе было и центром сосредоточения ремесленных производств. Уже проведенные раскопки вскрыли следы нескольких гончарных центров с многочисленными печами для обжига посуды и запасами готовой продукции. Таким образом, были все основания видеть в Намазга-депе остатки высокоразвитого поселения, близкого по своему типу к городам, если бы не одно обстоятельство, долгие годы смущавшее исследователей. Большой богатый и густонаселенный центр оказывался лишенным оборонительных стен, или во всяком случае остатки этих стен никак не могли найти. Повсюду, где это удавалось проследить, к краю поселка выходили обычно многокомнатные дома, а общая планировка поселения в виде бесформенного соединения нескольких массивных холмов, казалось бы, исключала возможность регулярной фортификации. В чем же дело? Неужели в эпоху бронзы в Южной Туркмении было время пацифизма, когда только на охоте пользовались бронзовыми кинжалами и деревянными стрелами с кремневыми наконечниками? Наши представления о закономерностях исторического развития противоречили такому заключению. Действительно оказалось, что и Южный Туркменистан отнюдь не составляет какое-то уникальное исключение в историческом процессе.

В 1959 году ашхабадские археологи приступили к раскопкам другого крупного центра эпохи бронзы — Алтын-депе (табл. I), мало уступающего по своим размерам описанной выше столице. Выяснилось, что на ряде участков Алтын-депе в эпоху бронзы имел обводную стену, только сохранилась она в более глубоких слоях, а наверху повсюду безжалостно уничтожена временем. Стена эта была построена из сырцового кирпича и имела толщину около двух метров. Ее внешняя плоскость была декорирована вертикальными выступами — пилястрами. Стена эта неоднократно надстраивалась и ремонтировалась, и местами

сохранились ее остатки трехметровой высоты. Теперь стало совершенно ясно, почему не удалось найти следов стены в Намазга-депе. Там раскапывались лишь верхние культурные слои, на уровне которых край древнего поселка полностью смыт и развеян. Правда, при продолжении работ на Алтын-депе выяснилось, что на отдельных участках обводная стена была менее значительна: она едва достигала полуметровой толщины и к ней изнутри примыкали жилые и хозяйственные помещения многокомнатных домов. Однако сам факт остался неоспоримым: жители крупных центров эпохи бронзы вынуждены были всегда заботиться о своей безопасности.

Таким образом, по нашему мнению, есть все основания именовать эти многолюдные обнесенные стенами поселки, бывшие центрами интенсивной ремесленной деятельности, первыми городами Средней Азии. Во всяком случае, если говорить осторожно, — поселениями протогородского типа. Древние города возникали не вдруг и не сразу, а прошли в своем развитии ряд этапов. Эти этапы достаточно хорошо прослеживаются в Южной Месопотамии на материалах древнего Шумера. Здесь мы видим, что города сложившегося раннеклассового общества имеют не просто обводные стены, а целую фортификационную систему с мощными башнями и предвратными сооружениями. Царский дворец и укрепленная цитадель служат яркими признаками далеко зашедшей социальной дифференциации.

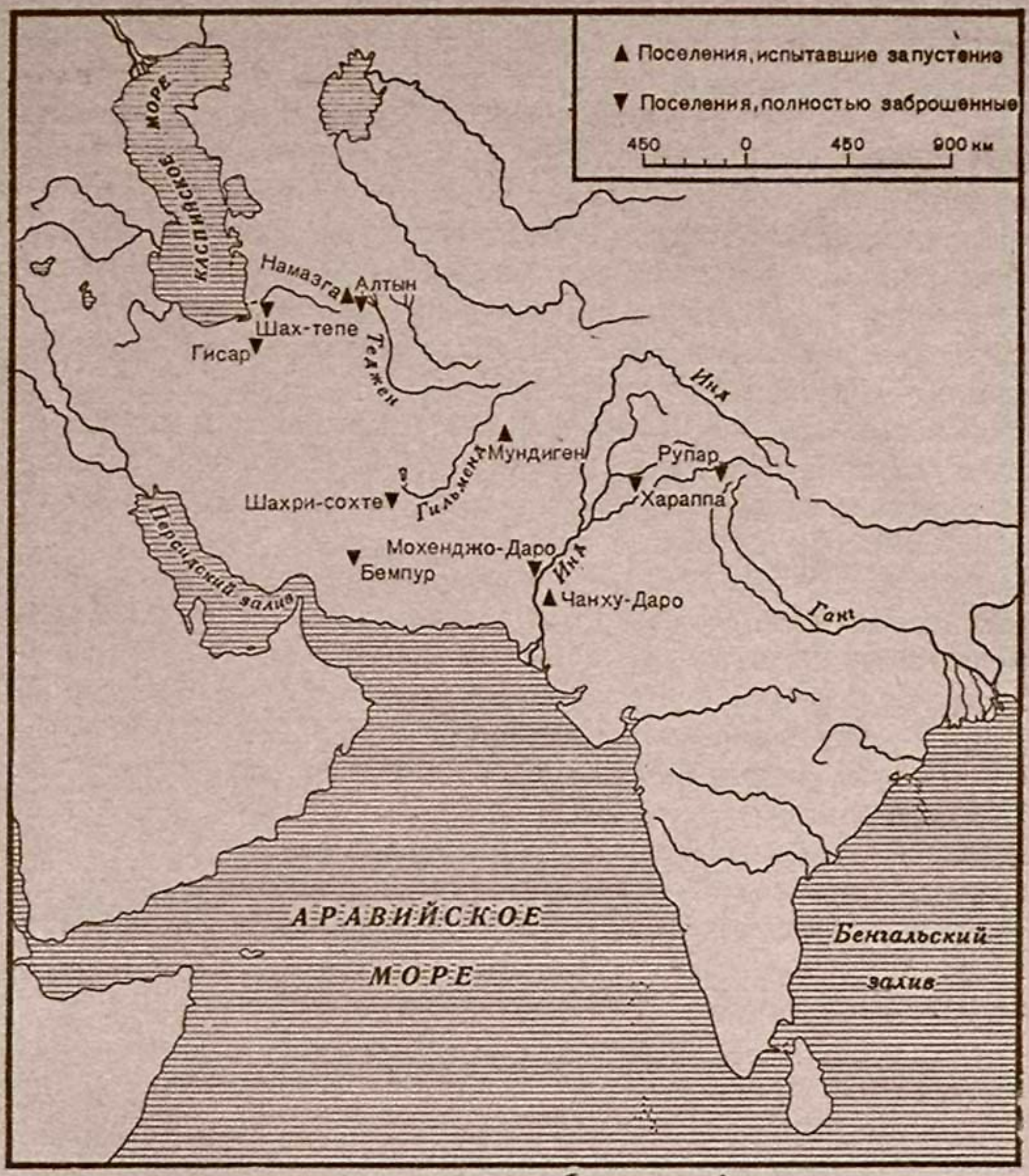
Южнотуркменистанские центры эпохи бронзы еще не достигли этой высокой ступени: здесь нет ни мощных крепостных стен, ни царских дворцов, ни цитаделей. Но их развитие шло именно в этом направлении. Весьма показательно, например, что в самых верхних слоях Алтын-депе все чаще встречаются различные знаки, нацарапанные на глиняной посуде. Среди них преобладают крестовидные фигуры, но есть и знаки более сложных начертаний (табл. II). Не исключено, что мы имеем здесь дело с зарождением пиктографического письма, столь характерного для большинства раннеклассовых обществ.

Можно ли заключить, что археологам удалось открыть на юго-западе Средней Азии самое раннее классовое общество и древнейшие города этой страны, не уступающие по древности многим областям древнего Востока? Ведь кратко охарактеризованная выше культура может быть датирована второй половиной III — началом II тысячеле-

Q.C.L. N.Ver

тия до н. э., т. е. тем же временем, что и древнеиндийская цивилизация Хараппы. Если бы развитие культуры Алтын-депе и Намазга-депе продолжалось, ответ на этот вопрос мог быть только положительным. В таком случае на юге Средней Азии уже в середине или второй половине II тысячелетия до н. э. существовало бы раннеклассовое общество и городские цивилизации и вся последующая история страны пошла бы по иному пути. Однако произошло нечто совсем противоположное. Вместо подъема и прогресса мы видим повсюду упадок и разорение. Приходят в запустение поселения-гиганты. Жители страны теперь теснятся лишь в маленьких деревушках. Этот упадок виден во всех областях культуры. Печати теперь встречаются крайне редко, вместо изящной легкой керамики преобладают сосуды грубых тяжеловесных форм. Опустевшие руины Намазга-депе используются как кладбище жителями окрестных деревень. Все говорит о том, что развитие общества приостановилось. Грань цивилизации, порог раннеклассового общества остались неперейденными.

Причины и характер этого кризиса еще должны быть изучены. Возможно, имел место какой-то внутренний кризис в жизни племен, оставивших нам руины своих величественных центров. В условиях Средней Азии интенсивное поливное земледелие без правильного агрономического режима нередко приводит к преждевременному истощению и засолению обрабатываемых земель. В результате происходит резкое падение урожайности, забрасываются обширные сельскохозяйственные угодья. Сходные явления отмечены и для Месопотамии, и некоторые исследователи именно этим склонны объяснить известный упадок областей Южного Двуречья, уступивших роль центра Вавилону, который расположен севернее. Возможно, подобного рода экономические трудности были одной из причин распада крупных общин на юго-западе Средней Азии: истощенная земля могла прокормить лишь ограниченное число людей. Другими могут быть причины внешнего характера. Известно, что на юг в богатые земледельческие оазисы двигались с севера бедные, воинственные племена скотоводов. Археологи все чаще находят в областях древней земледельческой культуры то осколки грубой лепной посуды этих скотоводческих племен, то могилы пришельцев. Пока не обнаружено достоверных признаков борьбы древних оседлых центров с воинственными пришельцами, но



Упадок поселений на Среднем Востоке в эпоху бронзы

вполне вероятно, что именно в этой борьбе был сокрушен южнотуркменистанский древний мир.

Случаи упадка ранее высоких культур и движения как бы по нисходящей хорошо известны историкам. В том же II тысячелетии до н. э. отмечается явный регресс в областях, расположенных на противоположных полюсах тогдашнего цивилизованного мира. В Греции и на Крите в XIII—XII веках до н. э. приходит в упадок крито-микенская культура, оставившая нам замечательные тысячекомнатные дворцы, породившие легенду о лабиринте, и па-

мятники письма, расшифровка которых — одно из наиболее выдающихся достижений исторической науки XX века. Искусство письма было забыто настолько основательно, что впоследствии греческий алфавит складывается на совершенно иной основе. Еще более ошеломляющим было запустение в середине II тысячелетия до н. э. гигантских древнеиндийских городов, известных нам, как и Намазга-депе, по позднему названию их руин — Мохенджо-Даро и Хараппы. И здесь, как и в Греции, было надолго утеряно искусство письма, и здесь налицо значительный разрыв традиций, перерыв постепенности.

Как и в Средней Азии, разные события были причиной этих явлений, и в их толковании еще нет полного единства среди историков. Вероятно, здесь сказались и какие-то внутренние затруднения древних обществ, и нашествие племен. В Греции это были дорийцы, в Индии, возможно, арии, предки современного индоязычного населения. Вполне вероятно, что все эти события имеют какую-то внутреннюю связь и что изменения, наблюдаемые в Средней Азии, — составная часть глубоких исторических процессов. Как бы то ни было, древнее общество на юго-западе Средней Азии остановилось на какое-то время у непройденного рубежа. Безмолвно стоят оплывшие холмы, покрытые порыжелой травой, — руины поселений, которым так и не суждено было стать подлинными городами. Невольно вспоминается горестная литургия, составленная шумерскими жрецами после вражеского нашествия:

Вне города окрестности города воистину разрушены
(увы, мой город! — скажу я),
Внутри города внутренний город воистину разрушен
(увы, мой дом! — скажу я),
Мои дома внутри города воистину разрушены
(увы, мой дом! — скажу я),
Город мой, как непорочная овца, не пасется — ушел
его истинный пастырь! *

Примечание. К сожалению, замечательные памятники эпохи бронзы, расположенные в Южной Туркмении, плохо опубликованы. См. о них «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» (ЮТАКЭ), т. VII, Ашхабад, 1956 и статью Б. А. Литвинского, *Намазга-тепе* в «Советской этнографии», 1952, № 4. Общую историческую картину см. в «Истории Туркменской ССР», т. 1, кн. 1, Ашхабад, 1957, но приведенные там сведения уже несколько устарели. Раскопки Алтын-депе производились А. Ф. Ганялиным и А. А. Марущенко.

---

* Перевод И. М. Дьяконова.

ЛЕГЕНДЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родовому строю, а их башни упираются уже в цивилизацию.

Ф. Энгельс

Осенью 1954 года грузовая машина, до предела нагруженная экспедиционным оборудованием, вышла из небольшого среднеазиатского города Байрам-Али и взяла курс на север. Скоро позади остались глинобитные дома колхозных селений, окруженные приветливой листвой деревьев. Дальше сопровождали машину хлопковые поля и бахчи арбузов и дынь, на которых уже набирал полную силу урожай. Но вот машина покатила по пустынной степи, направляясь к маячащим на севере первым грядам великой среднеазиатской пустыни Кара-Кумы. Такой маршрут выглядел несколько необычным для сидевших в машине археологов. Дело в том, что наиболее интересные памятники старины оставались уже позади. Там, прямо на окраине Байрам-Али, начинались величественные руины, развалины древнего Мерва, знаменитого Мерва — Шахиджана, одного из крупнейших городов Востока, бывшего одно время фактической столицей всего Арабского халифата. Казалось бы, что можно найти в поселках и деревнях, теснящихся вокруг блестящей столицы с ее прославленными мечетями и библиотеками? Однако археологи, выбирая маршрут, преследовали совершенно определенную цель. Они предпринимали очередную попытку обнаружить наконец памятники, рисующие не расцвет городской культуры, а первые этапы ее становления. Решение этой задачи было уже насущной потребностью исторической науки. Высокий уровень городской культуры Средней Азии в эпоху средневековья уже давно не вызывал никаких сомнений. К 1954 году усилиями нескольких экспедиций почти во всех среднеазиатских республиках была обнаружена и более древняя городская цивилизация, современница республиканского и императорского Рима. Однако истоки этой цивилизации все еще оставались загадочными и неуловимыми. А вместе с тем у древних авторов сохранились отдельные упоминания,

подтверждающие, видимо, факт древнего существования первых среднеазиатских городов.

Так, римский историк Тацит сохранил следующее описание осмотра полководцем Германиком развалин египетских Фив. «На громадных сооружениях сохранялись еще египетские письмена, заключавшие в себе свидетельство о прежнем богатстве. Один из старейших жрецов, которому Германик приказал изъяснить отечественную речь, сообщил, что некогда тут жило семьсот тысяч человек способного к оружию возраста и что с этим войском царь Рамзес завоевал Ливию, Эфиопию, Мидию, Персию, Бактрию, Скифию... Были прочтены и назначенные этим народам дани, сумма серебра и золота, количество оружия и лошадей, дары в храмы, слоновая кость и благовония и какое количество хлеба и других предметов потребления должен был доставлять каждый народ». Среди названных здесь стран самой отдаленной от Египта является Бактрия. Так в древности именовалась страна, объединявшая оазисы Северного Афганистана и южной части Узбекской и Таджикской ССР. Казалось бы, какая научная сенсация: войска египетского фараона на берегах Аму-Дарьи! Но скорее всего египетский священнослужитель стремился произвести впечатление на удачливого варвара северной страны, утвердившей свою власть на родине Осириса и Изиды. Никогда никто не мог предположить, что египетские воины проникали так далеко на восток. Во всяком случае среди бесчисленного количества древних надписей, известных сейчас египтологам, нет ни одной, которая хотя бы отдаленно напоминала этот текст, призванный поразить воображение Германика. В этом тексте, однако, важно другое: упоминание жрецом Бактрии как страны, присоединение которой должно было придать особую славу и блеск подвигам древнеегипетского фараона.

Действительно, в античной литературе за Бакгрией упорно сохранялась слава страны весьма древней и высокой культуры. Диодор, автор красочной «Исторической библиотеки», которой зачитывались многие поколения древней интеллигенции, приводит подробный рассказ о походе в Бактрию ассирийского царя Нина и его жены Семирамиды. Семирамида, эта легендарная владелица седьмого чуда света — висячих садов в Вавилоне, является исторической Саммурамат, бывшей с 810 г. до н. э. полновластной регентшей воинственной ассирийской державы.

Для далекого похода, повествует Диодор, ассирийцы собрали 1700 тысяч пеших воинов и 210 тысяч всадников. Войско бактрийского царя тоже характеризуется огромной цифрой, призванной поразить воображение читателя — 400 тысяч человек. Во владении бактрийского царя была, согласно Диодору, густонаселенная страна с многочисленными городами, а столица — город Бактры — имела мощную цитадель — акрополь. Лишь с большим трудом удалось ассирийцам завоевать эту страну и то лишь благодаря хитроумной уловке, примененной Семирамидой при штурме бактрийской цитадели. Бесчисленные сокровища, золото и серебро достались победителям, которые направились затем в поход на Индию. Это красочное описание древнего историка ставило перед исследователями по крайней мере две проблемы. Первая из них — это вопрос о самом существовании древнебактрийского царства. Ведь если в Бактрии уже в IX—VIII веках до н. э. существовали многочисленные укрепленные города, то именно этот период следовало рассматривать как начальный рубеж городской цивилизации Средней Азии. Не менее интригующей была и вторая проблема — о возможности похода ассирийских армий столь далеко на восток. Поэтому не случайно это сообщение греческого писателя долгое время служило предметом бесконечных дискуссий. Помилуйте, говорили скептики, поход ассирийцев в IX—VIII веках до н. э. в бассейн Аму-Дарьи, чем это лучше рассказов о собакоголовых людях и муравьях, собирающих золото, имеющихся, кстати, у того же Диодора. Было, правда, одно обстоятельство, заставлявшее внимательнее взглянуть на этот рассказ, действительно производящий впечатление легенды. Диодор не скрывает своего источника, из которого он позаимствовал историю Семирамиды. Это было недошедшее до нас сочинение другого грека, Ктесия Книдского. Ктесий из Книды, видный врач своего времени, младший современник отца истории Геродота, попал пленником ко двору персидских царей, где и прожил почти семнадцать лет (414—398 годы до н. э.). Естественно возникал вопрос — не отразились ли в рассказах Ктесия о бактрийской державе какие-то предания, сохранившиеся в столице персидских владык. Скептики отвечали категорическим отрицанием. Нам хорошо известна военно-политическая история Ассирии, утверждала эта группа исследователей, и по подлинным ассирийским анналам мы знаем о крупных

восточных походах в пору регентства Саммурамат. Но эти походы едва ли достигали областей восточнее современной иранской столицы Тегерана. Ктесий же — хвастливый выдумщик и фантазер, которому не давала покоя заслуженная слава вдумчивого и осторожного Геродота. Какую же ценность могут иметь его сообщения о городах и цитаделях Бактрии? Действительно, было трудно отрицать, что текст приведенный в «Исторической библиотеке», более похож по форме на занимательный роман, чем на отрывок из исторической хроники. Таким образом, все снова повисало в воздухе и проблема оставалась нерешенной. Можно было трижды и четырежды перечитывать слова Диодора (сообщения, имевшиеся у других авторов, были отрывочными и скудными), можно было смотреть на свет пожелтевшие страницы древних рукописей, сохранивших это сообщение, но ничего нового в них не открывалось. Необходимы были новые данные, чтобы решить так или иначе проблему древнебактрийских городов. В письменных источниках такие данные отсутствовали, и дать их мог лишь археологический материал.

Однако археологические памятники IX—VIII веков до н. э., современники Семирамиды, упорно не давались в руки археологов. Вот уже в древнем Самарканде, в низовьях Аму-Дарьи — прославленном в веках Хорезме и, наконец, в том же Мерве обнаружены предметы, датируемые VI—IV веками до н. э., т. е. временем вхождения Средней Азии в мировую империю Ахеменидов. Но более ранние памятники оседлых культур все еще отсутствовали, и их отсутствие было поразительным. Невольно закрадывалось сомнение, а не следует ли в самом деле относить сведения о древнебактрийских городах к числу приукрашенных фантазией сказок и легенд. Эти проблемы и эти сомнения занимали исследователей, отправившихся в экспедицию к северным окраинам Марийского оазиса (так звучит ныне древнее имя Мерва) Туркменской ССР.

Лагерь был разбит в пустынной степи у подножия холмов древнего поселения, которое на карте носило имя, данное им современными пастухами, — Яз-депе. Быстро появилась ровная линия палаток, равнявшихся по фронту на два шеста с прибитыми к ним умывальниками, были сгружены плоские деревянные бочки-челеки с пресной водой, привезенной за 30 километров, и началась работа. Размеренно потянулась обычная лагерная жизнь.

Для решения «проблемы Ктесия» Яз-депе было выбрано не случайно. Долина реки Мургаб, где находятся развалины Мерва и многие другие памятники, в древности образовывала область, называвшуюся Маргианой. Как сообщают письменные источники, Маргиана была тесно связана с Бактрией, а нередко прямо входила в состав последней. Так было, в частности, в VI в. до н. э., когда ахеменидский «царь царей» Дарий, сообщив в Бисутунской надписи о кровавом подавлении восстания маргианцев против чужеземного ига, лаконично заключает: «После этого страна стала моей. Вот что мною сделано в Бактрии».

Именно в Маргиане можно было с бóльшими основаниями ожидать открытия памятников желанной древности. Здесь к северу от современного оазиса тянулась широкая полоса мертвой земли, усеянной древними развалинами. Одни из них пришли в запустение со времени нашествия стремительных туменов Тулия, сына Чингис-хана, подвергших в 1221 году жесточайшему разгрому Мерв и его окрестности. Другие имели еще более почтенный возраст. Кроме того, здесь были открыты археологами остатки стены, построенной в III веке до н. э. Антиохом вокруг оазисов Маргианы. Вне пределов этой стены, ныне представляющей собой оплывший вал, вытянувшийся по степи наподобие железнодорожной насыпи, оставалось еще значительное число памятников. Среди них одним из наиболее крупных и значительных было именно Яз-депе. Здесь даже на поверхности холмов можно было собрать осколки глиняной посуды и позеленевшие бронзовые наконечники стрел времени Дария. Уже первый сезон раскопок на Яз-депе показал правильность наших расчетов. Нижние слои памятника оказались относящимися именно к IX—VI векам до н. э., времени легендарной Бактрии античных историков. После трех лет раскопок удалось приподнять край завесы, сделать первый шаг к решению проблемы.

Яз-депе оказалось остатками крупного поселения. Возможно, это была даже столица всей Маргианы IX—VII веков до н. э. и во всяком случае резиденция одного из маргианских князьков. Правда, по сравнению с такими гигантами бронзового века, как Намазга-депе или Алтын-депе, площадь древнемаргианского центра была, казалось бы, не так уже и велика — около 16 гектаров. Однако холмы Яз-депе в отличие от поселений эпохи бронзы имели архитектурно организующий центр — мощную цитадель.

Для ее сооружения была возведена из сырцового кирпича платформа восьмиметровой высоты. Если учесть, что площадь этой платформы равнялась одному гектару, то нетрудно подсчитать, что на ее сооружение ушло свыше четырех миллионов громоздких сырцовых кирпичей, вчетверо превосходящих своими размерами наш современный кирпич прямоугольного формата.

Большая часть цитадели была занята плохо сохранившимися постройками, видимо, хозяйственного назначения. Однако в южной ее части обособленно от других возвышалось монументальное здание. В одной из его частей располагались вытянутые в четыре ряда узкие коридорообразные помещения, перекрытые сводами. Материалом для постройки служил все тот же сырцовый кирпич. К востоку от этих коридоров находился большой прямоугольный зал. Возможно, здание было частично двухэтажным, но до нашего времени сохранились лишь остатки стен двухметровой высоты. Все здание характеризует массивность, стремление к монументальности. Оно резко отличается от многокомнатных жилых домов с тонкими стенами, характерных для эпохи бронзы. Скорее всего это здание было когда-то дворцом местного правителя, чьей резиденцией являлась могущественная цитадель.

На цитадели было найдено и оружие ее древнего гарнизона. Помимо разнообразных бронзовых наконечников стрел, это были биконические ядра для пращи, сделанные из обожженной глины или из гладко отшлифованных камней. И те и другие делались весьма увесистыми; будучи пущенными умелой рукой, они могли нанести тяжелую рану штурмующему врагу. Именно так — камнем, пущенным из пращи, — был тяжело ранен в голову и в шею Александр Македонский при штурме в 329 году до н. э. одного из среднеазиатских городков, расположенных около Сыр-Дарьи. В одном из помещений оказались сложенные кучей овальные ядра более крупных размеров, правда сделанные уже из необожженной глины. Возможно, их метание производилось с помощью какого-либо механизма. Однако самих крепостных стен на цитадели обнаружить не удалось: они были полностью уничтожены природой за прошедшие столетия. Повсюду, где производились раскопки, край холма цитадели образовывала лишь ее платформа. Правда, остатки обводной стены были открыты в нижних слоях на примыкающем к цитадели селении. Но мы уже

знаем по памятникам бронзового века, как плохо сохраняются на краю размываемых холмов древние стены, бывшие некогда надежной защитой укрывавшихся за ними людей.

Проведенные разведки показали, что Яз-депе далеко не одиноко в пустынной степи, простирающейся за пределами стены Антиоха. Само оно было центром целой группы поселений, а далее к востоку располагался другой оазис, столицей которого также было крупное поселение с цитаделью, хотя и менее значительной, чем яз-депинская.

Сомнений быть не могло — наконец удалось открыть памятники IX—VII веков до н. э., и это оказались укрепленные поселения с цитаделями. Видимо, в ктесиевой легенде все-таки имелось какое-то зерно истины, что вскоре нашло новое подтверждение. На землях Парфии, западной соседки Маргианы, были произведены раскопки на поселении, не уступающем по своим размерам Яз-депе и подобно этому последнему являющемся остатками древнего местного центра. Елькен-депе — таково было наименование этих руин — расположено неподалеку от Намазга-депе. Однако в отличие от этого поселения эпохи бронзы на Елькен-депе имелась мощная цитадель, где в качестве платформы был использован оплывший холм более древнего поселка. Еще ранее стали известны центральные укрепления на памятниках, расположенных в степях Юго-Западной Туркмении и также относящихся к первой трети I тысячелетия до н. э. Но раскопки на них в отличие от Яз-депе и Елькен-депе не проведены и до сих пор.

Правда, все это были лишь подступы к собственно Бактрии, а сама бактрийская территория, казалось бы, не имела совершенно никаких памятников ранее VI—IV веков до н. э. Здесь города и поселения в течение многих тысячелетий существовали на одном месте, и поэтому нелегко было изучать самые нижние, а следовательно, и самые древние слои. В Южной Бактрии, входящей в настоящее время в состав Афганистана, работали по преимуществу французские археологи, предпочитавшие, как правило, исследовать лишь памятники, на которых попадались внешне броские и эффектные произведения искусства. В 1947 году на развалинах Бактр, древней столицы Бактрии, ими заложена серия узких шурфов, в которых были найдены лишь обломки глиняной посуды. В расположении этих находок по слоям авторы раскопок не удосужились как следует разобраться. Опираясь на классифи-

кационные схемы советских археологов, можно было сказать, что здесь имеется материал VI—IV веков до н. э. Но более древние периоды истории Бактрии все еще оставались загадкой.

Новый шаг удалось сделать лишь в 1962—1964 годах, когда одним из ташкентских археологов неподалеку от Термеза был открыт и раскопан холм Кучук-депе. Оказалось, что он содержит остатки именно той древнебактрийской культуры X—VII веков до н. э., которую так давно и так упорно ищут археологи. Во многом эта культура напоминала маргианское Яз-депе. Сходство прослеживалось и в глиняной посуде, и в бронзовых ножах, и стрелах. В одном отношении, правда, Кучук-депе превосходило своего маргианского собрата: здесь сохранилась обводная стена. Отдельно стоящий дом, остатками которого является Кучук-депе, располагался на четырехметровом цоколе. По краю овального в плане дома, состоявшего из нескольких помещений, шла стена почти шестиметровой высоты. Основательно был укреплен этот домик, затерянный среди степей аму-дарьинского правобережья. Поэтому нетрудно представить, насколько солидной должна быть фортификация бактрийских городов того же времени. И недаром. Это было время беспрестанных столкновений отдельных князьков, время набегов кочевников, разорявших оазисы, угонявших скот. Не случайно как хорошо вооруженный воин описывается в Авесте, собрании религиозных текстов, в первой половине I тысячелетия до н. э., Митра — одно из наиболее популярных зороастрийских божеств:

Мы возносим молитвы Митре, владыке обширных пастбищ...
Снаряженному серебряным копьем, снаряженному
золотыми доспехами,
обладающему плетью, могучему, деятельному,
господину рода, стоящему в колеснице.
Стоят у колесницы Митры, владыки обширных пастбищ,
Тысяча мечей обоюдоострых, хорошо выделанных;
Они — происходящие из неземного пространства — летят,
Они — происходящие из неземного пространства —
падают на поганые головы дэвов *.
Стоят у колесницы Митры, владыки обширных пастбищ,
Тысяча палиц железных, хорошо выделанных;
Происходящие из неземного пространства они летят,
Происходящие из неземного пространства они обрушиваются на поганые головы дэвов **.

---

* Дэвы — божества, составляющие армию князя тьмы зороастрийской религии — Ахримана.

** Перевод И. М. Оранского.

Попытаемся сформулировать возможные выводы, которые позволяет сделать имеющийся материал. В первой трети I тысячелетия до н. э. Средняя Азия, во всяком случае ее южные области, состояла из оседлоземледельческих оазисов, центрами которых были крупные поселения с мощными цитаделями — этим верным признаком социальной дифференциации. Вероятно, перед нами резиденции тех мелких царьков и правителей, которые в Авесте именуются дахьюпатами и управляют областями — дахью. Скорее всего такими маргианскими дахью были и исследованные археологами маргианские оазисы. Следут считать, что крупные укрепленные центры наподобие Яз-депе и сходных с ним памятников являются остатками поселений городского типа или поселений, близко подошедших к этой грани. О том, что соответствующий переход еще не совершился окончательно, может свидетельствовать и отсутствие специального термина для обозначения города в авестийских текстах. С другой стороны, не вполне ясно — не к более раннему ли периоду относится применяемая в Авесте терминология поселений.

Во всяком случае становление городских цивилизаций в южных областях Средней Азии шло в это время быстрыми темпами. На это указывают, в частности, и данные о развитии хозяйства. Если Митра как одно из верховных божеств облачался в золотую кирасу, то к услугам рядовых воинов уже было более совершенное вооружение. X—VII века до н. э. были временем распространения железа, которое неоднократно упоминается в Авесте и встречается также при раскопках древних поселений. Некоторые виды изделий еще традиционно изготовлялись из бронзы, но в целом новый металл был освоен уже достаточно широко. Это привело к усложнению видов ремесленной деятельности, и недаром в той же Авесте особо упоминаются специалисты-ремесленники.

Железо шло не только на изготовление мечей и копий, но также на лопаты и серпы. Скорее всего именно железная лопата и мотыга с железным наконечником в значительной мере обусловили возможность проведения больших оросительных каналов. Как в Месопотамии и Египте, ирригационное земледелие было тем экономическим фундаментом, на котором складываются древнейшие городские цивилизации Средней Азии. Этот скачок в развитии производительных сил пока лучше всего прослеживается по

южнотуркменистанским материалам. Ранние земледельцы, теснившиеся здесь, в небольших оазисах прикопетдагской равнины, как правило, пользовались для полива своих полей сравнительно несложным лиманным способом орошения. В этом случае поля, огражденные валиками, заливают паводковыми водами. Небольшие речки и ручьи этого района, собственно говоря, не требовали сколько-нибудь крупных работ в области ирригации. Но вот после кризиса, поразившего южнотуркменистанские протогорода в начале II тысячелетия до н. э., а может быть, частично и в результате этого кризиса, начинается расселение земледельческих общин на новых территориях. На западе древние земледельцы проникают на засушливую Мисрианскую равнину Прикаспия, на востоке осваивают низовья сравнительно крупной среднеазиатской реки Мургаб. В обеих областях значительное освоение невозделанных пространств было невозможно без прогресса в области ирригационного хозяйства. И этот прогресс происходит. В дельте Мургаба и в Юго-Восточном Прикаспии появляются крупные магистральные каналы длиной в несколько десятков километров. Именно такой магистральный канал доставлял воду жителям яз-депинского оазиса.

Полноводные каналы, несущие на поля спасительную влагу, мощные цитадели, возвышающиеся над глинобитными мазанками простых смертных, многочисленные отряды воинов, вооруженных копьями и мечами из блестящего железа, возглавляемых вождями на колесницах, — такой вырисовывается сейчас Средняя Азия X—VII веков до н. э. В каком же соотношении находится эта картина с заманчивой легендой о древнебактрийском царстве, которой греческие историки услаждали слух древних читателей. Во всяком случае на первый вопрос — о времени рождения городской цивилизации — можно ответить вполне определенно.

Да, существовали в Средней Азии в IX—VII веках до н. э. крупные поселения с цитаделями — этот вывод со всей очевидностью вытекает из материалов, добытых археологами. Вполне вероятно, что среди царьков и правителей отдельных районов и областей были полководцы, подчинившие своей власти менее удачливых соседей. Таким объединением нескольких областей (дахью) под властью одного правителя и могла быть Бактрия ктесиевской легенды. Однако пока остается открытым второй вопрос —

о возможности похода тяжеловооруженной ассирийской пехоты на берега Аму-Дарьи. Тщательный анализ царских анналов Ассирии показывает, что как раз в конце IX — начале VIII веков до н. э., в правление Саммурамат (ктесиевской Семирамиды) и ее сына Ададнирари III ассирийские войска совершили ряд походов далеко на восток, достигнув, в частности, берегов Каспийского моря. Источники не дают прямого ответа на вопрос — была ли Бактрия среди стран, испытавших в эту пору вражеское нашествие. Но не приходится сомневаться в том, что сама эта страна была хорошо известна грозным воителям древнего Востока. В ассирийских архивах сохранилось следующее любопытное донесение: «Царь, господин мой, не знает, что я поднялся в горную местность за лазуритом, но когда я унес лазурит, страна восстала против меня. Если изволит царь, господин мой, пусть придут большие воинские силы и заберут лазурит; только я с ними не буду ни есть хлеба, ни пить воды, ни проходить рядом с ними, не буду вставать к твоему гонцу и о благополучии царя, моего господина, не буду спрашивать. Царь, господин мой, не должен считать это за грех». Хотя в этом тексте страна и не названа, речь идет скорее всего о Бактрии, бывшей основным поставщиком лазурита на древнем Востоке. Возможно, именно ее достиг ловкий эмиссар, опасающийся разоблачения. Поэтому вполне возможно, что когда археологи откроют и раскопают крупные центры на территории собственно Бактрии, то у стен этих городов будут найдены следы ожесточенных битв с воинами Семирамиды. В археологии не так уж редки случаи, когда раскопки открывают останки солдат, павших при штурме древних городов и крепостей.

Во всяком случае с IX—VII веков до н. э. начинается неуклонное развитие городских цивилизаций Средней Азии. В середине I тысячелетия до н. э., когда вся страна входит в состав обширной ахеменидской империи, города, окруженные стенами, становятся центрами оседлых оазисов. Их описание оставили сподвижники Александра Македонского, которым в 329—327 годах до н. э. пришлось осаждать многие из них.

Остатки городов изучаются и археологами. Так, в низовьях Аму-Дарьи, в том самом Хорезме, о разрушении культуры которого арабскими завоевателями скорбел Бируни, раскапывалось крупное городище Кюзели-гыр. Воз-

можно, оно является остатками древнехорезмийской столицы VI—IV веков до н. э. Массивные стены городища возведены из сырцового кирпича и фланкированы башнями. В центре располагалось монументальное сооружение, скорее всего дворец правителя.

О высоком уровне культуры свидетельствуют и памятники искусства. Еще в XIX веке на территории Северной Бактрии было обнаружено собрание ценных предметов, известное в науке под именем Аму-дарьинского клада. Здесь имеются вещи, привезенные из ахеменидского Ирана, и импорт из далекой Эллады. Можно выделить и группу изделий местных мастеров. Такова золотая маска безбородого мужчины с правильными чертами лица, но с каким-то застывшим выражением, полным вместе с тем внутренней силы (табл. III). Несомненно, перед нами образец местной скульптурной традиции, своеобразный реализм которой предвосхищает расцвет греко-бактрийского и кушанского искусства. Хорезм, Бактрия, Маргиана, Парфия и Согд — основные области Средней Азии этого времени. Эти районы стали главными центрами нового, блестящего подъема городской культуры древней Средней Азии, начавшегося в III веке до н. э., когда страна оправилась от ран, нанесенных греко-македонским нашествием и последующими смутами.

Примечание. Полную публикацию раскопок на Яз-депе см.: В. М. Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, М.—Л., 1959. Общество Авесты лучше всего разобрано в «Истории таджикского народа» (т. 1, М., 1963), в третьей главе. Из городов ахеменидского времени в Средней Азии лучше других изучены Кюзели-Гыр в Хорезме («Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 143—152) и соответствующие слои Мерва (см. статью З. И. Усмановой, *О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-кала*, — «Известия АН Туркменской ССР, 1960, № 4). См. также М. М. Дьяконов, *Сложение классового общества в Северной Бактрии*, — сб. «Советская археология», т. XIX, М.—Л., 1954. Материалы раскопок Л. И. Альбаума на Кучук-тепе пока еще не изданы, имеется лишь предварительная информация, например тезисы в кн.: «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР», Баку, 1965, стр. 59—60.

ВСТРЕЧА ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

И персидскую одежду одел он (Александр), по-моему, обдуманно: ради варваров, чтобы явиться для них не совсем чуждым царем, и ради македонцев — для умаления македонской резкости и заносчивости.

Арриан, *Поход Александра.*

Развитие городской культуры древней Средней Азии издавна протекало в тесном взаимодействии с культурами соседних стран и народов, но особенно яркий отпечаток наложило на среднеазиатские города знакомство с культурой и искусством Эллады. Средняя Азия была одной из стран, где произошла встреча двух цивилизаций — западной и восточной — и где их творческое взаимодействие было в высшей степени результативным и плодотворным. В Средней Азии этот взаимоконтакт лучше всего прослеживается на материалах Бактрии, хотя именно этой области пришлось вытерпеть немало упреков и несправедливого презрения со стороны некоторых излишне поспешных исследователей.

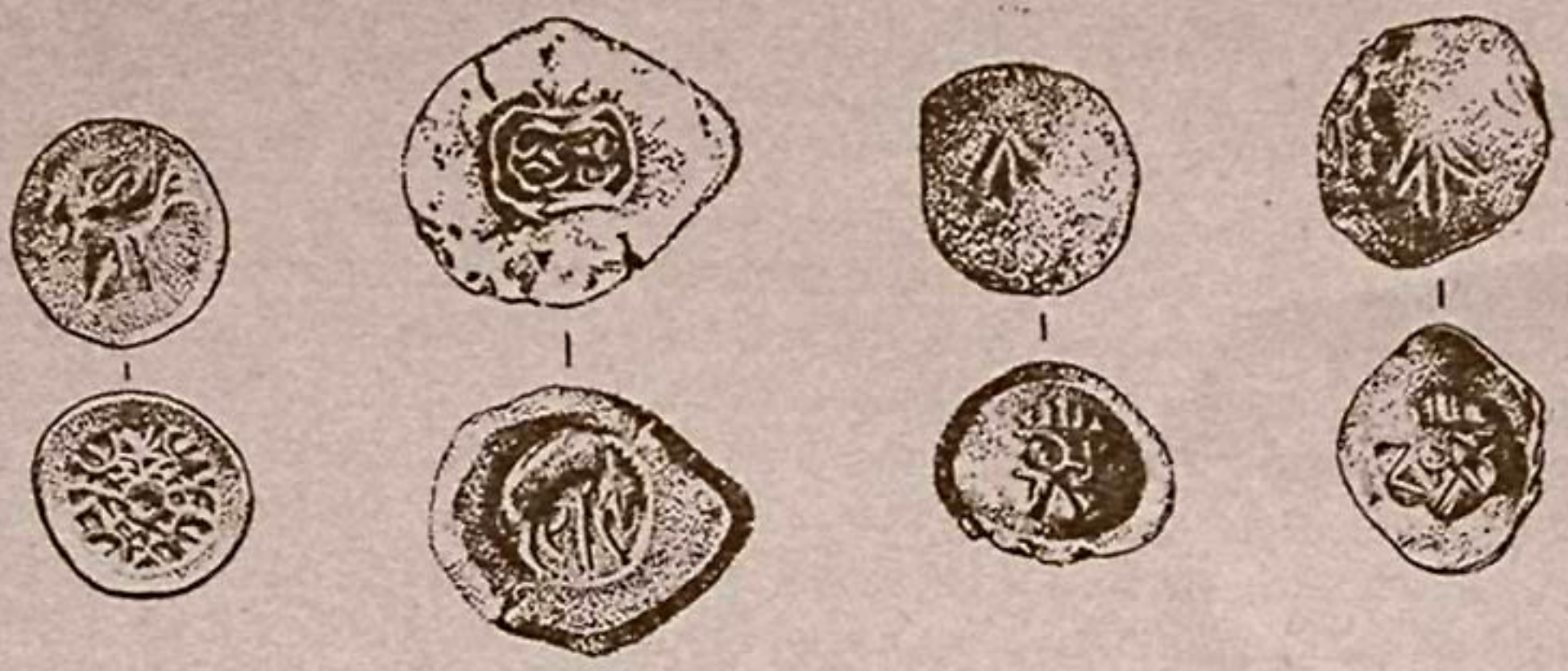
Когда в XIX веке горные области Южного Афганистана и Северо-Западной Индии стали щедро дарить исследователям сотни и тысячи скульптур эллинистического стиля, имя Бактрии было у всех на устах. Ведь именно здесь, на востоке, должен был произойти сплав западных и восточных традиций. Здесь следовало искать истоки поразительного искусства, именуемого то гандхарским по имени одной из областей, то прямо греко-буддийским. Недаром же во главе Бактрии довольно долго находились правители греческого происхождения, а созданное ими царство так и названо греко-бактрийским.

Но сама Бактрия долгое время была недоступной для исследователей. Бухарское ханство и афганский эмират, поделившие между собой территорию древней Бактрии, долгое время оставались для европейцев закрытой страной. Даже настойчивые офицеры разведки, проникавшие в эти районы, нередко расплачивались за дерзость собственной головой. Так, в 1838 году по приказанию бухарского эмира были казнены британские офицеры Стоддарт и

Конолли, несмотря на попытки Лондона спасти своих эмиссаров.

Но вот наконец в 1922 году французское правительство получило право монопольного изучения древностей Афганистана, и казалось уже, что исследователи будут вознаграждены. Французские специалисты устремились к руинам древней бактрийской столицы. Однако тут их сразу же постигло разочарование, тем более жестокое, чем непомернее были ожидания и надежды. В Балхе не оказалось колоссальных каменных колонн, поражающих путешественников при осмотре ахеменидского Персеполя. Отсутствовали здесь и великолепные статуи, столь характерные для памятников гандхарского искусства. Глинобитные руины уныло высились под яростными лучами южного солнца, налетавший ветер поднимал столбы пыли. Ничего не дали наспех проведенные раскопки. Глава французской миссии Альфред Фуше, крупнейший исследователь гандхарского искусства, пламенный сторонник выдающейся роли Бактрии, с горьким разочарованием писал: «Еще и еще, везде и всюду одна лишь глина, обычная глина и ничего, кроме глины. Тщетно наши взгляды обращаются в различные стороны: никакие памятники не вырисовываются над горизонтом, ни ахеменидская колонна, ни обломок греческого архитрава, ни сасанидская арка». «Бактрийский мираж», — так продолжал говорить до конца своих дней этот маститый ученый, поверив в иные пути возникновения искусства, им же названного греко-буддийским.

В науке нередки случаи, когда ученые бросаются из одной крайности в другую. Это, видимо, неизбежно. Но безусловно в отношении Бактрии исследователям стоило бы проявить бóльшую осторожность. Известно, правда, что легче всего давать советы и руководящие указания, поскольку, как писал Шота Руставели, «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Однако если отнестись с должным вниманием к той же глине, сырцовому кирпичу, к черепку, закаленному в пламени керамических печей, то и этот материал может много поведать о времени и о себе. Подобную кропотливую работу в отношении Бактрии с успехом ведут советские археологи. Через тридцать лет после безапелляционного приговора, произнесенного над руинами бактрийской столицы, начали успокаиваться и французские исследователи.



Монеты из Кабульского клада

Традиции бактрийской культуры уходят в глубину веков. В Бактрии, впервые в Средней Азии, были открыты памятники древнекаменного века и прежде всего прогремевшая на весь мир пещера Тешик-таш. В последние годы исследователям удалось обнаружить и памятники эпохи бронзы. Выше мы уже останавливались на преданиях о крупной бактрийской державе IX—VIII веков до н. э. и стремились показать, что расстояние между легендами и реальной действительностью может быть не так уж и велико. Незаурядное значение Бактрии было признано и при Ахеменидах, обычно направлявших в эту страну в качестве наместника члена правящей династии и наследника престола. К этим отдаленным временам восходят и первые контакты бактрийцев с эллинскими городами и их яркой культурой.

Сами жители среднеазиатских областей в составе армий персепольских владык могли побывать во многих областях, в том числе и в Элладе. Стали появляться в Средней Азии и обитатели западных сатрапий империи Ахеменидов. Иногда разгневанные неповиновением «цари царей» ссылали провинившихся подданных на окраину тогдашнего цивилизованного мира. В Согде и Бактрии было несколько поселков, созданных такими людьми, изгнанными из родного края волей восточных деспотов. Ахеменидские полководцы даже грозили жителям греческих городов Малой Азии высылкой их дочерей в Бактры, что означало, надо полагать, ужасное и тягостное наказание. Но наряду с подобными жертвами царского произвола имелись и лица, на свой страх и риск пускавшиеся в

далекие путешествия. Это были прежде всего торговцы, а, может быть, также ремесленники, состоявшие на ахеменидской службе. Так, известно, что при Дарии грек Скилак руководил крупной экспедицией, предпринятой для исследований реки Инд. В восточных сатрапиях Ахеменидов широко распространяются монеты греческих городов, особенно Афин. Их монет мы находим в несколько раз больше, чем монет собственно ахеменидской чеканки. Число таких вольных или невольных колонистов в ахеменидское время едва ли было особенно значительно, но тем не менее они положили начало контактам между Средней Азией и эллинским миром. В уже упоминавшемся Аму-дарьинском кладе имеется одна греческая гемма, а две другие вместе с серебряной чашей — патерой являются копиями греческих оригиналов. Таким образом, в фамильной сокровищнице северобактрийского аристократа, остатками которой, надо полагать, является этот клад, были вещи, связанные со вкусами и молодой Эллады. Интересно и по-своему знаменательно воздействие, которое оказал эллинский мир на монетное дело Бактрии. К V—IV векам до н. э. относится древнейший чекан этой страны, представленный группой серебряных монет, найденных в районе Кабула. Своей овальной формой они подражают монетам древнегреческой эмиссии, но по весу и частично по изображениям близки древнеиндийскому чекану. Наряду с символическими знаками мы видим здесь фигуры птиц и какого-то животного, возможно гиены. Это один из ранних примеров эллинских воздействий на материальную культуру Востока.

Время идет. Рушится держава персепольских владык. Преследуя бегущих ахеменидских сатрапов, на границах Бактрии появляется Александр. Растерявшийся наместник этой страны, объявивший было себя «царем Азии», в панике бежал за Аму-Дарью. Греко-македонские гарнизоны заняли крупнейшие бактрийские города, в том числе и столицу, где главные силы армии провели зиму с 329 на 328 год до н. э. Почти три года Александр боролся со свободолюбивыми народами Средней Азии. Особенно жестокое сопротивление оказали пришельцам жители Согда. Восстания и волнения затронули также и Бактрию, где некоторые города были полностью разрушены завоевателями. Много сил у греко-македонской армии отняла и осада крепостей местной знати в горных областях северной

Бактрии и южного Согда. Бывало и по-другому. Александр подошел к крепости знатного бактрийца Оксиарта. Расчетливый вельможа поспешил сдать свою резиденцию и устроить для победителей праздничное пиршество. При этом гостям прислуживали 30 девушек из знатных семей, в том числе и дочь самого Оксиарта прекрасная Роксана. Говорят, что греки не видели на Востоке более красивой женщины, если не считать жены Дария. Великий македонец, прославившийся своими стремительными военными маршами, и в данном случае действовал с ошеломляющей быстротой — прекрасная пленница в тот же день стала женой повелителя величайшей империи. Этот скоропалительный брак вызвал множество пересудов. Были среди сподвижников Александра и такие, что не скрывали своего недовольства подобным поступком. «Таким образом, — замечает об этом историк Квинт Курций, — царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пир, с тем чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями. Стыдно было приближенным, что царский тесть был выбран во время пира и попойки из числа покоренных». Другие, наоборот, были склонны искать в этом поступке проявление особых душевных качеств молодого македонского царя. «Он не захотел ее обидеть как пленницу, — пишет Арриан, другой историк походов Александра, — и счел достойной имени жены. Я не порицаю за это Александра, а скорее хвалю. Он или не захотел жены Дария, которая слыла первой красавицей Азии, или сумел обуздать себя, хотя был молод и находился на вершине счастья, когда люди позволяют себе все. Он же отнесся к женщине с уважением и жалостью; проявил большое самообладание и вполне уместное желание доброй славы».

Скорее всего романтическое увлечение удачно сочеталось с трезвым расчетом политического деятеля. Александр прекрасно видел, что нельзя было опираться лишь на верхушку греко-македонского воинства в создаваемом им огромном государстве, где подавляющее большинство подданных были коренными жителями Азии. Брак с бактрийской красавицей был как бы символом новой эпохи, объединяющей эллинские и ориентальные идеи.

Соединением эллинских и восточных начал и было греко-бактрийское царство. Это верно понял в начале своей деятельности Альфред Фуше, и напрасно потом с

такой досадной поспешностью отказался он от своих взглядов.

В 323 году до н. э. Александр умер от лихорадки, не дожив до 33 лет, истощенный колоссальным нервным и физическим напряжением. Бактрия вскоре перешла во власть одного из александровских полководцев — Селевка. Но эти внешние узы тяготили страну, обладавшую достаточно высоким уровнем хозяйственного и общественного развития. Поэтому, когда около 250 года до н. э. бактрийский наместник Диодот отделился от центрального правительства, то это полностью соответствовало интересам управляемой им области. Это был безусловно шаг вперед, хотя осуществлен он был силами греко-македонской администрации. Помимо Бактрии в состав нового государства входил Согд и, видимо, Маргиана.

Историкам известен ряд имен греко-бактрийских правителей. Таковы первоосновательь Диодот, прозванный затем Освободителем, и свергнувший Диодота Евтидем, подлинный создатель новой державы. Это и сын Евтидема Деметрий, возглавивший военное проникновение за Гиндукуш. Наконец, это удачливый полководец, мечом добывший себе царский трон, «великий Евкратид», всегда изображаемый на монетах в боевом шлеме. Но одновременно с политическими переворотами и дворцовыми интригами продолжалось неуклонное развитие бактрийских городов и поселений, на управление которыми претендовали честолюбивые военачальники.

Уже историки александровских походов сообщают о многочисленных городах Бактрии. Крупнейшие из них и прежде всего сами Бактры имели и цитадель, и крепостные стены, окружавшие собственно город. Судя по результатам изучения руин Балха, одна лишь центральная часть бактрийской столицы достигала площади 120 гектаров. Заботливо укрепленный город представлял собой подлинную крепость. Не случайно окончилась неудачей длительная осада Бактр, которую в 207—206 годах до н. э. вел Селевкид Антиох III, задавшийся целью вернуть своей державе отпавшие восточные владения. Евтидем, бывший в те годы правителем Греко-Бактрии, не только успешно выдержал осаду сильнейшей армии эллинистического Востока, но и добился выгодного для себя мира.

Множество городов и укрепленных поселений теснилось на бактрийской земле. Недаром греческие и римские

авторы пишут о тысяче городов, подвластных греко-бактрийским царям. Возникновение новых городов теперь уже в значительной мере было не стихийным процессом, а протекало под контролем царской власти. Были тщательно разработаны нормы и принципы градостроительства. До нас не дошли ни архивы бактрийских проектных бюро, ни имена начальников архитектурных управлений. Однако сами остатки древних городов определенно свидетельствуют об успешной деятельности и тех и других.

Вот типичный бактрийский городок, изучавшийся советскими археологами в долине одного из аму-дарьинских притоков — хрустально прозрачного Кафирнигана. Его руины занимают площадь около 12 гектаров и носят поэтическое имя одного из героев народного эпоса — Кей-Кобад-шаха. Четкий прямоугольник крепостных стен ограничивает пределы города. С ритмической монотонностью повторяются прямоугольные башни. Размеры башен выверены, строго каноничны — они имеют в длину 12—13 метров и выступают на 6 метров за линию стен. Лишь угловые башни города более массивны и внушительны — при осаде их роль особенно ответственна. Строго выдержаны размеры и в пролетах между башнями. Они составляли 20—22 метра; что позволяло оборонявшимся лучникам поддерживать соседей. Правда, сама толщина стены невелика — всего 4,2 метра в основании и на полметра меньше в верхних частях сохранившихся участков. Вероятно, строители не рассчитывали на доставку возможным противником стенобитных машин в эту долину, окруженную горными хребтами. Та же геометрическая правильность отличает и внутреннюю планировку города. Сразу же за идущим вдоль стен обводным коридором начинались городские кварталы, застройка которых проводилась по определенному плану.

Известно несколько городов, построенных подобным образом по планам архитекторов, вооруженных специальными инструментами и хорошо знающих начертательную геометрию. В соседней долине северной Бактрии, на берегу стремительного Вахша, другого притока великой среднеазиатской реки, расположено городище Кухна-кала. Площадь его около 8 гектаров, и, так же как и в Кей-Кобад-шахе, мы видим здесь четкий прямоугольник общего плана, ритмично повторяющиеся башни и регулярную внутреннюю застройку. Последняя, однако, по каким-то

причинам не была завершена, и вновь отстроенный город оказался заброшенным вскоре после своего основания.

Те же строительные и фортификационные принципы повторяются в Бегараме, городе, расположенном у южных окраин Бактрии, на территории современного Афганистана. Здесь даже расстояние между башнями такое же, что и у северобактрийских городков. Несомненно, что подобные повторения указывают не только на наличие разработанных принципов фортификации, но и на регулирующую роль государства. Не случайно в одном из буддийских сочинений описываются работы по постройке царскими архитекторами большого города. Первоначально на выбранном участке выравнивается поверхность, корчуются пни, удаляются камни. Затем строители производят разбивку кварталов, возводят стены и башни с зубцами, закладывают дома. Все это описание связывается в источнике с деятельностью греко-индийского правителя Менандра. Руины приамударьинских городищ свидетельствуют, что патронирование градостроительства было одной из забот и греко-бактрийских царей.

Что же греческого и что бактрийского было в этом государстве, правители которого носили звучные эллинские имена? Неспроста называлось оно Греко-Бактрия. Уже в обозах армии Александра следовали греческие купцы, а сам великий полководец оставлял во вновь присоединенных странах гарнизоны из престарелых воинов. Вскоре сюда устремился из западных областей значительный поток колонистов, с помощью которых правительство Селевкидов надеялось упрочить свою власть. В числе этих иммигрантов, вероятно, были не только сами греки и македонцы, но и эллинизированное население других стран восточного Средиземноморья. Недавно французские археологи объявили, что им удалось найти в южной Бактрии поселение таких колонистов, прибывших в неведомые земли Востока.

Греческая мода, греческие вкусы, греческий язык получают в это время самое широкое распространение. Особенно интересен и показателен следующий факт. В III веке до н. э. индийский император Ашока присоединил к своему государству южные области Афганистана. Как благочестивый буддист, он счел необходимым обратиться к новым подданным с эдиктом, призывающим к соблюдению высоких принципов буддийской морали. Естественно,

что для большей доходчивости текст необходимо было составить на том языке или языках, которые были наиболее доступны образованной части местного населения. Камень с соответствующей надписью найден недавно в районе Кандагара. Оказалось, что индийский самодержец изложил свой эдикт в двух вариантах — арамейским письмом, распространенным в ахеменидской канцелярии, и греческим языком. А ведь не прошло еще и ста лет с тех пор, как эти области вошли в состав мировой империи Александра, а затем попали под власть его преемников.

Однако совершенно неверно считать, что в Бактрию и соседние области ринулись многие тысячи предприимчивых греков и что только благодаря этим инициативным иммигрантам страна запестрела десятками укрепленных городских поселений. К сожалению, именно в таком упрощенном виде представляют себе историю Греко-Бактрии многие западные историки, вольно или невольно отдающие дань представлениям о предопределенном лидерстве Европы. Городские поселения уже давно существовали на бактрийской земле, а само число западных переселенцев было не так и велико в сравнении с местными жителями. Недаром при раскопках древних памятников археологи обычно встречаются именно с рядовой местной культурой, а не с утварью греческих колонистов. Такова, в частности, и глиняная посуда, бывшая в употреблении у обитателей северобактрийского Кей-Кобад-шаха. Среди красных и серых сосудов, как правило, лишенных орнаментации, только кувшины с двумя ручками заставляют вспомнить об эллинистических влияниях, лишь отдаленно напоминая двуручные амфоры, этот едва ли не наиболее известный вид керамики древней Эллады. Греко-бактрийская держава оставалась прежде всего именно Бактрией, хотя и украшенной ярким эллинистическим фасадом.

Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство. После завоевания Александра, стремившегося любым путем найти формы контакта с местной аристократией, греческие вкусы, греческий образ жизни стали своего рода модной нормой. Уже на второй год пребывания в Средней Азии великий македонец включил в свою армию отряды бактрийских и согдийских всадников. С течением времени все более широкие круги аристократической и торговой верхушки отдавали щедрую дань новым увлечениям. Был в этом и известный расчет, коль скоро политическая власть

в стране принадлежала греко-македонцам. Но вместе с тем трудно было не поддаться обаянию чудесного искусства Эллады. Поэтому, говоря о Греко-Бактрии, едва ли следует резко расчленять пришлых колонистов и местное население, подвергшееся эллинизации и бесспорно преобладавшее численно.

Пока мы лишь в ограниченных пределах можем судить об эллинистической волне, захлестнувшей бактрийскую культуру в пору существования государства Диодота и Евкратида. Монеты этих царей, выпускавшиеся большей частью на монетном дворе бактрийской столицы, принадлежат к числу лучших медальерных произведений античности. Волевые лица царствующих персон зачастую не лишены и индивидуальной психологической характеристики. Безусловно перед нами произведения или самих греческих мастеров, или их учеников, прошедших хорошую школу классического искусства. Греческие боги и герои изображены и на оборотной стороне этих монет. Здесь мы видим и Зевса, и Посейдона, и Артемиду, и Геракла, и божественных близнецов — Диоскуров. Все фигуры выполнены по образцам скульптур знаменитого Лисиппа или ваятелей его школы. Существует предположение, что аналогичные статуи стояли и в бактрийских городах.

Искусные мастера Греко-Бактрии не только чеканили монеты. Среди большого количества древней золотой и *серебряной посуды, сосредоточенной в различных музей*ных собраниях, бесспорно имеются и произведения художников этой страны. По вопросу о том, какие именно вещи следует относить к культуре греко-бактрийского государства еще нет полного единства среди исследователей. Но во всяком случае западная, греческая струя здесь не менее сильна и заметна, чем на греко-бактрийских монетах, хотя в деталях и тематике проявляются и восточные каноны. Такова, например, электровая серьга, найденная на одном из городищ Северной Бактрии и изображающая крылатого сфинкса. Древний медальер, изготовляя это украшение, руководствовался какими-то греческими образцами. Но искаженные пропорции лап, неверно понятые детали крыльев явно указывают, что этим медальером был бактриец, стремившийся идти в ногу с эпохой.

Кратковременный, но яркий греко-бактрийский период был важным этапом в развитии городов древней Бактрии.

Электровая серьга из окрестностей Душанбе

Городская цивилизация этой страны, столетиями развивавшаяся в состоянии относительной изоляции, столкнулась с целым культурным миром, выросшим на иной основе и иных традициях. Усвоение и переосмысление лучших достижений обеих сторон было наиболее продуктивным и наиболее перспективным результатом этого процесса. Однако в пору греко-бактрийского царства абсолютного синтеза еще не произошло. Греческая и бактрийская культуры нередко сосуществовали. Но решающий шаг уже был сделан. Мощная волна эллинизма, затопившая бактрийский мир, не могла не оставить следа.

Развитие торговли и ремесла, приток новых поселенцев, определенные военно-политические расчеты вынужда-

ли греко-бактрийских царей вести политику активного градостроительства. Однако правители Греко-Бактрии не сумели обеспечить внутриполитической устойчивости странам, вошедшим в состав их государства. Поминутно перекраивалась политическая карта, и то тут, то там объявлялись эфемерные царьки из числа честолюбивых военачальников, предъявлявшие права на свою долю власти и богатства. Один за другим следовали дворцовые перевороты. Лишь в самих Бактрах менее чем за сто лет на престоле сменились три династии. Сын восставал против отца, брат против брата. Вот что пишет римский историк об одном из последних греко-бактрийских государей. «Во время обратного похода Евкратид был убит в пути сыном, которого перед тем сделал своим соправителем. Сын этот даже не старался скрыть отцеубийство, как будто он убил не отца, а врага. Он проехал на колеснице по отцовской крови и приказал бросить труп непогребенным». Естественно, что атмосфера внутренних междоусобиц отнюдь не благоприятствовала развитию торговли, ремесел и вместе с ними и городов, как вновь отстроенных, так и ранее существовавших. В этом была одна из причин внутренней слабости Греко-Бактрии.

Но подлинная угроза самому существованию этого государства надвигалась с севера. Многочисленные кочевые племена, вторая после городских оазисов могущественная сила древней Средней Азии, пришли в беспокойное движение. Наиболее проницательные из греко-бактрийских правителей давно предвидели эту опасность. Евтидем даже ссылался на нее во время переговоров с Селевкидом Антиохом III, стоявшим под стенами бактрийской столицы. «Если Антиох не исполнит его просьбы, — убеждал селевкидского посла Евтидем, — то положение их становится небезопасным. На границе стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим, и если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими». Прошло немногим более полустолетия, и пророчество престарелого царя полностью сбылось. Погрязшая в кровавых распрях Греко-Бактрия уже не в силах была защищать свои северные границы. Кочевые племена опустошительной волной прокатились по земле оазисов. Кое-где в горных районах еще цеплялись за власть мелкие греческие династы, но практически эллинскому владычеству в Бактрии пришел конец. Греко-Бактрийская держава

Бактрийские монеты (вверху — неизвестный правитель, внизу — Герай)

рухнула, и историкам остается лишь наблюдать, как среди ее обломков зарождается новое государство.

Так между 140 и 130 годами до н. э. в большинстве районов Бактрии утвердились правители кочевых племен. В северной Бактрии советскими археологами раскопано несколько могильников, оставленных пришельцами. Правда, большинство захоронений, как это обычно бывает, ограблено еще в глубокой древности. Но и среди оставшихся предметов многие вещи, в частности кинжалы и стрелы, указывали на воинственный характер погребенных. В этом отношении они отличались от могил бактрийских горожан и селян. Но высокая городская культура уже наложила глубокий отпечаток на быт и весь образ жизни захватчиков. Глиняная посуда, помещенная в могилы, в большинстве своем сделана умелыми руками гончаров оседлых оазисов. Встречаются в погребениях также и монеты, совершенно неизвестные на далекой родине пришельцев.

Аналогичную эволюцию претерпела и родовая знать кочевых племен. Вчерашние вожди номадов стали правителями богатых оседлых оазисов и городов. В новых об-

стоятельствах им все чаще приходилось согласовывать свои действия с рекомендациями опытных советников. Вторгшиеся кочевники первоначально не образовали какого-либо политического единства. Если их на время и сплотило желание поскорее добраться до богатых бактрийских городов, то после разгрома Греко-Бактрии этот фактор отпал. Вчерашние союзники разбрелись по горным долинам и оазисам и, по сообщению источников, образовали пять независимых владений. Менее прозорливые *князьки ограничивались сбором дани с оседлого населения* своего удела, но дальновидные политики уже присматривались к жизни своих новых подданных. Измученной стране были крайне необходимы мир и спокойствие. Городские поселения лишь поневоле одевались в броню крепостных стен. Отсутствие войн и раздоров было лучшим условием их развития и прогресса.

И вот мы видим, как вчерашние вожди кочевников стараются идти в ногу со временем. Для поддержания торговли страна нуждалась в налаженном денежном рынке. Поэтому вскоре после завоевания в одном из княжеств возобновляется чеканка монеты. Первоначально это были лишь неумелые подражания тетрадрахмам последнего греко-бактрийского царя, отцеубийцы Гелиокла. Но затем кочевой князек помещает на монете свой собственный портрет. Бактрийские медальеры удачно передали тяжелое, одутловатое лицо с мясистым подбородком. На оборотной стороне тех же монет уже не чеканится, как у Гелиокла, Посейдон, а помещено изображение коня, верного друга и спутника каждого кочевника. Вскоре мы узнаем, какое именно из пяти княжеств, поделивших Бактрию, столь решительно шло к утверждению своей политической роли в жизни страны. На монетах, выпущенных от имени некоего Герая, стоит и его родовое имя Кушанец — то, что в китайских летописях именовалось княжеством Гуйшуань. Энергичное волевое лицо Герая представляет собой пол*ную противоположность заплывшей физиономии его* предшественника. Да и на оборотной стороне гераевских монет изображен едущий верхом государь, над которым держит венок парящая богиня победы. Мы не можем назвать сражений, выигранных Гераем, но во всяком случае ясно, что удачи сопутствовали этой поднимающейся династии. В I веке н. э. гуйшуанский правитель покорил остальные четыре княжества и объединил под своей

властью всю территорию Бактрии. Кушаны перестали быть одной из народностей, проживающей в числе прочих на древней бактрийской земле. Начиналась история кушанской империи, одной из крупнейших держав древнего мира.

В пору расцвета это государство включало в свой состав помимо южных областей Средней Азии также всю территорию Афганистана и значительную часть Индии, где кушанская граница достигала Бенареса. Однако история огромной империи странным образом остается во многом загадочной. Все сведения письменных источников о Кушанах легко уместятся в небольшой тетради. Несмотря на огромную литературу, а может быть частично и благодаря ей, дискуссионным в истории Кушан остается буквально все, вплоть до того, в какой именно отрезок времени между I и IV веками н. э. следует помещать их царей и правителей. Однако одно общее положение не подлежит сомнению и находит все новые доказательства с каждым годом археологических работ: кушанский период был временем повсеместного расцвета и подъема городской жизни и культуры. В некоторых областях обширной державы города уже никогда более не достигали такого расцвета, как в это время.

Произошло нечто противоположное тому, что мы наблюдали на юго-западе Средней Азии в эпоху бронзы, когда опустошительные набеги сокрушили зарождавшуюся цивилизацию. В Бактрии не было такого перерыва постепенности. Некоторая заминка, последовавшая в смутный период после падения Греко-Бактрии, была с лихвой возмещена дальнейшим прогрессом. Кушанская Бактрия стала подлинной страной тысячи городов.

В большинстве своем мы знаем эти города по руинам и для их обозначения вынуждены пользоваться названиями, данными этим развалинам окрестными жителями. Однако сами по себе руины и развалины встречаются в изобилии, достигая нередко огромных размеров. К сожалению, на большинстве из них раскопки пока проведены лишь в довольно ограниченных масштабах, хотя нетрудно представить, как много даст систематическое вскрытие какого-либо из кушанских городов. Даже в самих Бактрах изверившиеся в успехе западные археологи провели довольно ограниченные по масштабам работы, но уже в ходе этих исследований было установлено, что в кушанское

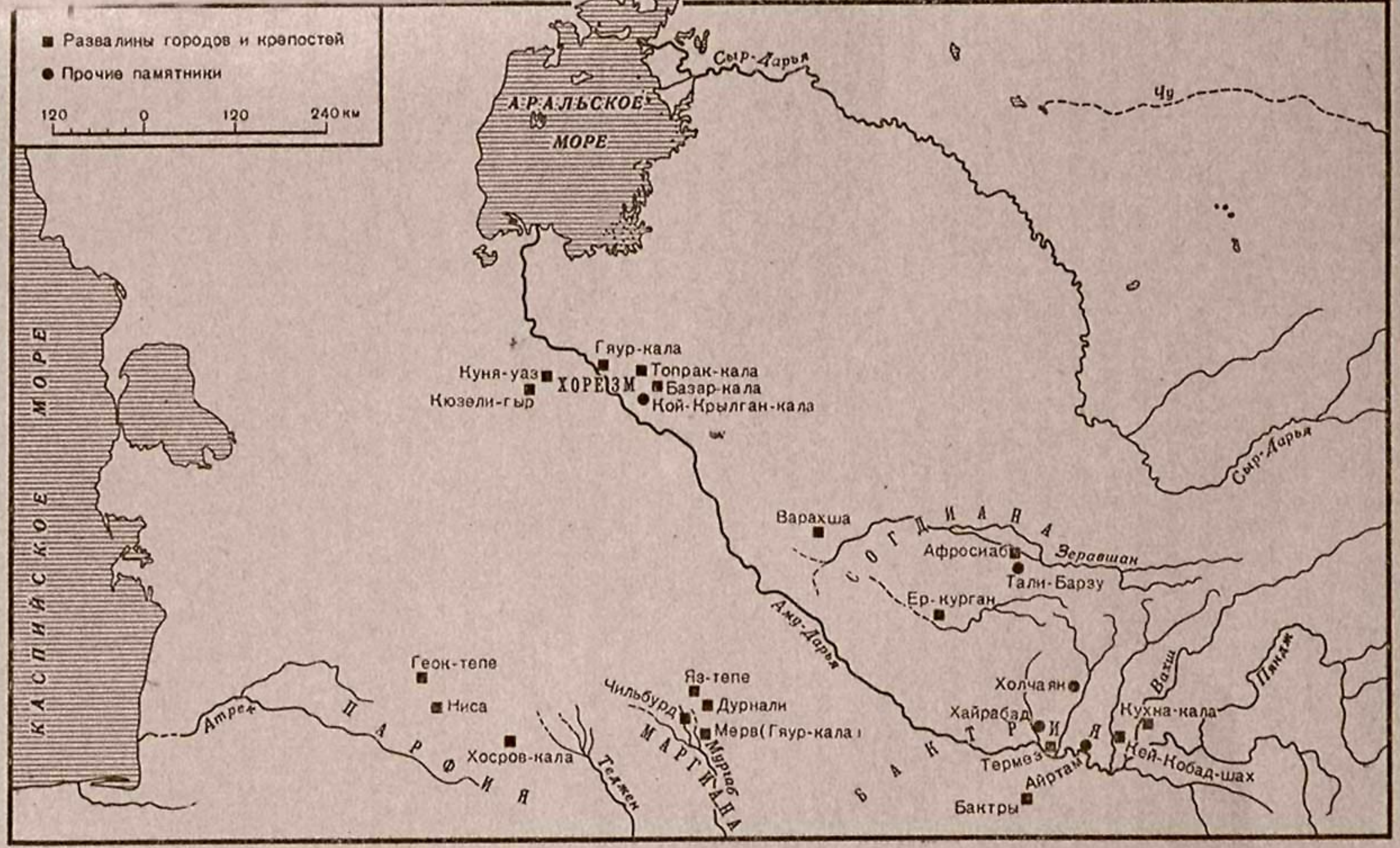
время бактрийская столица увеличилась в своих размерах. Вокруг Бактр была возведена новая стена. Однако строительство укреплений не поспевало за бурным ростом города: за пределами городской стены оставались многочисленные усадьбы и монументальные архитектурные сооружения.

Это интенсивное развитие пригородов характерно и для Термеза, бывшего естественным центром северной Бактрии. Правда, жизнь в этом городе продолжалась и много веков спустя после исчезновения кушанской державы. Поэтому слои эпохи Кушан оказались здесь погребенными на значительной глубине и малодоступны для изучения. Но уже имеющиеся материалы свидетельствуют о богатстве и процветании кушанского Термеза. В городе было много зданий, украшенных каменными рельефами с изображениями человеческих фигур. Шел камень и на разнообразные элементы архитектурного декора — капители и базы колонн, тяги арок и карнизы. Пышные кущи акантовых листьев образовывали также капители, подтверждая близкое знакомство строителей с ордерами греческих мастеров, а порой и римских архитекторов. Однако все эти западные каноны подверглись значительной переработке и изменениям. На их основе происходило становление собственно кушанских архитектурных норм и приемов.

В обширных пригородах располагались многочисленные ремесленные мастерские. Лепясь друг к другу, они образовывали целые кварталы, своеобразные символы расцвета города, *бывшего сосредоточением ремесел и торговли*. Здесь же находились и различные культовые постройки, в том числе буддийские монастыри, о появлении которых на исконной земле Зороастры мы еще будем говорить.

Термезский центр окружала целая семья городов и поселков. Как правило, это населенные пункты, четкая планировка которых в виде квадрата или прямоугольника свидетельствует о наличии регулирующего начала. Нередко в одном из углов такого поселка высится небольшая цитадель. Обязательной принадлежностью городов были и крепостные стены. Подобным городом был в кушанское время холм, ныне носящий название «Золотого холма» (Зар-тепе). Его площадь достаточно велика и достигает 16 гектаров, а наличие каменных архитектурных деталей свидетельствует о том, что его жители стремились ни в

В. М. Массон



Памятники древней Средней Азии

чем не уступать северобактрийской столице. Значительная коллекция терракотовых статуэток и обломки глиняной посуды, украшенной штампами, изображающими головы львов и козлов, также указывают на богатство и изобилие.

В этом отношении даже раскопки внешне ничем не примечательной усадьбы этого же термезского района оказались особенно показательными. Хайрабад-тепе — таково современное название квадратных руин этой усадьбы — отнюдь не было крупным торговым центром, да и площадь его вдесятеро меньше «Золотого холма». Однако здесь, в кушанских слоях, была найдена великолепная монета Нерона. Каков же был размах культурных и торговых связей бактрийских городов, если даже в провинции имели хождение монеты, привезенные за тридевять земель!

Во всех трех речных долинах, образующих естественные группы оазисов правобережной Бактрии, теснились кушанские города и поселки. Так, в нижнем течении Сурхан-Дарьи расположился Термез и его города-спутники. Далее, на севере, находилась область, носившая позднее название Чаганиана или Саганиана. Кушанский центр этого района поражает своими масштабами, хотя и уступает Термезу. Уже его цитадель по своим размерам равна небольшому городку: площадь ее составляет 8 гектаров. К цитадели примыкает прямоугольник стен самого города, имеющего километр в длину и почти столько же в ширину.

В соседней долине, на берегах Кафирнигана, процветал Кей-Кобад-шах, возникший еще в пору греко-бактрийского царства. Его крепостные стены заботливо надстраивались и ремонтировались, а обитатели, хотя и жившие несколько в отдалении от столичных центров, отнюдь не были безнадежными бедняками. При раскопках Кей-Кобад-шаха была найдена даже золотая монета. Достаточно состоятельными были и жители городка, располагавшегося на территории современной столицы Таджикской Республики. Во всяком случае у них хватало достатка возводить для умерших сограждан гробницы с двускатной кровлей, выложенные из известковых плит. Отсюда происходит и бронзовый рельеф с изображением головы юноши, видимо Диониса, а черепки с нацарапанными надписями свидетельствуют о том, что местное население было знакомо с

письменностью. Поселения городского типа известны и в долине Вахша, восточного соседа Кафирнигана.

Какое же отношение имели к этому расцвету кушанские правители, гордо именовавшие себя шах-ан-шахами или «царями царей»? Судя по их мероприятиям, эти властители были заинтересованы и в развитии торговли, и в процветании ремесел. Надо полагать, что в кушанский период продолжалась и градостроительная деятельность, начатая царями Греко-Бактрии. Недаром для городов и селений и в эту пору характерна геометрическая правильность планировки. Однако все эти многочисленные города не достигли тех форм городского самоуправления, которые были присущи Элладе и затем сравнительно широко распространились на эллинистическом Востоке. Во всяком случае кушанские города в отличие от месопотамских не обладали правом выпуска монеты от своего имени: это оставалось одной из прерогатив царской власти. Надо полагать, что и в управлении городами решающая роль принадлежала правительственным чиновникам, принося властям немалые доходы.

Богатство городов объяснялось не только тем, что здесь процветали ремесла. Городские поселения являлись, как правило, центрами земледельческих оазисов и важнейшими пунктами внутренней и внешней торговли. Повсеместное распространение кушанских монет, в том числе и весьма мелких номиналов, свидетельствует о значительном размахе внутреннего товарооборота. Но внешне куда более эффектно выглядела международная торговля, развитию которой в немалой степени способствовало объединение обширных территорий под властью кушанских самодержцев. Через территорию Бактрии проходили торговые трассы международного значения, в частности знаменитый «шелковый путь» из Рима в Китай. Из Бактр торговые караваны двигались на запад, через парфянские земли, достигая у Евфрата римских границ. С I века н. э. все большее значение приобретает и южный морской путь из Египта через Красное море, вдоль Индостана. Здесь грузы перевьючивались и направлялись на север в бактрийскую столицу, чтобы затем продолжить свой долгий путь к берегам Хуанхэ. Размеры восточной торговли Римской империи были поистине огромны. Недаром кушанские цари даже провели монетную реформу, приравняв вес своих золотых монет к стандарту римского ауреуса. Зна-

менитый римский ученый — энциклопедист Плиний жаловался, что восточная торговля отнимает у вечного города почти сто миллионов сестерций. Художественные изделия и благородные металлы нужны были Риму для обмена на шелковые и хлопчатобумажные ткани, пряности и прочие экзотические товары. С горьким сарказмом пишет тот же Плиний о высоких ценах, установившихся, в частности, на перец и имбирь. «Удивительно, что перец так понравился; иные продукты нравятся потому, что они сладки, другие — своим видом; у перца же нет приятности ни яблока, ни ягоды, — он нравится лишь своей горечью, и за нею устремляются вплоть до Индии. Кто первый решился попробовать его на вкус? Кому для возбуждения аппетита показалось недостаточным просто воздерживаться от пищи? Оба по своему происхождению лесные продукты, а между тем они ценятся на вес подобно золоту и серебру».

Предприимчивые торговцы внимательно изучали потребности рынка и стремились приспособиться к меняющейся конъюнктуре. Составлялись инструкции-памятки, определяющие наиболее ходовые товары. Следующим образом характеризуется один из портов Северной Индии, игравший роль главных торговых ворот кушанской державы: «Для царя же в эти места ввозятся ценные серебряные сосуды, знающие музыку мальчики и красивые девушки в гарем, отборные вина, всегда ценные одежда и отличные мази».

В руинах Беграма, одного из кушанских городов, доставшегося новой державе в наследство от Греко-Бактрии, археологам посчастливилось обнаружить остатки дворца царского наместника. В одной из комнат оказались сваленные в груду вещи, которые вельможа взимал в свою пользу с проходивших караванов. Здесь были и чернолаковые коробочки китайского производства, и римское художественное стекло, и привезенные с запада бронзовые статуэтки, и гипсовые медальоны. Едва ли термезские правители уступали своему беграмскому «сослуживцу». Во всяком случае, хотя резиденция термезского наместника еще не найдена археологами, привозные вещи встречаются среди гигантских руин этого городища. Таков, в частности, глиняный сосуд, покрытый лакоглазурью и украшенный рельефными изображениями. Среди них имеются и смеющаяся голова бога вина Диониса, и веселые пляски в честь

Термез. Привозной сосуд с культовой сценой

этого бесшабашного божества. Обнаженные фигуры танцоров и танцовщиц, несколько манерная арфистка — все приметы разудалого пиршества. Странствующие торговцы знали, чем угодить клиентуре.

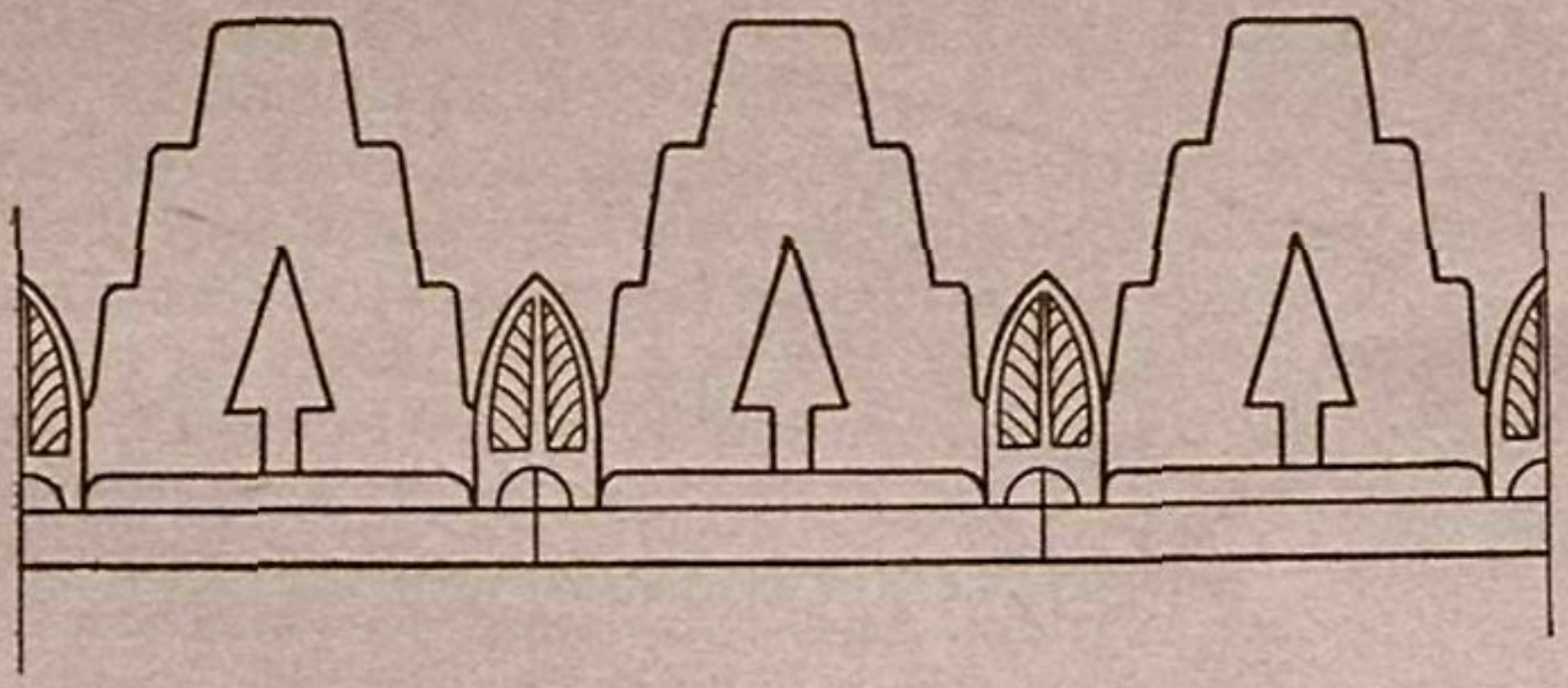
Многие народы были объединены под властью кушанских правителей. С еще большим числом стран подданные этой огромной империи поддерживали торговые отношения. Оживленные контакты и тесные культурные связи были характерной чертой этого периода. Однако крупные страны, вошедшие в состав державы великих Кушан, отнюдь не теряли своей самобытности и культурной самостоятельности в результате различных взаимовлияний. Так, культура индийских областей этой державы заметно отличается от культуры кушанской Бактрии. Однако в той же Бактрии явственно отмечается сильное влияние южного соседа. Оно особенно видно в распространении буддийских памятников.

Индийская религия имела значительный успех в государстве Кушан, а возможно, и пользовалась покровительством самих шах-ан-шахов. Во всяком случае буддийская традиция считает кушанского государя Канишку ревност-

ным приверженцем этой религии и даже инициатором буддийского церковного собора. Так или иначе, но в кушанское время буддизм довольно широко проникает в Бактрию, а наиболее отважные пилигримы уходят еще дальше на север и северо-восток, достигая пределов ханьского Китая.

Археологические свидетельства этой религиозной экспансии достаточно многочисленны. На глиняной посуде Северной Бактрии нередко встречается оттиск-штамп, изображающий ступню Будды. Руины буддийского культового сооружения — ступы известны в округе Бактр. Буддийское святилище, украшенное превосходными каменными рельефами, было открыто еще в 1932—1933 годах на городище Айртам в 18 километрах от Термеза. Величаво спокойные музыканты айртамского фриза в ту пору первыми шагнули из мрака, скрывавшего от нас культуру древних городов Средней Азии.

Естественно, что воздействие новых верований должно было сильнее сказываться в крупных центрах, расположенных на основных торговых путях и магистралях. И действительно в таком значительном городе, как Термез, не только обнаружены обломки буддийских рельефов и скульптур, но и открыт целый монастырь, располагавшийся вне городских стен на холме Кара-тепе. Среди тесно застроенных кварталов не нашлось подходящего места для сооружения, которое поборники новой религии желали возвести с должным размахом? Кара-тепе площадью в пять гектаров в самом деле напоминает как бы небольшой городок, стоящий совершенно обособленно и окруженный своей собственной стеной. Здесь имелись и наземные святилища и помещения, вырытые в песчаниковой толще холма. Гипсовые скульптуры и многоцветная роспись некогда украшали эти постройки, обветшалые руины которых теперь изучаются археологами. В отличие от знаменитых скальных монастырей Индии аму-дарьинский песчаник не был надежным грунтом для устройства подземных сооружений. Нередко своды рушились (в одной из келий найден скелет монаха, придавленного внезапным обвалом). Раскопки Кара-тепе пока не дали особенно ярких и внешне броских находок. Обломки культовых предметов с изображением лотоса, осколки глиняной посуды, в том числе огромное количество светильников, особенно необходимых при замкнутой жизни в подземельях, составляли основную добычу



Халчаян. Терракотовые архитектурные детали

археологов. Но оказалось, что многие черепки содержат остатки надписей религиозного содержания, наносившихся на сосуды прилежными монахами и лицами, вручавшими монастырю какие-либо дары. Большинство надписей сделано на пали, который, по преданию, был родным языком Будды, но имеются и обломки с текстами на кушанском или, вернее, бактрийском языке. Возможно, что в каком-либо из монастырей Бактрии делались и переводы священных буддийских текстов на язык новых адептов учения Сакья-Муни.

Отнюдь не следует, однако, преувеличивать роль буддизма и тем более возводить его в сан государственной религии кушанской державы. Тот же Канишка, столь усердно почитаемый ревностными буддистами, выпускал монеты с изображением самых различных божеств. Среди них

есть зороастрийские боги — Митра и Веретрагна, рядом с которым сам Будда (чтобы не было сомнений, на монетах писалось имя божества) занимает довольно скромное место. В жизни крупных центров Бактрии роль буддизма сразу бросается в глаза. Но стоит удалиться в провинциальный Кей-Кобад-шах и тут уже почти ничто не говорит о влиянии и значении этой индийской религии. Здесь широко распространены терракотовые статуэтки, воспроизводящие женское божество, к которому обращались бактрийцы в трудные минуты жизни. Это божество было популярно почти во всей Средней Азии, но в каждой области наделялось особыми атрибутами. Бактрийские фигурки держат в руках кубок. В целом изображение несколько статично и величаво отрешенно. Дело здесь не в недостаточном мастерстве древних скульпторов, а в стремлении передать неземной образ всезнающего божества. Имелись в Бактрии и более жизненные терракоты, как, например, происходящая из Зар-тепе голова добродушного широконосого мужчины.

Это искусство Бактрии кушанского времени лишь в последние годы открылось исследователям. И сразу же оказалось, что роль буддийских влияний в его формировании была отнюдь не так велика, как это могло представляться еще несколько лет назад. В Южной Бактрии был раскопан храм, носящий имя Канишки, о котором мы уже говорили выше. На бактрийской земле им возведено святилище, связанное с культом огня, этой очищающей силы зороастрийской религии. Возможно, в том же храме справлялись обряды в честь членов правящей династии. Но ничего буддийского обнаружить здесь не удалось.

В Северной Бактрии открыты памятники и светского искусства. Здесь археологам бесспорно сопутствовала удача, отвернувшаяся когда-то от Альфреда Фуше и его учеников. Французским археологам не удалось обнаружить в Бактрах дворцовые комплексы Евтидема или кушанских правителей. В Северной же Бактрии в верхнем течении Сурхан-Дарьи исследователям посчастливилось столкнуться с руинами провинциальных, но бесспорно дворцовых строений. Многоцветная живопись и окрашенная глиняная скульптура в изобилии украшали постройки Халчаяна, как ныне называются эти развалины. Особенным великолепием отличалось внутреннее убранство парадного зала. Сравнительно небольшой по величине (его раз-

меры всего 17,5×6 метров), он был буквально забит обломками глиняных скульптур. Все они располагались в галерее, проходившей на трехметровой высоте. В центральной части здесь были помещены изображения правителя, его державной супруги и многочисленных придворных. Выше земных владык находились владыки небесные: Митра, Ника и какое-то бородатое божество. Другие стены были украшены то идущими процессиями, то галопирующими всадниками, то сценами дионисийского культа. Более тридцати скульптур располагалось в этом зале, который, будь он открыт сорок лет назад, бесспорно поколебал бы антибактрийские настроения искусствоведов Франции.

Живость и выразительность отличает скульптуру Халчаяна. Разнообразные позы, свободные повороты, стремление к портретному сходству характерны для этого искусства кушанской Бактрии. Каждый изображаемый персонаж по-своему индивидуален. Вот голова энергичного владетеля. Откинутые назад волосы охвачены начельным ремнем, вся скульптура полна движения и динамики (табл. IV, *а*). Вот другой персонаж. Волосы его убраны по той же самой моде, так же подстрижены придворными куаферами и усы. Но это иная личность, иная индивидуальность. Чуть располневшее лицо полно спокойствия и жизненного довольства (табл. IV, *б*). А вот и нижние ступени социальной лестницы. Голова воина в шлеме являет собой полную противоположность портретам владетельных особ. Несколько усталое лицо недалекого служаки передано с незаурядным мастерством (табл. V).

Так сама жизнь опять вернула исследователей к проблеме Греко-Бактрии, столь волновавшей научный мир в начале нашего века. Кушанское искусство, памятники которого мы сейчас знаем в ряде мест, отнюдь не является провинциальной копией лучших достижений Эллады или Рима. Это вполне самостоятельное художественное явление, в сложении которого роль эллинистических воздействий огромна, но местная его основа не вызывает сомнений. Бактрийская земля была одним из основных центров, где шел этот сложный процесс сплочения воедино западных и восточных традиций. Именно здесь эллинизированный элемент был особенно силен и значителен. Недаром, когда кушанские цари решились наконец писать свои титулы и имена на родном языке, для обозначения звуков этой речи был выбран греческий алфавит. Роль и значение

Бактрии в сложении гандхарского искусства (а по существу это искусство вернее именовать кушанским) должны быть полностью восстановлены. Само название греко-бактрийского царства является как бы символом творческого синтеза, которым отмечена городская культура этой древней страны.

Примечание. Сводные работы по археологии древней Бактрии пока отсутствуют. Ряд материалов обобщен в кн.: К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, М. — Л., 1940. Однако, как установлено новыми исследованиями, ряд изданных здесь вещей относится к более позднему времени. Сведения о работах в древнем Термезе содержатся в «Трудах Термезской археологической экспедиции», т. I, Ташкент, 1940 и т. II, Ташкент, 1945. О новых раскопках см.: Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский, *Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе*, М., 1964. Об исследованиях в термезской округе см. ст. М. Е. Массона в журнале «Искусство», 1935, № 2 и ст. В. Д. Жукова в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, а также работу Л. И. Альбаума *Балалык-тепе*, Ташкент, 1960. Результаты археологических раскопок в Кобадиане отражены в статьях М. М. Дьяконова в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» (МИА СССР), М.—Л., 1953, № 37 и А. М. Мандельштама и С. Б. Певзнера в МИА СССР, 1958, № 66. О раскопках Кухна-калы сообщается в стчете Б. А. Литвинского в «Докладах АН Таджикской ССР», вып. 11, 1954. Сведения о международной торговле удачно изложены Б. Я. Стависким в его статье в сборнике «Древняя Индия», М., 1964. Раскопки Халчаяна отражены в статьях Г. А. Пугаченковой в журналах «Советская археология», 1963, № 1; «Искусство», 1964, № 5; «Вестник древней истории», 1965, № 1.

ВТОРАЯ ИЗ ЛУЧШИХ ЗЕМЕЛЬ И СТРАН

Ты мне назначаешь Согдиану, которая столько раз восставала и не только еще не покорена, но и вообще не может быть покоренной.

Квинт Курций,
«История Александра Великого»

Жители Самарканда горды... Каждый царь, который оказывал мягкость жителям Самарканда, находил устойчивое существование, а каждый царь, который им чинил насилие, терял царство.

Несефи, *«История Самарканда»*.

Издревле мир богов был лишь приукрашенным фантазией отражением земного мира с его радостями и печалями, достоинствами и недостатками. В результате заоблачные небожители приобретали совершенно конкретные черты тех или иных племен и народностей, жили и действовали в обстановке, привычной для людей, создавших себе кумиры по образу и подобию своему. Поэтому, когда в Авесте мы читаем, что «второй из лучших местностей и стран», созданных Ахурамаздой, был Согд, то это свидетельствует о большой роли и значении, которые придавались этой стране в среде последователей Зороастра. Недаром Маргиана и даже Бактрия были созданы, согласно этому тексту, уже после согдийской страны.

Согд (или, как его иногда называют, следуя античной традиции, Согдиана) расположен в самом сердце Средней Азии. Это исконно среднеазиатский очаг древней культуры и цивилизации. Не удивительно, что археологи многого ждут от раскопок в этих краях. Однако древний Согд все еще упорствует. Уже стали известны культура и искусство Согда VII—VIII веков н. э. Посетители Эрмитажа могут любоваться изящными, немного вычурными фресками этого времени, открытыми на пянджикентском городище. В 1965 году великолепные живописные панно были обнаружены в слоях VI—VII веков н. э. при изучении согдийской столицы Самарканда.

Однако культура древнейшего Согда все еще скрыта от нас временем. И в тех редких случаях, когда удается рассеять неизвестность, открывающиеся картины лишь дразнят воображение.

Если Бактрия была в Средней Азии своеобразным эллинистическим оплотом, то Согд имел все основания гордиться стремлением сохранить независимость культуры и языка. Недаром все источники считают своим долгом лишний раз подчеркнуть гордый и самостоятельный характер жителей согдийской земли. Средневековые авторы приводят даже соответствующие предания и легенды. «В „Истории Самарканда", — сообщает один поздний компилятор,— приводится такой рассказ: когда основали Самарканд, то первым явился палянг (леопард) из пянджикентских гор, побродил по городу и вокруг и ушел. Поэтому жители города имеют сходство с палянгом». А вот сообщение историка Александра: «Из числа согдийских пленных к царю были приведены 30 знатнейших, отличавшихся физической силой; лишь только они узнали через переводчика, что по приказанию царя их ведут на казнь, как стали петь военную песню и проявлять душевную радость пляской...».

Веками складывались традиции гордого и свободолюбивого народа. Правда, Согд пока не принимает участия в спорах, развернувшихся вокруг легендарных государств доахеменидской Средней Азии. Памятники соответствующей древности еще здесь не обнаружены. Но к середине I тысячелетия до н. э. это была уже страна многочисленных поселений и крупных городов. Ахеменидские цари получают с них богатую дань и регулярно упоминают Согд среди подвластных им территорий. Наскальные надписи Ахеменидов упоминают и хищных кочевников. «Саки, которые за Согдом» — так именовали эти кочевые племена чиновники персепольской канцелярии. Граница между враждующими сторонами частично проходила по Сыр-Дарье, но со стороны Кызыл-Кумов согдийские оазисы почти ничем не были защищены от разорительных набегов. Не удивительно, что согдийские города и поселки предусмотрительно ограждаются крепостными стенами.

Столицей древнейшего Согда письменные источники единогласно называют город по имени Мараканда. Большинство исследователей помещает согдийскую столицу в Самарканде, средневековая история которого заслуженно снискала ему мировую славу. Недаром в XV в. Тимур,

избрав этот город центром своей наспех сколоченной мировой державы, пытался поставить свою резиденцию выше всех прочих столиц. С этой целью мелкие деревушки в самаркандских окрестностях получили громкие имена Багдада, Дамаска и других центров с тем, чтобы в этом окружении Самарканд сиял, подобно звезде первой величины. Было вполне естественно считать, что у города на Зеравшане древняя история. Кроме того, явное сходство названий говорило в пользу отождествления Мараканды и Самарканда. Правда, знаменитый географ античности Птолемей почему-то утверждает, что Мараканда находилась не в Согде, а в Бактрии, и называет в качестве согдийской столицы некий город Дрепсу. Возможно, это связано с политическими неурядицами в зеравшанских оазисах, когда власть переходила от правителя к правителю и, естественно, из резиденции в резиденцию, что и отразили информаторы Птолемея. Во всяком случае на древнем городище Самарканда найдены культурные слои именно того времени, когда должна была существовать согдийская столица. Прокаленные солнцем холмы этого городища, носящего имя легендарного царя Афросиаба, лежат на окраине современного Самарканда. Кто еще может претендовать на высокое звание стольного города согдийской земли?

Наиболее ранние материалы, происходящие с территории городища Афросиаб, относятся к VI—IV векам до н. э. Они представлены преимущественно глиняной посудой, формы которой в это время почти стандартны для всей Средней Азии. Сделанная на гончарном круге, она была творением рук искусных ремесленников. Изготовлялись здесь и железные предметы, причем некоторые из них также обнаружены при раскопках — небольшая лопатка и серп с втулкой для деревянной ручки. Об этих древнейших этапах жизни Самарканда рассказывают и отдельные случайные находки: каменная печать с изображением лучника и золотая монета ахеменидской чеканки. Однако сам характер древнейшего поселения на Афросиабе еще не совсем ясен. Одни из археологов, работавших здесь, склонны видеть поселение VI—IV веков до н. э. огромным, размером более 200 гектаров. Раскопки последних лет как будто не подтверждают этого предположения. Возможно, на территории, ныне занятой древним городищем, в то отдаленное время существовало несколько разрозненных поселков, слившихся затем в единое целое. Вместе с тем, по

описанию историков похода Александра, Мараканда имела укрепленную цитадель и сверх того крепостные стены протяженностью почти в 11 километров. Это в несколько раз меньше афросиабского городища, но вместе с тем довольно значительно для столицы одной из ахеменидских сатрапий. Недавно археологам удалось обнаружить в северной части Афросиаба часть крепостной стены IV—III веков до н. э., если не более раннего времени. Возможно, перед нами остатки укреплений, которые штурмовали войска македонских завоевателей. Во всяком случае несомненно, что оседлоземледельческая культура на территории Самарканда имеет весьма значительный возраст, минимум в две с половиной тысячи лет. Из ныне существующих крупных центров Средней Азии ни один не может поспорить в древности с этим городом-музеем, подлинным заповедником величавых мечетей и медресе и изысканных усыпальниц. Ашхабад и Фрунзе представляют собой благоустроенные современные города, в основном созданные в течение последнего столетия. На территории тенистого Душанбе некогда располагался небольшой кушанский городок, но имя его кануло в Лету. Кроме того, между ним и современной столицей Таджикистана лежит значительный разрыв во времени. Даже Бухара и Ташкент моложе согдийской столицы почти на тысячу лет.

Видимо, именно в Мараканде располагался и ахеменидский наместник или какой-либо местный аристократ, согласившийся быть представителем центральной власти. Во всяком случае в конце правления Ахеменидов узы, связывавшие согдийскую страну с персепольским правительством, были чисто номинальными. Поэтому, когда в долине Зеравшана в лице греко-македонских армий появились претенденты на более реальную власть, это встретило в стране отчаянное сопротивление.

Три года был вынужден провести в Согде Александр Македонский, только что с поразительной легкостью сокрушивший ахеменидского колосса. Трижды поднимались на борьбу согдийцы, в том числе и жители Самарканда. Эти события следующим образом характеризуются в оглавлении «Исторической библиотеки» Диодора: «Как Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тысяч человек. Он наказывает бактрийцев и вторично подчиняет себе согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении. Третье вос-

стание согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок». Действительно при таком положении один из сподвижников македонского царя имел все основания воскликнуть в порыве раздражения, что царь назначает ему в управление страну, которая вообще не может быть покорена.

Но согдийская гордость была безжалостно сломлена. Согд последовательно включался в состав ряда эллинистических государств. Сначала это была империя самого Александра, затем селевкидская держава и, наконец, греко-бактрийское царство. Начиная с 329 года до н. э., когда Александр впервые ступил на согдийскую землю, жителям этой страны усиленно прививались греческие взгляды и вкусы, греческий язык и культура. Однако местные традиции оказались на удивление стойкими и живучими.

Даже падение политической власти греко-македонской верхушки произошло в Согде раньше, чем в соседней Бактрии. Греко-бактрийские царьки еще стремились урвать друг у друга свою долю добычи и власти, когда согдийские правители начали освобождаться из-под чужеземной опеки. Это хорошо видно по монетам, имевшим хождение в то время на согдийских базарах. Находки тяжеловесных серебряных тетрадрахм Евтидема далеко не редкость в этих местах. Но их сменяют не монеты с именем евтидемовского сына Деметрия, а чекан совершенно особого характера. Первоначально это почти что те же тетрадрахмы Евтидема, и лишь грубость исполнения и неграмотная греческая легенда выдают руку местного мастера. Но затем по-гречески пишется лишь одна часть надписи, а в другой мы видим знаки арамейского алфавита, широко использовавшегося в древности на Востоке. Надписи наших монет окончательно еще не расшифрованы, но скорее всего они сделаны на согдийском языке. Во всяком случае греческая письменность перестала быть единственной и доминирующей.

Совершенно ясно, что не Евтидем чеканил эти монеты, где его собственный портрет искажен почти до неузнаваемости, а имя заменено арамейской легендой. Скорее всего местом их выпуска было владение, отпавшее от Греко-Бактрии, но еще не имевшее достаточно сил для установления собственных государственных традиций. Поэтому и денежные знаки выпускаются здесь по образцу монет последнего

иноземного царя, владевшего данной областью. А согдийская тема в оформлении монет была выражением патриотизма нового местного правителя. Судя по местам находок подобных монет, этой областью было нижнее течение Зеравшана, район современной Бухары. Видимо, эта часть Согда отделилась от Греко-Бактрии в то время, когда вооруженные силы этой эллинистической державы, возглавленные Деметрием, сыном Евтидема, начали успешное продвижение за Гиндукуш.

К сожалению, за исключением серебряных монет, мы мало чем располагаем, чтобы судить о характере согдийской культуры этого времени. Это главным образом глиняная посуда из соответствующих слоев Мараканды. Она отличается высоким качеством и тонкостью черепка, поверхность которого покрыта плотным слоем черного или красного ангоба. Имеются здесь и изящные бокалы и стройные кубки. В этом рядовом массовом материале почти не прослеживается эллинистических влияний. Даже кувшины согдийские мастера предпочитали делать с одной ручкой в отличие от двуручных амфоровидных сосудов, изготовлявшихся в это время в Бактрии.

Помимо осколков старой посуды на Афросиабе найдено и много других предметов, более совершенных в эстетическом отношении. Правда, находки были сделаны, как правило, лицами, не имеющими никакого отношения к археологии. В дореволюционном Самарканде среди пестрого базарного люда, навязывавшего свой товар заезжему покупателю, имелись и продавцы древностей. Некоторые из них так и избрали своим основным занятием профессию провинциального антиквара. В афросиабских руинах и окрестностях Самарканда они выискивали различные забавные безделушки, которые можно было затем продать нередко с большой выгодой. Особенно удачливые изыскатели имели среди русской интеллигенции постоянную клиентуру. Таким образом потомки древних согдийцев использовали культурное наследие своих предков. В результате подобной деятельности складывались довольно ценные собрания и коллекции. Составляющие их вещи лишены точных указаний на культурный слой, из которого они происходят, но все они бесспорно найдены на древней согдийской земле. После революции исчезли мелкие археологические хищники, частные собрания поступили в государственные музеи, а исследователи проделали большую

работу над их определением и классификацией. Среди этих древних вещей особенно многочисленны обожженные глиняные фигурки. Терракоты Афросиаба — подлинные украшения многих музейных собраний. Среди них имеются и фигурки эллинистического типа. Таковы стройные женщины в греческих одеждах, красиво украшающих статные фигуры. Из афросиабских коллекций происходит и голова Медузы-Горгоны и головка воина в коринфском шлеме, и изображение одного из персонажей дионийского круга. Преобладают здесь изделия местного производства, но часть из них, возможно, была импортного происхождения. В этом нет ничего удивительного для эпохи всеобщего увлечения искусством Эллады. Но тем более заметно и примечательно стремление согдийских князьков противостоять чужеземному языку в политике. В большинстве областей Ближнего Востока эта резкая и нередко нарочитая антигреческая реакция начинается лишь в начале нашей эры. Древний Согд был, видимо, первым. Вскоре и сама политическая обстановка пришла на помощь согдийцам.

Монета согдийского правителя

Когда под напором кочевых племен пала Греко-Бактрия, греко-македонская прослойка колонистов и мощное воздействие эллинистической культуры еще сохраняли свое значение. Но политическая власть уже была вырвана из рук иноземцев. Пока в Бактрии вторгшиеся в страну кочевые племена ассимилировались, в Согде процесс утверждения местных традиций становился мощным и стабильным.

Правители бухарского Согда, пренебрегшие могуществом Греко-Бактрии уже в пору ее расцвета, теперь не довольствуются выпуском монет, подражающих чекану Евтидема. Сначала они изгоняют с монет остатки греческой легенды и полностью переключаются на местный алфавит. Затем на лицевой стороне монет приблизительный портрет греко-бактрийского царя заменяется изображением местного владыки. Еще не очень умелая рука согдийского ме-

дальера постаралась придать этому образу необходимую величавость. Властвующий согдиец изображен в парадной тяжелой тиаре, видимо украшенной драгоценными камнями. Иногда его голову окружает сияние нимба — признак божественной природы власти земных царей. На оборотной стороне тех же монет воспроизведена схематическая фигура сидящего человека с палицей в руке. На монетах самого Евтидема это был Геракл, но здесь скорее всего античный герой уже отождествлен с каким-либо местным божеством. Мы, например, знаем, что в парфянской среде обычно образ Геракла сливается с воинственным зороастрийским Веретрагной. В идущей по кругу надписи уже нет ни одной греческой буквы. Титул и еще не расшифрованное имя царя переданы знаками арамейского алфавита.

Чеканились в Согде и монеты других типов. Скорее всего страна была разделена на несколько мелких владений. В числе здешних правителей вполне могли быть и кочевые князьки, подчинившие своей власти население оседлых оазисов. Недаром на некоторых из монет мы видим изображения коней. Но повсюду неуклонно действует тенденция вытеснения греческих надписей местными легендами. В этом отношении Согд почти на двести пятьдесят лет опережает своего южного соседа, где лишь при кушанском императоре Канишке в монетном деле греческий язык окончательно вытеснен из употребления.

Выше мы уже говорили о слабой изученности памятников древнего Согда. Это в немалой степени затрудняет изучение согдийской истории и культуры. Так, в частности, не вполне ясны взаимоотношения Согда с могущественной кушанской державой. Неизвестно, сумели ли свободолюбивые жители «второй из лучших стран» в какой-то мере сохранить независимость ценой признания верховного суверенитета «великих Кушан»? Расходятся исследователи и в определении времени распространения кушанского влияния на территорию Согда. Скорее всего это были первые десятилетия рождения новой империи, еще до того как ее основной центр был перенесен на юг, в Индию.

В равной мере трудно судить о характере и количестве городов кушанского Согда. Ряд данных показывает, что здесь, как и в других областях Средней Азии, период после начала нашей эры был временем наивысшего подъема городской жизни. В «Географии» Птолемея приведены названия восьми согдийских городов, а ведь имелась еще

и Мараканда, почему-то перенесенная автором «Географии» в Бактрию. В действительности число поселений городского типа в Согде было, надо полагать, еще большим. Однако решающее слово здесь должно принадлежать не писателям глубокой древности, а современным археологам, от которых пока что Согд еще многое скрывает.

По естественно-географическим условиям весь Согд легко делится на три части. Первую составляют богатые оазисы Самаркандского района. Во вторую объединяются поселения низовий Зеравшана, где в настоящее время естественным центром является Бухара. Третья, кашкадарьинский Согд начинался сразу за горными хребтами к югу от Самарканда и образовывал как бы буферную область между Бактрией и согдийской землей.

Самаркандский Согд всегда был самым богатым и играл ведущую роль по сравнению с двумя другими районами. Его неизменным центром и столицей был Самарканд. Время от времени в среде исследователей возникают сомнения в правильности отождествления стольного города согдийской земли с городищем Афросиаб. Действительно мощные слои средневекового Самарканда затрудняют изучение древнейших напластований Афросиаба. Но уже проведенные разведочные раскопки и обширные коллекции древних вещей, происходящих отсюда же, не оставляют сомнений в том, что в древности здесь располагался значительный культурный центр.

Дворцы и храмы древней Мараканды остаются еще надежно погребенными в афросиабских руинах. Но хотя в распоряжении исследователей пока нет первоклассных памятников древнесогдийского искусства, имеющиеся материалы достаточно разносторонне характеризуют ремесла, торговлю и культуру крупного, многонаселенного города. Известно, что из числа ремесленных мастерских археологам чаще всего попадаются остатки гончарного производства. Они отмечены и на северной окраине Афросиаба неподалеку от арыка, протекавшего вдоль городских стен. Рядом с обжигательной печью располагалось помещение, в котором, видимо, работал гончар. Здесь изготовлялись изящные сосуды и кубки. Они были, так же как, впрочем, и в Бактрии, очень популярны. Обыденное и божественное уживались бок о бок в этом неказистом строении. Те же руки, которые изготовляли плошки на потребу городскому обывателю, выделывали и ритуальные курильницы,

использовавшиеся для культовых целей. В афросиабской мастерской была обнаружена одна такая курильница, еще не нашедшая себе покупателя. Она сделана в виде колонки, покоящейся на треногой подставке, а на самой колонке в два яруса сидят терракотовые фигурки людей с поджатыми ногами и руками, покоящимися на коленях. Культ огня весьма характерен для исповедовавшейся в Согде зороастрийской религии, но благовония курились здесь не только в честь верховных небожителей. Очень распространены были в Самарканде немудреные терракотовые идольчики. Они в изобилии доставлялись туземными антикварами дореволюционным любителям старины, а в последние годы были найдены и в ходе раскопок, проводившихся профессиональными археологами. Назначение этих идольчиков, надо полагать, было различным, но в большинстве своем это скорее всего какие-то домашние божества, покровители, охранители семейного крова и очага.

Первое место среди таких идольчиков занимают женские изображения. Как и повсюду в Средней Азии, образ женского божества пользовался особенной любовью у населения согдийских городов и деревень. Многие исследователи даже склонны считать, что перед нами одно из главных божеств зороастрийской религиозной системы, в древности называвшееся Анахитой, а позднее Нанайей или Наной. В согдийской богине нет волнующей обнаженности, столь обычной для образа многих божеств женского пола. Совершенно иные мысли и ассоциации должна была вызывать эта величавая женщина, плотно закутанная в тяжелые нарядные одежды. Округлое, отрешенно застывшее лицо, взгляд, обращенный поверх зрителя, — все это создавало впечатление неземного спокойствия. К такой покровительнице можно было обращаться за помощью и поддержкой в тяжелые минуты.

В руках согдийская богиня держит различные продукты растительного мира — плоды, трилистники или просто ветви. В терракотовых фигурках отразились и некоторые особенности искусства кушанского Согда. В соответствии со своим ритуальным назначением эти статуэтки очень каноничны. В композиции и моделировке повторяется одна и та же схема. Как правило, для изображений характерно укороченное туловище и непропорционально крупная голова. Выработанный модуль утяжеленных пропорций строго выдерживается всеми мастерами. Вместе с

Согдийские терракотовые статуэтки

тем следует иметь в виду, что эти миниатюрные фигурки являются всего лишь массовой ремесленной продукцией, едва ли открывавшей особый простор для творческой инициативы художника.

Кроме бесспорно преобладающих статуэток женского божества имеются также различные фигурки музыкантов. Это главным образом мужчины, играющие на флейте, лютне или барабане. Известны также и женщины-флейтистки. Как мы отмечали выше, торговые люди Римской империи считали прибыльным делом вывоз в кушанскую державу искусных музыкантов. Мы не можем пока утверждать, попадал ли этот живой товар и в согдийскую столицу, но совершенно ясно, что Согд находился в самом центре оживленной международной торговли. Так достигли Самарканда египетские подвески и амулеты, римские терракотовые светильники и глиняная модель, изображающая трех граций, стыдливо обнявшихся за плечи.

У северных пределов Согда, в районе современного города Ура-Тюбе обнаружен клад, состоящий почти из трехсот серебряных римских монет. Правда, из них в руки ученых попало всего два десятка денариев, в основном относящихся ко II веку н. э. Но, вероятно, нынешние нумизматы оказались менее счастливыми, чем самаркандские торговцы. Недаром в источниках рассказывается про обычай самаркандцев мазать медом ладонь младенцу, чтобы деньги лучше приставали к новорожденному купцу.

Самарканд и Афросиаб, Афросиаб и Самарканд — звучит лейтмотивом в предшествующем изложении. Естественно может возникнуть вопрос — что же этот город действительно был центром вселенной, как то хотелось надменному Тамерлану, или не было другого приличного места на согдийской земле? Разумеется, в действительности это было не так, что хорошо знали согдийские купцы, развозившие по городам и поселкам различные товары местного и заморского происхождения. Сейчас об этом кое-что знают и современные археологи.

Так, не вызывает сомнений большая заселенность самаркандской округи. Здесь в первые века нашей эры к югу от столичного города возникает несколько десятков укрепленных усадеб. Проживающая в них согдийская аристократия была весьма перспективным покупателем для древних торговцев, да и археологи вполне могут быть довольны богатыми памятниками. Среди этих усадеб наи-

большую известность получил холм Тали-Барзу. Здесь еще в 30-х годах были произведены раскопки и глазам исследователей впервые открылась богатая культура доарабского Согда. Правда, со временем оказалось, что ряд комплексов относится к несколько более позднему времени, чем это представлялось среднеазиатским археологам.

Центральную часть тали-барзинской усадьбы образовало массивное здание, построенное на платформе. Здание было укреплено башнями, а его наружные стены смотрели на мир щелевидными бойницами. Вскоре и подсобные строения, расположенные возле центральной усадьбы, были окружены прямоугольником стен. Хотя найденные при раскопках предметы в основном представлены глиняной посудой, но и они свидетельствуют об известной состоятельности древних хозяев. В эту пору были в моде сосуды в виде вазы на широкой ножке, а также кувшины и чаши с одной ручкой, расписанные крупными красными кольцами. Особенным изяществом отличались краснолощенные кувшинчики, сделанные по типу античных энохой. Под ручкой у этих сосудов помещены изображения головок, выполненные с тонким мастерством и, возможно, имеющие черты портретного сходства. Свои доходы тали-барзинский аристократ в основном получал за счет эксплуатации подвластных ему крестьян и, может быть, рабов. Во всяком случае столичный город, в окрестностях которого располагалось Тали-Барзу, нуждался в огромном количестве продуктов сельского хозяйства. Недаром в этой усадьбе среди прочих предметов найден и железный сошник.

Что же касается бухарского Согда, то здесь все преимущества бесспорно на стороне древних торговцев, хорошо знавших жизнь своей страны. Археологи только-только начинают подбираться к древнейшим памятникам этой области.

Во всяком случае ясно, что и здесь кушанский период был порой максимального расцвета древней цивилизации. Далеко в пустынную степь уходят высохшие русла каналов того времени. По их берегам безмолвно замерли многочисленные холмы развалин городов и селений. Важную роль в то время играло городище Варахша, прославившееся в среднеазиатской археологии своим изумительным дворцом поры раннего средневековья. В кушанское время Варахша представляла собой город площадью около 9 гектаров, обнесенный стеной с полукруглыми башнями. Нахо-

димые на городище древние монеты свидетельствуют о развитии торговли и денежного обращения. Возможно, именно Варахша была столицей бухарского Согда. Во всяком случае в самой Бухаре слои этого времени не обнаружены и возникновение здесь города можно относить лишь к V—VII векам н. э. В сельской округе Варахши группами располагались небольшие поселки. При раскопках одного из них были найдены глиняные бокалы, бронзовые наконечники стрел и пять приземистых терракотовых статуэток. В подобном наборе вещей нет ничего удивительного. Жители селений, вознося молитвы божественным покровителям, заботились и о собственной обороне: на границах оазисов теснились воинственные кочевые племена. Защищаясь от них, жители бухарского Согда обносили свои оазисы высокой стеной. Сразу за ней мы находим могильники тех номадов, которые вынуждали обитателей оазисов строить эти стены. Отважные конные воины даже на тот свет отправлялись вооруженными до зубов. Длинные железные мечи, кинжалы в деревянных ножнах, луки и колчаны, полные стрел, встречаются в могилах. Хотя многие погребения были ограблены задолго до того, как археологи нарушили покой усопших воителей, в ряде могил найдены золотые бусы и некоторые другие украшения. Руками городских ремесленников изготовлено и большинство глиняных сосудов, помещенных в погребении в качестве заупокойных даров. Безусловно торговля с кочевниками была весьма прибыльным делом для согдийских купцов, если только суровые номады не получали все необходимое по праву сильного. В этом отношении бухарский Согд, раскинувшийся на окраине кызыл-кумских песков, находился под постоянной угрозой.

В несколько лучшем положении был Согд кашка-дарьинский, прикрытый с севера системой горных хребтов, за которыми зеленели оазисы самаркандской округи. Древней столицей этой третьей части согдийской земли было городище Ер-курган, раскинувшееся на огромной территории в 150 гектаров. В древности это был важный ремесленный и торговый центр. Но пока здесь проведены только разведочные раскопки и археологи обнаружили лишь остатки печи для обжига керамики и осколки глиняной посуды, во многом напоминающей продукцию бактрийских мастеров. Другой древний город этой области располагался на окраине современного селения Китаб. Здесь еще до револю-

ции был найден клад серебряных греко-бактрийских монет, собранных каким-то бережливым согдийцем.

Городище, носящее название Каляндар-тепе, занимает площадь около 15 гектаров. При разведочных раскопках, проведенных здесь в 1951 году, были найдены обломки глиняной посуды, в том числе излюбленных согдийцами кубков, а также верхняя часть терракотовой фигурки мужчины в коническом головном уборе. Перед нами остатки еще одного согдийского города, имя которого еще предстоит установить, анализируя список поселений, приводимый Птолемеем.

Нетрудно видеть, что согдийская культура в значительной степени является еще не прочитанной главой в книге городских цивилизаций Средней Азии. Нам известно заглавие этого раздела утерянной летописи. И то здесь, то там попадаются отдельные страницы, еще не дающие связного текста и лишь разжигающие нетерпение и любопытство. Памятники древнего Согда, подобно горным твердыням согдийцев, штурмовавшимся армией Александра, все еще не желают покориться археологам. Но уже сейчас мы можем сказать, что свободолюбивые согдийцы умели хранить местные традиции. Правда, под эллинистическим влиянием согдийский леопард кое-что позаимствовал у пришельцев, но в основном остался все тем же надменным и независимым жителем пянджикентских гор.

Примечание. Имеется обзорная статья по древней истории Самарканда М. Е. Массона в «Вестнике древней истории», 1950, № 4. Об археологических раскопках см. работы А. И. Тереножкина в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры (ИИМК)», вып. XXXIII, 1950 и вып. XXXVI, 1951. Новые работы на Афросиабе дали мало материала по древним периодам. О статуэтках см. каталог В. А. Мешкерис, *Терракоты Самаркандского музея*, Л., 1962. Раскопки Тали-Барзу освещены (правда, с неверными датировками) в отчете Г. В. Григорьева в «Трудах отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. II, Л., 1940. О работах на древних поселениях бухарского Согда см. статьи в «Трудах Института истории и археологии АН Узбекской ССР», вып. VIII, Ташкент, 1956; о кашка-дарьинском Согде отчеты С. К. Кабанова в том же издании, т. II, Ташкент, 1950 г. и в сборнике «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962. Согдийские монеты кратко рассмотрены в статье В. М. Массона в «Вестнике древней истории», 1955, № 2.

СОКРОВИЩА ПАРФЯНСКИХ ЦАРЕЙ

Сюда варвары свезли богатства со всей Персиды, золото и серебро лежало грудами, одежд было великое множество, утварь была собрана не только нужная для употребления, но и ради се роскоши.

Квинт Курций

Парфянская империя, остановившая продвижение Рима на восток, поразила воображение тогдашнего культурного мира. Недаром сохранились до наших дней как постоянные эпитеты, доставшиеся нам в наследство от античности, парфянские стрелы и парфянские высокие шапки — клобуки. Парфяне, явившись из неведомых глубин Азии, встали на пути победоносных легионов. Марк Красс, разделявший влияние и власть с Цезарем и Помпеем, провозглашенный своими войсками императором, бесславно погиб в 53 году до н. э. у небольшого месопотамского городка. Его войска были разгромлены парфянской кавалерией, а отрубленная голова престарелого триумвира брошена к ногам восточного владыки. Нависающая над восточными границами империи парфянская держава, была для римлян грозной, загадочной и малопонятной. Это отношение к Парфии хорошо передано Л. Фейхтвангером в его романе «Лже-Нерон». Здесь следующим образом описывается пребывание в одной из парфянских столиц бежавшего из римских владений Варрона, незадачливого политического интригана и заговорщика. «Только мало-помалу он понял, что его затея, если ее рассматривать отсюда, из Ктесифона, выглядит куда более мизерной. Он привык к толчее народов в Риме; но в Ктесифоне мир открывался гораздо шире, парфяне сносились с народами, имена которых Варрон даже не всегда знал или никогда не выговорил бы, если бы и знал. Послы скифов, аланов, даже послы Китая дожидались возможности предстать перед великим царем и изложить ему свои нужды. Варрон понял, что даже подлинный Рим не был для двора Артабана центром мира, не говоря уж об искусственном Риме Нерона. Он чувствовал себя порой незначительной фигурой, про-

винциалом, и его планы, связанные с Ктесифоном, казались ему безнадежными».

В пору расцвета парфянская держава включала в свой состав территорию Ирана, Месопотамии и Восточного Афганистана; боковая ветвь правящей династии утвердилась в Армении, а сами «цари царей» уже претендовали на Сирию и западные области Индии. Недаром писал про парфян географ-энциклопедист Страбон, современник Цезаря и Августа: «В настоящее время они владеют такой обширной страной и таким множеством племен, что по величине своей державы являются до некоторой степени соперниками римлян». «Парфяне, — вторит ему историк Юстин, — как бы поделив мир между собой и римлянами, владычествуют теперь на Востоке».

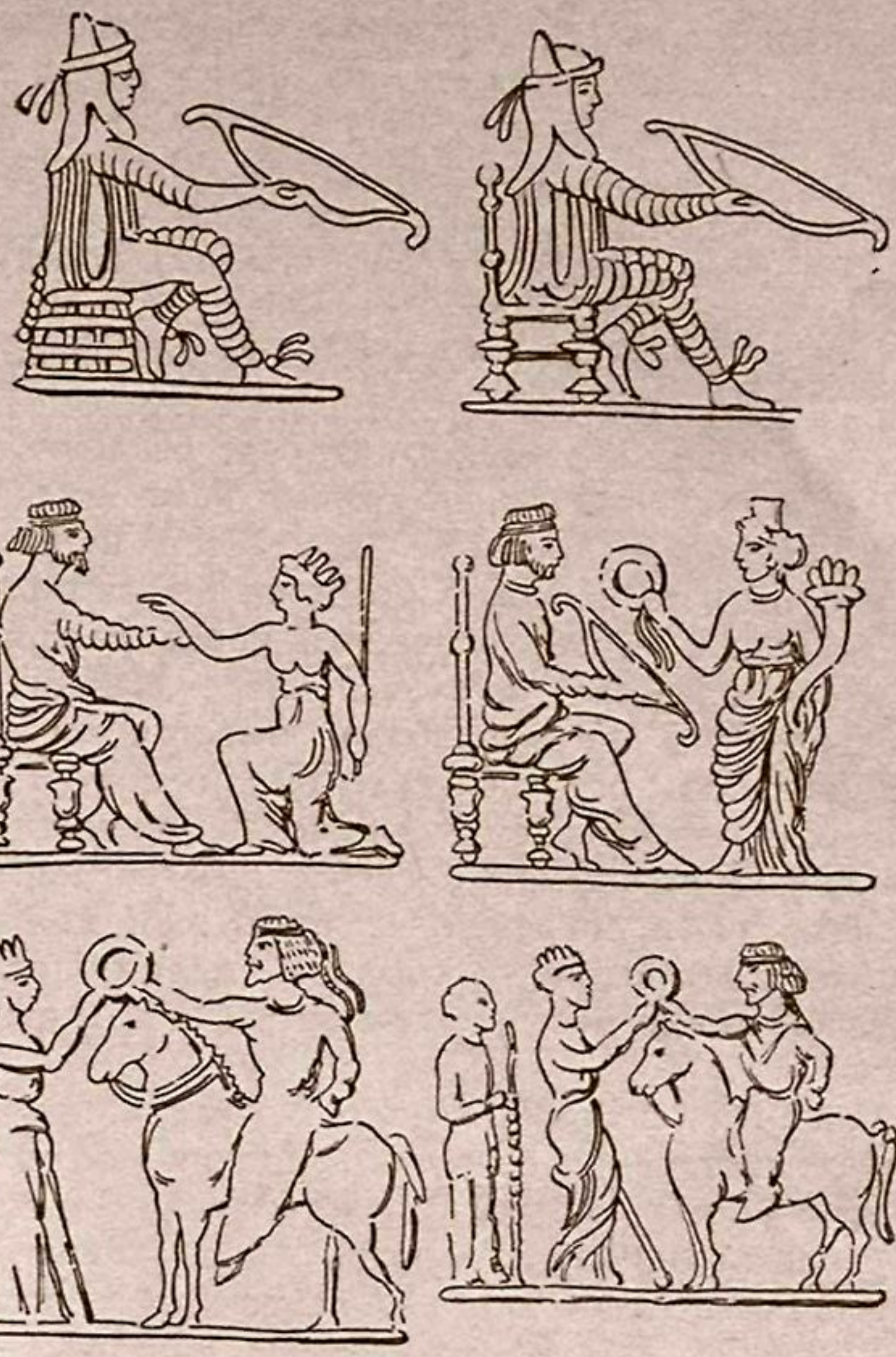
Между тем собственно Парфией в отличие от обширной парфянской империи назывались в древности области части Южной Туркмении и Северо-Восточного Ирана. Оазисы в долине Мургаба входили уже в состав другой страны — Маргианы. Эти гористые области туркмено-хорасанских гор и примыкающие к ним плодородные долины были той первоначальной Парфией, откуда ее правители распространили свою власть на древнейшие культурные центры Востока. Эта парфянская метрополия издревле была центром высокоразвитой оседлой культуры. Именно здесь в эпоху бронзового века сложились крупные поселения протогородского типа. Затем после эпохи упадка и запустения, уже в пору раннего железа, здесь появился укрепленный центр с цитаделью — Елькен-депе.

В VI—IV веках до н. э. Парфия входила в состав ахеменидской империи. По наскальным надписям того времени мы знаем, что Парфией одно время управлял Гистасп, отец Дария, деятельность которого оставила яркий след в древней истории. Александр Македонский, двинувшийся в трудный восточный поход за «наследством Дария», долго не задерживался в этой области, утвердив только ее прежнего правителя — сатрапа. Казалось бы, в самом деле, что было делать тщеславному завоевателю в бедной стране на окраине безбрежной пустыни. Страбон так и писал в своей «Географии»: «Парфия невелика... Вдобавок к незначительности ее пространства она покрыта густыми лесами, гориста и бедна, так что цари в силу этого крайне поспешно проводили через нее свои полчища, так как страна не могла прокормить их даже короткое время». Однако

шло время. Великий македонец умер в Вавилоне, едва приступив к созданию своей колоссальной империи. У еще не остывшего трупа началась ожесточенная схватка его полководцев и сподвижников, рвущих на части огромное наследство. В качестве «удела для кормления» из рук в руки переходила и Парфия, пока не оказалась включенной в состав владений одного из наиболее удачливых наследников — Селевка. Но жители Парфии не хотели видеть свою страну игрушкой в руках чужеземных владык. Местная знать и городская верхушка не желали делиться своими доходами с селевкидскими наместниками. Имелась и другая антиселевкидская сила, весьма значительная в военном отношении. Это были кочевые племена, располагавшиеся на границах Парфии и известные античным авторам под именем парнов. Поэтому, едва только появились первые признаки ослабления селевкидской державы, ее восточные сатрапии и Парфия в их числе отпали и объявили себя независимыми государствами. Вскоре в Парфию вторглись кочевые племена, видимо способствовавшие в свое время также ее отделению от государства Селевкидов. Вожди кочевников основали новую династию, получившую от имени своего основателя Арсака, или Аршака, название Аршакидов. В честь столь знаменательного события была учреждена и специальная эра, начавшаяся в 247 году до н. э.

Новые цари не порвали тесных связей с приведшей их к власти кочевой средой. На оборотной стороне аршакидских монет помещается традиционное изображение Аршака, сидящего на троне с символом своего могущества — смертоносным луком в руках. Иногда мы видим здесь и изображения того, как богиня античного облика преподносит венок победоносному царю, держащему неизменный лук. Один из Аршакидов даже принимает такой венок, сидя верхом, это тоже, конечно, символ. Действительно, легкая кавалерия (неотразимые парфянские лучники) и тяжелая конница из бронированных всадников и коней (катафрактарии) составляли ударную силу парфянской армии.

Утвердившись на престоле, аршакидские правители начали постепенно прибирать к рукам отдельные провинции разваливавшейся селевкидской державы. При Митридате I (171—138 годы до н. э.) парфянские войска появляются на берегах Евфрата. Другой Аршакид — Митридат II (123—



Монеты парфянских Аршакидов
(оборотная сторона)

88 годы до н. э.), прозванный Великим, именует себя на монетах: «Арсак, царь царей, справедливый, благодетельный и филэллин». Последний из этих титулов, вероятно, был рассчитан на привлечение симпатий довольно многочисленного греческого и эллинизированного населения месопотамских городов. Как бы то ни было, военными действиями и политическими акциями Парфия утверждается в ранге мировой державы, вызывая боязливое удивление современников. Уже упоминавшийся выше римский историк Юстин так и пишет про парфян: «Три раза подвергались

они нападению римлян, во главе которых стояли величайшие римские полководцы, — Рим был тогда в расцвете сил, — и они одни из всех народов оказались не только равными римлянам, но и победили их. Однако еще больше славы, чем победа над заморским врагом, принесло им то, что они сумели выдвинуться, находясь между царствами Ассирийским, Мидийским и Персидским, некогда знаменитейшими, и рядом с бактрийской державой, владеющей тысячей городов».

Оставим, однако, древних авторов, сведения которых обстоятельно изучались поколениями историков. Обратимся к той Парфии, или, как ее иногда еще называли, Парфиене, которая, по словам Страбона, была лишь лесиста, гориста и бедна. Археологическая карта парфянских областей насчитывает значительное число древних памятников. Только в районе Ашхабада имеется свыше сорока древних развалин, остатков селений, крепостей и усадеб, на которых отмечены слои парфянского времени. Это и не удивительно. По сравнению с греческими географами и римскими историками современные археологи имеют прежде всего одно, совершенно бесспорное преимущество: они, как правило, лично посещают те места, о которых пишут в своих книгах.

Среди парфянских памятников, расположенных в Южном Туркменистане (в южнопарфянских областях, ныне входящих в состав Ирана, соответствующие исследования еще не производились), имеются и развалины городских центров. Таково городище Хосров-кала, находящееся, кстати, по соседству с более древним центром — Елькен-депе. Здесь укрепленный стенами город располагался рядом с мощной цитаделью. Руины крупной парфянской четырехугольной крепости имеются на окраине современного районного центра Каахка. Это огромное городище, достигающее площади 35 гектаров, так и именуется местным населением: Койне-Каахка (Старая Каахка). Еще одна парфянская крепость располагалась на территории другого районного центра — Геок-тепе. Известны развалины и значительного числа других, более мелких городов и крепостей, бывших центрами земледельческих оазисов. На окраинах этих оазисов теснились кочевники, давшие Парфии правящую династию. В ряде мест раскопаны их могилы, помещавшиеся под курганными насыпями, обычно вытянутыми в цепочку.

В специальном подземном помещении, которое археологами именуется катакомбой, покоилось тело усопшего в богатой одежде, нередко расшитой золотом. Рядом лежало оружие — железные мечи и кинжалы и, конечно же, знаменитые парфянские стрелы, от которых в большинстве случаев сохраняются одни железные наконечники. Помещались в могилу глиняные и каменные сосуды. Одна такая находка оказалась особенно удачной: на дне глиняной фляги обнаружен красноватый органический осадок. Проведенное исследование показало, что это осадок вина, изготовленного не из свежего винограда, а из кишмиша. Правда, тонкая пленка осадка не позволяла судить о качестве самого напитка, который, сохранившись до наших дней, обладал бы рекордной выдержкой.

Городская культура Парфиены и мобильные отряды вооруженных кочевников были той силой, на которую опирались царственные Аршакиды, создавая свою обширную империю. Здесь же, в коренных парфянских областях, располагалась и их первая столица. Возможно, таких столиц или царских городов было несколько. Так, сообщается, что первый Аршакид короновался в городе Асааке, названном так скорее всего именно в его честь (Аршак — Арсак — Асаак). В качестве парфянской столицы называется и город Гекатомпил, или «стовратный», вероятно, греческий перевод какого-то местного топонима. Наконец, в одном весьма достоверном источнике сообщается, что в городе, именуемом Саулое Парфаниса или Нисайя, расположены царские могилы. Позднее, с расширением парфянских владений, резиденция «царя царей» была перенесена дальше на запад. Первоначально это были Экбатаны (район современного Хамадана в Иране), а затем расположенный на берегах Тигра Ктесифон. Легко себе представить, насколько заманчивой является попытка отыскать первопрестольные города Аршакидов и как много для изучения раннепарфянской державы могли дать их раскопки. Такие попытки предпринимались неоднократно, притом с помощью самых различных средств. В 1937 году американский археолог Эрик Шмидт, уговорив одну состоятельную даму пожертвовать деньги на археологию, совершил ряд авиационных маршрутов над территорией Ирана. В частности, он пытался обнаружить развалины Гекатомпила. Но стовратный город так и остается пока недосягаемым для археологов. Иначе обстояло дело с городом царских гроб-

ниц — Нисой или Нисайей. То же имя носил в средние века довольно крупный город, неоднократно упоминаемый в источниках. Естественно, возникло предположение о тождестве древнего и средневекового названий. Вскоре стали известны развалины средневековой Нисы, дожившей чуть ли не до XVIII века. Эти руины располагались в 18 километрах к западу от современной столицы Туркмении — Ашхабада. Оставалось обнаружить под средневековыми напластованиями культурные слои парфянского времени. Это уже было делом археологов, которые и начали в 1930 году раскопки оплывших руин. Раскопки эти продолжаются и в наши дни, особенно успешно с 1946 года, когда они стали проводиться Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией. Почти сразу же были открыты парфянские слои. Оказалось, что бедная, лесистая и гористая Парфия таила в своих недрах поразительные сокровища.

Руины Нисы состоят из развалин двух городищ. Одно из них — Новая Ниса — было собственно городом, а другое — Старая Ниса — царской крепостью, где находились дворцовые и храмовые постройки, а также обширные хранилища и сокровищница. Пригороды Нисы еще в парфянское время были обведены глинобитной стеной, которая, однако, плохо сохранилась среди садов и виноградников селения Багир, расположенного сейчас на этой территории. В пределах этой округи местами высятся холмы — остатки усадеб или каких-то монументальных строений.

На городище Новая Ниса жизнь продолжалась еще многие столетия после падения парфянского царства, и собственно парфянские слои здесь труднодоступны для археологов. Тем не менее удалось установить, что при Аршакидах город был окружен мощной крепостной стеной, а в южной его части располагалась цитадель. Из этой цитадели происходят и несколько черепков с парфянскими надписями — древние документы хозяйственного учета городской канцелярии. На северной окраине у городских стен находился большой культовый комплекс. Еще при ранних Аршакидах здесь было возведено монументальное здание, стены которого снаружи окрашены в красный цвет и фланкированы полуколоннами. Позднее, в I веке до н. э., на этом месте располагался некрополь знати, где погребения совершались в небольших глинобитных камерах. Обрывки тканей, вышитых золотыми нитями, и бронзовый

римский светильник с головой фавна, найденные здесь, свидетельствуют о состоятельности погребенных лиц.

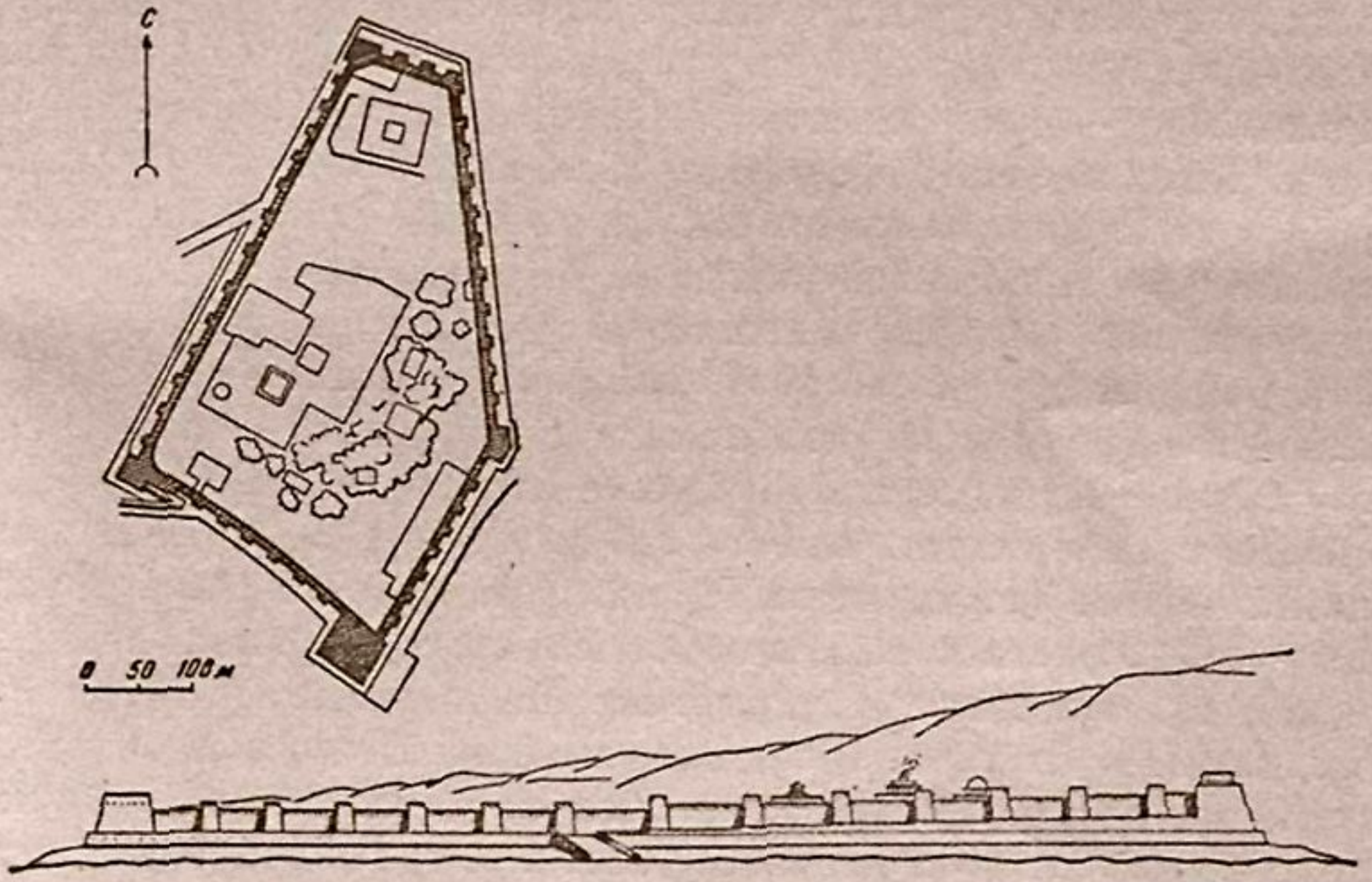
Совершенно другой характер имело городище, ныне известное под именем Старой Нисы. Оно стоит несколько особняком, за пределами городской стены. Это городище ненадолго пережило своих основателей и пришло в запустение уже в III веке н. э. с падением основанной Аршаком династии. В средние века иногда делались попытки как-то использовать руины или возвести новые постройки, но эти попытки были недолговечны, а сами строения невелики. В результате руины парфянской крепости стали как бы археологическим заповедником. Здесь остатки аршакидских храмов и дворцов сохранились почти не нарушенными строительной деятельностью более поздних поколений, как это сплошь и рядом бывает на многослойных городищах. Археологам не приходится, как, скажем на Новой Нисе, последовательно вскрывать культурные наслоения времени Тамерлана и хорезмшаха Мухаммеда, бесславно бросившего под натиском монгольских полчищ свою державу на произвол судьбы. С помощью лопаты и ножа работающие на Старой Нисе археологи совершили почти двухтысячелетний путь, открывая руины зданий, бывших современниками Рима. Подобные памятники имеют особую ценность в глазах исследователей. Так, урартская крепость Кармир-блур стала подлинной лабораторией изучения истории и культуры одного из древнейших государственных образований на территории нашей родины. В Средней Азии то же значение имеют раскопки раннесредневекового Пянджикента, донесшего до наших дней изящные фрески и рельефы согдийских художников, трудившихся накануне арабского завоевания. Такую же роль для изучения Парфии, родины и метрополии Аршакидов, сыграла Старая Ниса. И нельзя не признать, что результаты раскопок руин этой древней крепости превзошли самые оптимистические ожидания.

Старая Ниса и сегодня оставляет довольно сильное впечатление, когда на фоне скалистых отрогов Копет-дага вырисовывается четкий силуэт крепости, приподнятой почти на 50 метров над прилегающими полями и виноградниками. Умело использовав естественное возвышение, парфянские архитекторы придали ему форму пятиугольника. Сложенные из сырцового кирпича крепостные стены десятиметровой ширины через равные промежутки флан-

кировались мощными квадратными башнями. Было сделано все, для того чтобы царская резиденция стала величественной и неприступной.

Уже при первых Аршакидах существовала эта могущественная крепость. Возможно, своим возникновением она обязана брату основателя династии Тиридату I (247—217 годы до н. э.), который, как сообщает нам римский историк, во множестве закладывал крепости и укреплял города. Неоднократные перестройки, возведение новых зданий свидетельствуют о том, что и последующие правители не обходили вниманием это родовое гнездо. Вскоре один из Аршакидов дал крепости и свое имя. Мы знаем об этом благодаря поразительной удаче, которая иногда нет-нет и выпадает на долю любого исследователя. Уже прошло почти два десятилетия с начала раскопок на Старой Нисе, когда в руки археологов попали первые образцы письменных документов. Наконец парфяне заговорили своим собственным языком. И хотя нетерпеливые историки хотели бы получить от них ответ на множество самых разных вопросов, один из найденных документов мог удовлетворить самые непомерные желания. Прочитанный специалистами-филологами, этот документ гласит: «В крепости Михрдаткирт, в винном складе, называемом «новым», вина и уксуса хумов 160, пустых — 8. В винном складе... называемом, вина и уксуса хумов 316, пустых 16. Всего хумов — 500». Целые и разбитые хумы — глиняные сосуды, огромные как в сказке об Али-Бабе и сорока разбойниках — во множестве были найдены археологами в царских хранилищах Нисы. Становилось совершенно ясно, что крепость, в которой эти хранилища располагались, назывались в древности Михрдаткиртом, т. е. построенная Митридатом. Трудно судить, имелся ли в виду воинственный Митридат I или первый Аршакид, принявший титул «царя царей» — Митридат II. Но древнее наименование крепости, которую мы вслед за местными жителями называем Старой Нисой (по-туркменски — Койне Нусай), не оставляло никаких сомнений.

Основатели могущественной державы, счастливые соперники римлян парфянские Аршакиды, возвели в Михрдаткирте целый комплекс монументальных строений. Крепость не была унылой чередой холмов под яростными лучами солнца, какой она представляется нам сейчас. По берегам обширных водоемов зеленели сады, толщи сырцо-



Старая Ниса. Реконструируемый план и общий вид

вых стен не пропускали томящий зной, а когда солнце склонялось к закату, огромные строения бросали на землю причудливые тени. На башнях перекликались часовые, и сменялся караул у огромных складов и хранилищ, расположенных в северной части крепости, где отгороженная еще одной, дополнительной стеной находилась и царская сокровищница. Медленно и монотонно текла жизнь Михрдаткирта в те дни, когда в нем не пребывали представители правящей династии. В определенные часы совершали священные церемонии молчаливые жрецы, по рангу и положению участвующие в провозглашении царя. «Высший совет у парфян, — пишет об этом Страбон, — состоит из двух частей: в одну часть входят родственники царя, в другую — мудрецы и маги. Царей выбирают из обеих частей». Некий маг упоминается, кстати, и в одном из найденных на Нисе документов.

Жрецы, как и сами Аршакиды, исповедовали религию, носившую имя своего основателя — Заратуштры или Зороастра. Видимо, зороастризм парфянской Нисы опирался и на письменную традицию, сохранявшую и древние гимны — яшты, и страстные проповеди самого основателя — гаты, и бесчисленное множество разнообразных обрядовых установлений и предписаний. Недаром в нисий-

ских документах употребляется зороастрийский календарь, а среди имен служащих дворцового хозяйства и связанных с ним лиц — а их известно около двухсот — очень много имен явно зороастрийского происхождения. В них составной частью входят имена и верховного божества зороастризма Ахура Мазды, и планеты Тир — Меркурия, и могущественного Митры (вспомним и парфянских царей Митридатов), и всеобщего доброго начала — Арта. «С поклоном Арту и приношениями я даю обет, — читаем мы в символе веры зороастризма, — отныне я не буду ради своего тела и жизни причинять ущерба и разорения маздаяснийским (т. е. правоверным, поклоняющимся Мазде. — *В. М.*) селениям. Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, неартовскими, злокозненными дэвами, самыми лживыми, самыми зловонными, самыми вредными из всех существ, отрекаюсь от дэвов и их сообщников, от колдунов и их сообщников. Отрекаюсь в мыслях, в словах, в знамениях» *.

К услугам нисийских магов было по крайней мере два храмовых сооружения. Не исключено, что в одном из них выставлялись боевые значки римских легионов, захваченные парфянами после разгрома армии Красса и переданные в крупнейшие храмы империи. Первый нисийский храм известен у археологов под названием «круглого зала». Он действительно представляет собой в плане круг диаметром почти 17 метров. Круг этот вписан в прямоугольник обводного коридора, весьма характерного для культовых построек зороастризма, где в святая святых допускались лишь избранные. Система двойных обводных коридоров, перекрытых сводами из сырцового кирпича, характерна и для другого здания — так называемой башни. Она представляет собой сплошное массивное сооружение из сырцового кирпича. Сейчас высота ее почти шесть метров. Возможно, на вершине башни стояла культовая статуя и горел священный огонь.

Зороастризм был в Парфии господствующей религией. Это отнюдь не мешало распространению и иных верований, нередко включавшихся в ортодоксальное учение Зороастры. В придворной среде были популярны небожители священного Олимпа — там стремились совместить иноплеменных богов с привычными традиционными обра-

---

* Перевод В. И. Абаева.

зами. Так, Зевса отождествляли с Ахурамаздой, Аполлона — с Митрой, Геракла — с воинственным авестийским Веретрагной. Образ Афины слился с восточной богиней Нанайей, чей храм существовал где-то в Парфиене, поскольку он упоминается в документах из Нисы.

Укрепленная царская крепость была и важным административным центром. Возможно, здесь находился правитель области, сатрап или даже более важная персона, *носившая титул марзбан, под чьей властью объединялось* несколько сатрапий. Присутствие высокого начальства, естественно, вызывало суету и оживление в деловой части крепости. Прибывали с донесениями гонцы, отправлялись в различные места сборщики налогов, писцы и чиновники вели строгий учет продуктов обширного хозяйства, не забывая при этом, видимо, и свои интересы. Правители селений и чиновники помельче слонялись в ожидании назначенной аудиенции. Конечно, об этой стороне жизни Михрдаткирта лучше всего могли бы поведать письменные документы нисийского архива. Их с нетерпением ждут историки, теряющиеся в догадках по поводу многих сторон жизни парфянской державы.

Однако большинство таких документов составлялось на коже, найти которую в природных условиях Нисы надежды нет. Вместе с тем оказалось, что нисийские писцы, экономя дорогостоящие материалы, нашли им остроумную замену, вполне устроившую и современных археологов. Для первичного учета на Нисе использовались обломки глиняных сосудов, прекрасно сохраняющиеся в течение столетий. Свыше двух тысяч таких черепков с надписями, или, как их называют, следуя древнегреческой терминологии, остраконов, найдено было в ходе раскопок царской крепости Парфиены. Все эти находки сосредоточены в ее северной части, где располагались обширные царские хранилища и кладовые. Среди них имелись и многочисленные винные склады, где длинными рядами стояли глиняные бочки — хумы. На обломках этих хумов, кстати, и делали свои черновые записи нисийские писцы. Хумы как бы жили две жизни. Сначала в огромном глиняном сосуде хранилось само вино, а затем черепок хума служил этикеткой — указателем, прилагавшимся к очередному хуму с вином.

Нисийские остраконы сразу как бы приподняли завесу над многими сторонами административной системы Пар-

фиены. Читая древние документы, мы попадаем в живой, будто пульсирующий мир с установившимися привычками, традициями и своими трудностями. Эта жизнь поражает сложностью и педантичностью, и нетрудно видеть, что были в царской крепости свои бюрократы и свои чернильные души.

Подавляющее число документов составлено по одному образцу: это записи предварительного учета. Затем эти записи объединялись в более подробные ведомости, составлявшиеся, правда, на более надежном материале, чем битые черепки. Вот типичная надпись: «В этом хуме из имения Фриапатикан из виноградника податного, который в руке сатрапа 17 мари * вина. Внесено на год 188, принес Хумаяк, доставщик вина, который (родом) из Артаставанака». Ниже следует дополнительная запись: «и 2 мари 1 кавчий вина есть скисшее». Таким образом, в 60 году до н. э. (этой дате соответствует 188 год аршакидской эры) в Михрдаткирт в порядке податей доставлено вино из окрестного виноградника и залито в хум, помещавшийся в винном складе крепости. Затем большая часть его была израсходована, а небольшой остаток при соответствующей ревизии определен как скисший и негодный к употреблению.

Такие ревизии были необходимы, так как помещавшийся в хумах продукт принадлежал к числу тех, которые особенно легко поддаются всяким «усушкам и утрускам». Видимо, именно поэтому наполненные хумы опечатывались кравчими, а при вскрытии печатей составляли специальные документы вроде актов, образцы которых также сохранились до наших дней. С проведением ревизий связаны и пометки, встречающиеся на остраконах и сделанные иным почерком, чем основной текст. «Начальник писцов», «сатрап», — читаем мы на этих пометках, означающих, вероятно, должность тех лиц, от имени которых производилась соответствующая проверка. Но надо полагать, что ловкие доставщики вина, кравчии и писцы находили возможность добраться до товара, вверенного их заботам и попечениям. Скорее всего именно различные злоупотребления вынуждали администрацию избегать назначения в то или другое поместье или селение доставщика вина родом из этой

---

* Мера объема. Величина не выяснена. Нисийские хумы вмещали до 100 литров вина.

местности. Кроме того, уже назначенные лица обычно долго не засиживались на одном месте и постоянно перемещались.

Нисийские документы дают представление и о той области, из которой доставлялось в Михрдаткирт вино. Там находилось немало довольно крупных поместий; виноградники, входившие в их состав, обычно перечисляются. Многие поместья были названы в честь парфянских царей. Таковы, например, поместья, именуемые Митрдатакан, Артабанукан, и особенно часто встречающееся и бывшее, видимо, крупным центром виноделия поместье Фриапатикан. Оно было названо так по имени Аршакида Фриапатия, предшественника Митридата I. Имелось и «дворцовое поместье» (Аппаданак).

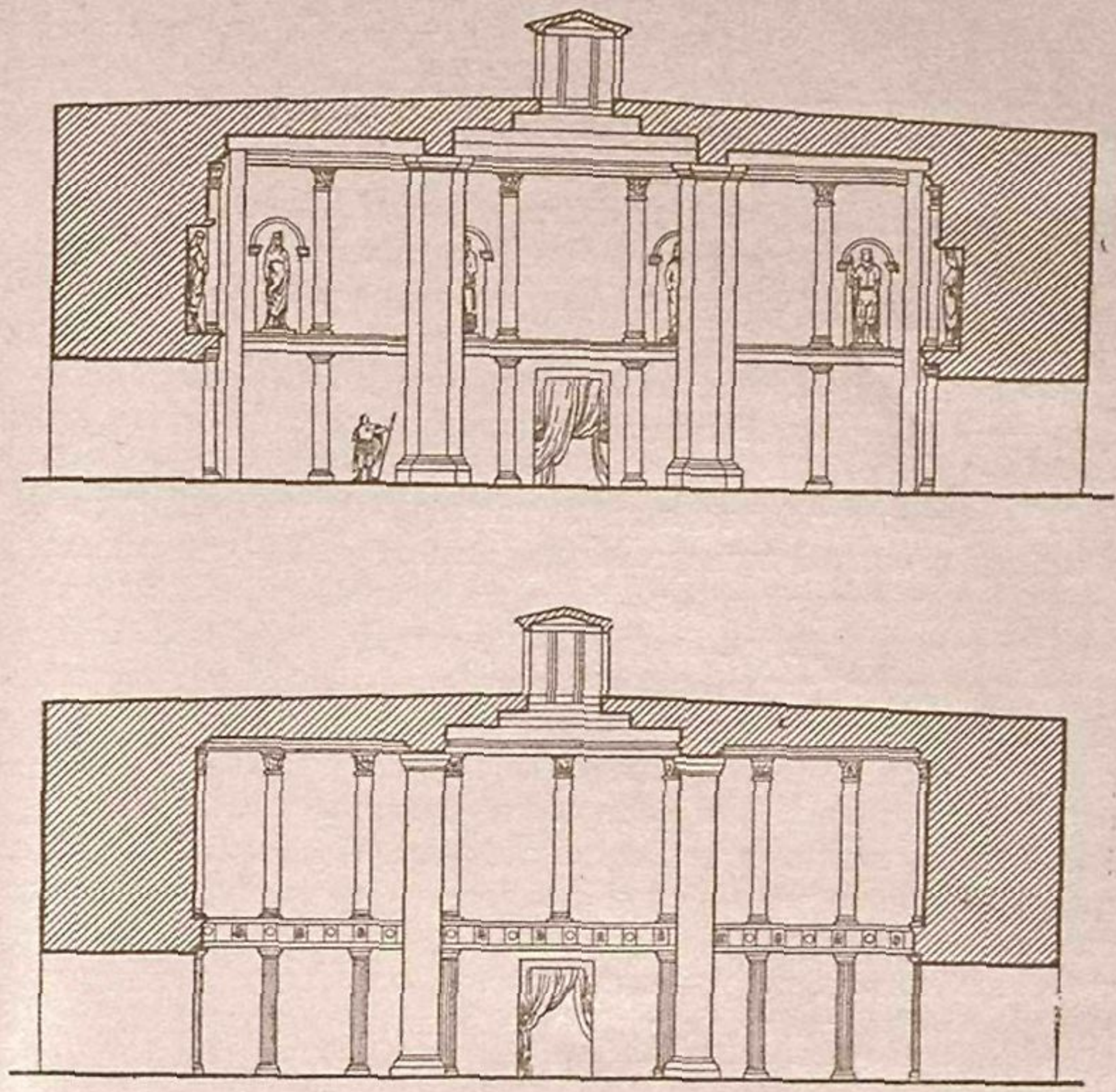
Встречаются записи о взносах, доставлявшихся от имени знатных персон и, возможно, представлявшие собой нечто вроде арендной платы, например взносы «от казначея» и «от главного начальника конницы», этой ударной силы парфянской армии. Видимо, область, откуда доставлялось вино в нисийские кладовые, была достаточно обширна. В документах упоминаются 17 поместий и свыше 10 селений. Среди них встречаются как будто перекликающиеся с современными названиями населенных пунктов юга Туркменской ССР. Таковы, в частности, Артык — ныне станция Ашхабадской железной дороги; Каахка, сейчас крупный районный центр; небольшое селение Чача; возможно, даже Мерв и Керки, города, находящиеся уже совсем далеко — на берегу Аму-Дарьи.

Винные склады Нисы, где столь тщательно велись учет и документация, могли содержать в своих погребах до полумиллиона литров вина. Это винное море всегда было к услугам Аршакидов, буде они желали посетить крепость, носившую имя Митридата. «Войны и пиры» — этот извечно традиционный лозунг аристократии был популярен и в парфянской среде. Мы, правда, пока не знаем, как протекали пиры в Нисе, и какие застольные песни исполняли здесь парфянские барды. Но у Плутарха сохранилось описание празднества, происходившего при дворе армянского царя Артавазда в тот момент, когда там находился и сам парфянский «царь царей» Ород. Оба с нетерпением ожидали известий о столкновении аршакидской армии с легионами Красса. «Ород уже помирился с Артаваздом армянским, — повествует Плутарх, — и согласился на брак

его сестры и своего сына Пакора. Они задавали друг другу пиры с попойками; часто бывали у них и греческие представления, ибо Ород не был чужд греческому языку и литературе... Когда ко двору была привезена голова Красса, со стола уже было убрано и трагический актер Ясон декламировал из «Вакханок» Еврипида... В то время как ему аплодировали, в зал вошел Силлак, пал ниц перед царем и затем бросил на середину зала голову Красса. Парфяне рукоплескали с радостными криками... и слуги, по приказанию царя, пригласили Силлака возлечь. Ясон же... схватил голову Красса и, впав в состояние вакхического экстаза, начал восторженно декламировать следующие стихи:

Мы несем с горы в свой дом недавно срезанный
плющ, добычу счастливой охоты»

Не менее захватывающие эпизоды, вероятно, происходили и в нисийской резиденции. Во всяком случае здесь к услугам Аршакидов имелся обширный комплекс дворцовых построек. Раскопки всех этих строений еще не завершены. Но уже сейчас ясно, что первое место среди них занимал большой парадный зал, бывший предметом особенных забот и внимания. Этот зал неоднократно перестраивался и видоизменялся за время своего почти пятисотлетнего существования. Внутренний его план образовывал почти правильный квадрат, достигавший в стороне 20 метров. Внешние стены четырехметровой толщины были возведены с большим запасом прочности и делали здание монументальным. Три парадных входа вели в помещение, в центре которого стремительно уходили ввысь четыре восьмиметровые колонны, поддерживавшие перекрытие. Массивный зал замкнутой планировки, тяжеловесная сырцовая архитектура — все это сугубо местные черты, берущие свое начало, быть может, еще во дворце из-депинского правителя. Но имеются в этом помещении, бывшем в древности скорее всего тронным залом, и явственные признаки иной культурной традиции. Не случайно Аршакиды именовали себя филэллинами и при их дворе декламировались стихи, написанные классиками Эллады. Это было время, когда повсюду на Востоке вкусы греков, местами еще находившихся у власти, их образ жизни, язык, культура стали своего рода модной нормой. Все это сказалось и на убранстве парадного зала Нисы.



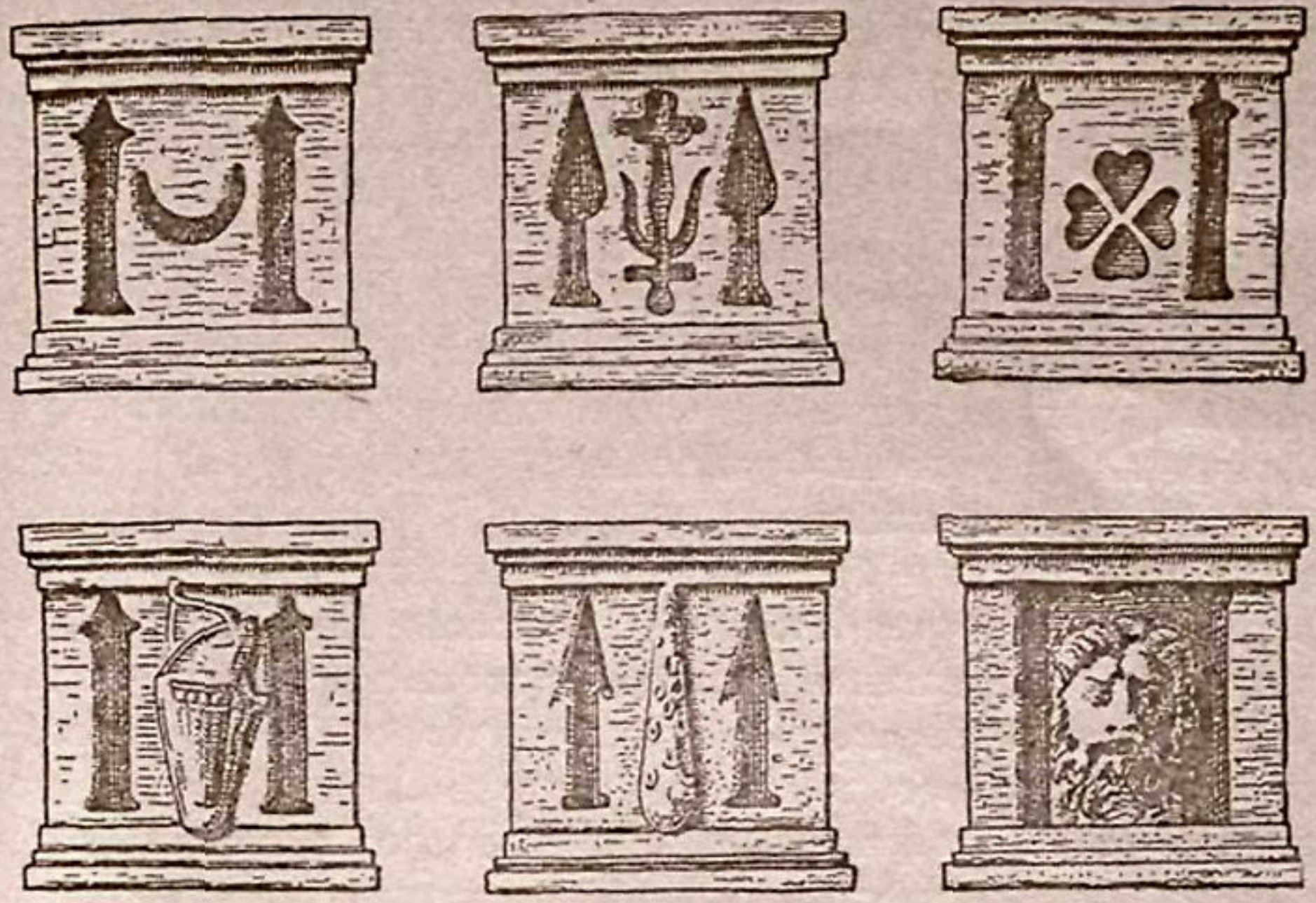
Старая Ниса. Квадратный зал в первом (внизу) и втором (вверху) периодах (реконструкция)

Так, здесь при раскопках были найдены терракотовые листья аканта, растения, излюбленного греческими архитекторами за его броскую декоративность. Такие листья образовывали пышные кущи капителей колонн, возведенных по коринфскому ордеру. Подобные коринфообразные капители имели и колонны квадратного зала. Кроме *акантовых листьев в ходе раскопок неоднократно встреча*лись также терракотовые плиты, видимо образовывавшие в древности наборный фриз в верхней части стен. На этих плитах между стреловидными бойницами помещены различные эмблемы. Имеется здесь и полумесяц, и знаменитый парфянский лук в налучье, и якорь, один из династийных знаков Селевкидов. Особенно характерны такие

эллинистические эмблемы, как палица Геракла и маска льва, явно выполненные в традициях пергамской школы эллинистической скульптуры. Все это результат взаимодействия двух культурных начал. Восток понемногу усваивал лучшие достижения своих западных соседей, сам оказывая в свою очередь заметное влияние на соплеменников Еврипида и Фидия. Так и рождалась эпоха, получившая название эллинизма. Первоначально для стран Востока было характерно именно сильнейшее воздействие эллинских начал, не переработанных еще в духе местных традиций.

Это время особенно ярко характеризуется вещами, найденными в сокровищнице Михрдаткирта. Как упоминалось выше, сокровищница помещалась здесь в огражденной особой стеной северной части царской крепости. Рядом находились и винные склады, о которых мы уже говорили. Здесь бдительно охраняемый вооруженными воинами располагался большой квадратный дом (длина стены — около 60 метров). Он состоял из девяти продолговатых помещений Войти в них можно было лишь через внутренний двор, находившийся в центре всего здания. Во двор снаружи вел один-единственный проход, усложненный к тому же дополнительными пристройками и ограждениями. Все эти предосторожности были далеко не случайными. В каждом из девяти помещений хранились ценнейшие произведения искусства, серебряная монета, различные художественные изделия из благородных металлов, а быть может, и полновесные слитки таких металлов.

Когда начались раскопки этого замкнутого комплекса, археологи сразу же обратили внимание на его необычный характер. Все двери оказались заложенными кладкой из сырцового кирпича. Комки сероватого вещества с многочисленными оттисками печатей, находимые у дверей, свидетельствовали о том, что помещение часто бывало опечатанным. Не менее ярко вырисовывалась и картина варварского разграбления, происшедшего, видимо, вскоре после падения правящей династии в начале III века н. э. При этом двери помещений оставались заделанными и запечатанными: грабители проникли внутрь здания через перекрытие. При виде наваленных грудами сокровищ глаза их разбегались, они хватали одни предметы, потом, отбрасывая их, бросались к другим, по их мнению, более ценным. Хрупкие вещи при этом ломались, но похитители, видимо



Старая Ниса. Терракотовые архитектурные детали

отягощенные уже награбленным, не считали нужным нагибаться лишний раз. Так сохранились закатившиеся в угол ручки серебряных сосудов, серебряные и бронзовые фигурки, пригоршни серебряных монет. Несколько обветшавшие ритоны (крупные сосуды) из слоновой кости представлялись вещами, не имеющими особой ценности, и их безжалостно свалили в кучу, первоначально грубо выломав драгоценные камни, пошедшие на инкрустации. Серебряные монеты, вызывавшие сомнение в своем качестве, грубо надрубались кинжалом, и действительно в некоторых из них под тонкой серебряной оболочкой оказывалась свинцовая сердцевина. Такие монеты отбрасывались.

Даже прекрасные мраморные статуи не были пощажены мародерами. Часть из них была разбита и брошена, часть унесена, мраморные осколки остались валяться в комнатах и на дворе. Нельзя не вспомнить при этом красочную картину разгрома войсками Александра Македонского сокровищницы ахеменидских царей в Персеполе. «Вооруженные столкновения, — пишет об этом событии римский историк Квинт Курций, — происходили и между самими победителями: кто захватил более ценную добычу, считался врагом, и, так как они не могли унести всего, вещи брались, какие подороже. Царские одежды они раз-

рывали на части, мечами разбивали дорогие художественные сосуды, ничего не оставляли нетронутым, не уносили в целости: тащили отломанные от статуй части, кто что ухватил». Нет ничего удивительного в близком сходстве картины, созданной на основании археологических данных, и свидетельств древнего историка. Во все времена войны и сопутствующие им грабежи представляют собой довольно неприглядное зрелище независимо от того, вооружены ли мародеры бронзовыми мечами или скорострельными автоматами.

Как ни грустно было археологам видеть печальную картину дикого варварства, они не могли не признать, что даже вещи, оставшиеся после опустошительного налета, представляли совершенно исключительный интерес. В этом отношении северный дом Старой Нисы явился подлинной научной сокровищницей, впервые пролившей свет на культуру и искусство ранней Парфии, еще облаченной в филэллинский наряд.

Здание нисийской сокровищницы было возведено довольно рано — еще в III веке до н. э. Именно тогда попали в кладку одного пристенного возвышения (суфы) серебряные монеты греко-бактрийского царя Евтидема (230—200 годы до н. э.). Найденные вещи также в основном относятся к III—I векам до н. э. Это было время, когда одерживающая все новые победы династия неустанно пополняла сокровищницу Михрдаткирта. Здесь хранились различные виды ценностей. Таковы были сами драгоценные металлы и камни — предмет особого интереса грабителей. Были здесь и металлы в форме монет. Так, в разных местах на полу обнаружены монеты, чеканенные от имени Александра Македонского и причерноморского города Амизоса, греко-бактрийского царя Евтидема и парфянского Митридата I.

Вторую группу предметов составляла различная утварь из драгоценных металлов и слоновой кости. О металлических изделиях мы можем судить лишь по незначительным обломкам. Такова серебряная фигурка крылатого сфинкса, служившая в древности, видимо, ручкой сосуда. Таковы и изящные статуэтки Эрота, Афины и орла, скорее всего прикреплявшиеся к крышкам похищенных ваз и кувшинов. Особенно трогательна серебряная фигурка Эрота, поднявшегося на цыпочки и протягивающего вперед руки, скованные золотой проволокой (табл. VI, *а*). Большинство

этих изделий скорее всего принадлежит к числу импортных вещей. Вместе с тем имеются среди них и произведения парфянских коропластов, как, например, статуэтка грифона с кошачьим туловищем и орлиным клювом.

Среди вещей, уцелевших после разграбления, особенно многочисленны изделия из слоновой кости. Вероятно, они частично пришли в ветхость уже в III веке н. э. и поэтому не представляли особого интереса для тех, кто проник *через крышу в царскую сокровищницу*. К *группе изделий* из бивней слонов относятся и точеные части мебели, в том числе, видимо, трона (именно на подобных тронах сидят парфянские цари, изображенные на монетах), и небольшие шкатулки, покрытые изящной резьбой. Но особенно многочисленными оказались крупные сосуды, известные под названием ритонов. Свыше сорока ритонов, найденных на Нисе, являются ярким примером соединения эллинских и восточных традиций, примером торжества жизненно реалистического стиля эллинизма. Сама форма нисийских ритонов — в виде рога с завершающей фигурой — традиционно восточная, известная еще в пору Ахеменидов. Позднее ритоны аналогичной формы изготовлялись и из простой глины, видимо предназначаясь для простых смертных. Ориентальные сюжеты преобладают и среди завершающих фигур. К их числу относятся грифоны (сюжет, встречающийся наиболее часто (табл. VII) и мифическое существо — человек-бык (юноша с бычьими ногами и небольшими рожками на голове) (табл. VIII). Вместе с тем завершающие фигуры отразили и явно античную тематику — изображаются кентавры, кентавриды, обнаженная стройная богиня с амфорой в руках. Эллинистические мотивы господствуют в оформлении фризов, *украшавших верхнюю часть ритонов. Здесь первое место* занимают фигуры двенадцати олимпийских божеств (табл. VIII). Их позы и одежды традиционны, но вместе с тем имеется и ряд отступлений от классических канонов. Лица богов и богинь кажутся застывшими, их фигуры статичны. Богини, следуя восточным вкусам, носят на предплечьях браслеты, а приземистая, полноватая фигура Афродиты имеет совсем мало общего со стройной красавицей, символизирующей обычно богиню «страсти нежной». На двух ритонах изображены музы с суровыми лицами, а на одном — Артемида в окружении нимф, охотящихся за ланями. Эллинские и восточные черты можно проследить и в

сюжетах фризов. То мы видим здесь сцены жертвоприношений, когда к стоящему у алтаря священнослужителю влекут жертвенных животных (табл. IX,), то изображаются ритуальные возлияния, в которых участвуют нагие менады с перекинутым через руку легким шарфом.

С находкой нисийских ритонов была открыта новая, ранее неизвестная школа искусства восточного эллинизма. Для нее характерны утяжеленные пропорции фигур, чрезмерная массивность голов, характерная для мастеров греческого происхождения. Некоторые исследователи предполагают, что эти ритоны были изготовлены в греко-бактрийском царстве. С не меньшими основаниями можно видеть в них и произведения парфянских художников, ориентирующихся на филэллинские увлечения ранних Аршакидов.

Третью группу предметов нисийской сокровищницы составляли памятники искусства, ценные не материалом, из которого они изготовлены, а именно как произведения выдающегося мастерства. Среди них первое место занимают мраморные статуи, подлинное украшение всего собрания. Найдены они большей частью разбитыми. При этом верхняя часть торса нередко оказывалась брошенной во дворе, а его нижняя половина валялась в соседнем помещении. Среди мраморных скульптур Нисы лучше всего сохранилась немного архаичная по костюму и исполнению статуя стоящей богини, задрапированной в ниспадающие одежды (табл. X). Полна изящества и женской прелести миловидная головка, очень напоминающая известную Афродиту Книдскую работы знаменитого Праксителя (табл. VI, *б*). Имелись и групповые статуи, от которых сохранились лишь незначительные фрагменты, в частности голова бородатого мужчины с лежащей на ней изящной женской рукой. Особенным совершенством отличается статуя обнаженной женщины с задумчивым строгим лицом и великолепно моделированным телом (табл. XI). Перед нами еще одно воспроизведение Афродиты, выполненное в отличие от Афродиты ритонов в классической манере мастеров Эллады. Имелись в этой группе вещей и менее эффектные предметы, как, например, терракотовые формочки для отливки рельефных изображений — виноградной грозди и маски актера — мима. В царской сокровищнице все должно было сиять пышностью и богатством.

Даже терракотовые фигурки женщин, находившиеся здесь, покрыты позолотой (табл. XII).

К четвертой группе вещей, хранившихся в квадратном доме Старой Нисы, принадлежат дорогие импортные предметы. Отметим среди них каменные египетские сосудики, нарядное стекло римского и сирийского происхождения и стройный сосуд, выточенный из горного хрусталя. Здесь, конечно, имелось и множество обычных предметов, особенно одежды и оружия. Но найдены лишь обрывки ковра или кошмы, расшитой золотыми нитями, и обломки пластинчатых железных панцирей, остатки кожаного щита, украшенного накладками, изображающими орлов, короткий двулезвийный меч, секира и серебряный клевец, тоже покрытый позолотой. Даже те немногие вещи, что дошли до нас, позволяют судить о поразительном великолепии комплекса в Нисе. Находки, сделанные в «бедной» Парфии, действительно были новой страницей в истории культуры и искусства Востока.

Как мы видели, в Нисе были обнаружены монументальные храмы, дворцовый комплекс, обширные кладовые и царская сокровищница. Однако вопрос о царских гробницах, привлекавших исследователей в Нисе, фактически остается открытым до сих пор. Высказывалось много различных суждений. Одно время парадный квадратный зал принимался за мавзолей Аршака I и его брата Тиридата. Интересной казалась массивная башня с обводными коридорами — не замурован ли в ее толще прах усопших Аршакидов? Однако проводившиеся исследования давали отрицательный ответ на эти рабочие гипотезы. Вскрытие квадратного зала было завершено, но ничто не говорило о использовании его в качестве погребального комплекса. *Проведенные зондажи показали, что тело башни представ*ляет собой сплошной сырцовый массив. Возникала даже мысль, не использованы ли для погребений копет-дагские пещеры, расположенные в ущельях прямо напротив царской крепости. Отсутствовали в окрестностях Нисы и сколько-нибудь значительные курганы, под которыми кочевники (сам Аршак был вождем кочевых племен — парнов) имели обыкновение погребать своих вождей.

Существует предположение, что квадратный дом, где были найдены столь великолепные памятники искусства, служил храмовой сокровищницей — хранилищем при могилах старших Аршакидов, куда, в частности, помещали

освященные дары, предназначавшиеся усопшим властителям. Правда, раскопанные руины больше производят впечатление обычной сокровищницы. Действительно, в одном из помещений сосредоточены изделия из слоновой кости, в другом — мраморные статуи, в третьем — золото, деньги. Однако даже если предположить, что перед нами сосредоточение заупокойных даров, это все равно не решает вопроса о местоположении самих царских могил. А между тем источник, сообщающий о их существовании в Нисе, заслуживает полного доверия. Это как бы краткий конспект официального географического обзора парфянской державы с указанием тщательно промеренных расстояний между отдельными населенными пунктами. Правда, необходимо иметь в виду, что собственно городом, т. е. парфянской Нисой, следует считать в первую очередь Новую Нису и прилегающие к ней пригороды. Старая Ниса — древний Михрдаткирт — является царской крепостью, обособленный характер которой не вызывает сомнений. Может быть, не здесь, а именно в пределах собственно Нисы следует искать могилы парфянских царей. Как бы то ни было, гробницы старших Аршакидов по-прежнему остаются археологической загадкой. И неизвестно пока — не таят ли они богатств, перед которыми померкнет все великолепие царской сокровищницы Нисы?

Ранний период истории Парфии, приходящийся на III—I века до н. э., был временем политических успехов молодой державы, а в области культуры — эпохой ярко выраженных эллинистических влияний. Материалы Нисы полно характеризуют оба эти процесса. Новая династия возводит на своей родине мощную крепость, ставшую царской резиденцией, городом храмов и дворцов. Найденные здесь памятники искусства достаточно полно рисуют и значительную роль эллинистических вкусов и традиций при дворе аршакидских правителей.

Но вскоре в истории Парфии наступает период военных неудач и внутренних междоусобиц. Римская держава, этот многоопытный политический борец, искусно раздувает склоки между членами правящей династии и выставляет угодных ей претендентов на аршакидский престол. Заговоры и дворцовые перевороты следуют один за другим. Одно время у власти оказывается даже римская рабыня, подаренная Августом одному из Аршакидов, не остановившаяся в своем стремлении к власти даже перед

браком с собственным сыном. «Цари царей» все более превращались в прямых римских ставленников.

Все это не могло не вызывать резкого протеста. Во главе недовольных становится представитель боковой линии правящей династии Артабан. Выросший среди кочевников, он и в борьбе своей опирался в первую очередь на кочевые племена. С приходом к власти нового царя, известного под именем Артабана III (12—38 годы н. э.), начинается новый период в истории Парфии, характеризующийся прежде всего заметной реакцией на все западное, непарфянское. При младших Аршакидах, как именуются историками потомки Артабана III, все более неразборчивыми становятся греческие надписи, традиционно помещаемые на монетах, а вскоре появляются и легенды на парфянском языке. Но особенно заметно это противодействие ориентальных идей в области культуры.

Обновленная держава продолжала с переменным успехом вести борьбу с римской экспансией на своих западных рубежах. Однако на первый план все более выдвигались те внутренние силы, которые постепенно привели к распаду некогда могущественной империи. Парфия в отличие от Рима никогда не имела мощного централизованного государственного аппарата. Слишком велико было влияние родовой аристократии, стоящей близко к престолу и активно участвующей в выдвижении нового кандидата на царский трон. Слишком значительна была роль местных владетелей и князьков, внешне признававших парфянский сюзеренитет, но практически остававшихся полунезависимыми. С ослаблением власти «царя царей» все эти силы поднимают голову, отдельные области и их властители стремятся к достижению полной самостоятельности. Этот процесс мы наблюдаем и в восточных областях парфянской державы. Возможно, о фактической независимости подумывал и наместник Парфиены, для которого Ниса, полузабытая обосновавшимися в Ктесифоне Аршакидами, была вполне достойной резиденцией.

Как свидетельствует археологический материал I—III веков н. э., новые поступления в царскую сокровищницу практически прекратились. Правда, сама сокровищница по-прежнему находилась под неусыпным контролем и наблюдением. На это указывают многочисленные оттиски печатей, налагавшихся после ревизии хранившихся богатств очередной полномочной комиссией. Они обнаруже-

ны на глиняных комьях, внутри которых отпечатались следы бечевки или шнура. На одном комке обычно бывает несколько оттисков различных печатей (от четырех до семи), что указывает на участие в проверке ряда лиц, могущих друг друга взаимно контролировать. На оттисках печатей (их дата в основном II век н. э.) имеются изображения различных зверей и фигуры различных божеств — победоносной Ники-Виктории, особенно любимой боинственными восточными владыками, Афины, Зевса и Афродиты-Нанайи. Примечательно, что имеющиеся на ряде печатей надписи дают нам чисто парфянские титулы и имена, и лишь на одной мы находим греческое имя — Арсиной.

Капитальному переустройству подвергся в I—II веках н. э. парадный зал Михрдаткирта. Старые одноствольные колонны, поддерживающие перекрытие, были заменены массивными четырехстолпными, а в галерее второго яруса размещены монументальные глиняные статуи. Последние сильно разрушены, и до нас дошли лишь обломки девяти мужских и женских фигур. Это были массивные статичные скульптуры, несколько превосходящие по своим размерам обычный человеческий рост. Женщины задрапированы в плотные одежды, за которыми почти не чувствуются линии тела. Мужчины одеты в столь характерные для парфян шаровары с многочисленными поперечными складками. Среди мужских персонажей, возможно, имелась и одна сидящая статуя, близкая по своей позе лучнику ранних аршакидских монет. Статуи были окрашены в различные цвета, а местами их глиняную поверхность покрывала и позолота. Она, видимо, применялась при изображении парадных доспехов. По сохранившимся обломкам трудно судить, кого именно воспроизводили монументальные статуи Нисы. Это могли быть и какие-либо божества, но скорее всего перед нами обожествленные предки правящей династии. Во всяком случае мы знаем, что в Армении, где правящая династия принадлежала к одной из боковых ветвей Аршакидов, в храмах стояли статуи царских предков.

Старая Ниса, славный Михрдаткирт, ненадолго пережила своих основателей. С падением Аршакидов приходит в запустение и их родовое гнездо. Нисийская сокровищница не была просто разграблена. Глиняные статуи, украшавшие галерею парадного зала, преднамеренно разбиты

Специально подвергались уничтожению головы, лица. Это позволяет предполагать, что здесь бесчинствовали заклятые враги свергнутой династии. Источники сообщают, что Арташир Сасанид, нанесший в 224 году н. э. сокрушительное поражение последнему Аршакиду, в числе прочих областей завоевал и Нису. Не со следами ли сасанидских отрядов столкнулись раскапывающие Нису археологи?

Во всяком случае царская крепость как пышный и монументальный комплекс перестала существовать. Михрдаткирт, некогда полный жизни и блеска, превратился в руины Старой Нисы. Но рука археолога заставила заговорить эти мертвые холмы. Нам еще многое предстоит услышать...

Примечание. Отчеты и хроникальные сообщения о раскопках Нисы опубликованы в «Трудах ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949; т. II, Ашхабад, 1951 (1953) и т. V, Ашхабад, 1955. Полная публикация ритонов дана в т. IV «Трудов ЮТАКЭ» (Альбом, М., 1956; текст, Ашхабад, 1959), а мраморных статуй — в статье М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой в «Ежегоднике Института истории искусств за 1956», М., 1957. См. также статьи М. Е. Массона в «Вестнике древней истории», 1953, № 1 и «Известиях АН Туркменской ССР», 1963, № 3. Парфянской архитектуре большой раздел посвящен в работе Г. А. Пугаченковой, *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, — «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, а письменным документам — книга М. М. Дьяконова и В. А. Лившица, *Документы из Нисы I в. до н. э.*, М., 1960. По истории Парфии см.: М. Е. Массон, *Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства*, — «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955 и М. М. Дьяконов, *Очерк истории древнего Ирана*, М., 1961.

ПОСТРОЕННЫЙ АНТИОХОМ

Изумленный плодородием равнины Антиох Сотер велел обвести ее стеной 1500 стадий в окружности и основал город Антиохию.

Страбон

Если б я в бога веровал
И верой горел, как свеча,
На развалинах древнего Мерва
Я бы сидел и молчал.

В. Луговской

Нет в Средней Азии более грандиозного памятника, чем величавые руины Старого Мерва. На огромной площади, превышающей 60 квадратных километров, тянутся здесь остатки крепостных стен и замков, мечетей и усыпальниц. Вот Гяур-кала, древнейший Мерв. Время превратило некогда грозные стены в оплывшие валы, но не смогло стереть с лица земли дело рук человеческих. Масштабы Гяур-калы поражают. Огромные стены-валы окружают почти правильный квадрат со стороной в два километра. Отмеченный холмиками башен вал уходит к горизонту, чтобы сделать там четкий поворот на 90 градусов. А внутри этих стен многометровые толщи культурных отложений! Со всех сторон теснят исследователя руины. Кажется, археологи затеряются в городе-гиганте, который им предстоит изучать.

Бок о бок с Гяур-калой другое городище, не уступающее ему по размерам, но моложе его. Здесь еще упрямо высятся вертикали крепостных стен и башен. Это Султан-кала — город, безжалостно раздавленный полчищами Чингис-хана. А далее теснятся все новые и новые руины, достигая современного городка Байрам-Али. На самой его окраине, как бы принимая эстафету времени, стоит третье крупное городище — Абдуллахан-кала, детище потомков Тамерлана.

Историческая роль и значение Мерва соответствуют тому впечатлению, которое оставляют руины этого города. Немало ярких и вдохновенных страниц посвятили ему средневековые историки и географы, большие и серьезные монографии написаны современными учеными. В этих сочинениях часто упоминаются имена арабских халифов,

сельджукских султанов и других властителей, уже не таких отдаленных от нашей эпохи. Но Мерв не только крупнейший центр Средней Азии, но и один из древнейших ее городов. Он присутствовал при зарождении городской цивилизации этой страны и сам испытал все взлеты и падения развития городской культуры. Уже в средние века древность этого «города, на который опирается мир», стала легендарной.

Масуди, автор написанной в X веке книги с причудливым названием «Промывальни золота», сообщает, что цитадель Мерва построил Тахамурт, а сам город — Зу-л-Карнейн. Первый из них — это мифический царь, герой легендарных преданий. Под вторым именем подразумевается вполне реальная историческая личность — Александр Македонский, получивший на Востоке прозвище Зу-л-Карнейн — Двурогий. Эта традиция, гласящая о неодновременной постройке различных частей города, упорно держится в средневековой литературе. Хафиз-и-Абру, географ XV века, пишет в своем сочинении: «Мерв из старинных городов Хорасана. ...Цитадель в нем возвел Тахамурт, а рабад города на пространстве фарсах на фарсах построил Искандер Руми». Сохранилось даже древнее предание, повествующее о строительной деятельности первооснователя города. «И говорят, что Тахамурт, когда строил цитадель Мерва, строил ее с тысячей человек. Он устроил для них рынок, в котором была пища и питье. Вечером он давал каждому человеку диргем, и тот покупал все, что ему было нужно; та тысяча диргемов возвращалась к нему (Тахамурту), и у него ушла на постройку только тысяча диргемов», — наивно повествует средневековый автор.

Но во всех этих легендах и преданиях, бесспорно, присутствует истина: первой столицей Маргианы было Яздепе, с судьбой которого мы уже познакомились. Но и городское поселение на месте Мерва действительно сложилось задолго до того, как в этих краях появились армии чужеземца Искандера, а селевкидский царевич Антиох распорядился построить здесь город. Археологи не обнаружили пока базара хитроумного Тахамурта, но расположение древнейшего Мерва установлено ими достаточно твердо и определенно. Гигантские руины этого города как бы напоминают игрушечную матрешку, самоповторяющуюся в процессе ее, так сказать, познания.

Гяур-кала, уже упоминавшееся выше огромное городище, имело в своей северной части цитадель, именуемую Эрк-калой. Могущественный акрополь был вполне достоин этого столичного города. Стены цитадели и поныне достигают тридцатичетырехметровой высоты, а ширина их местами просто поразительна — сорок метров. Но оказалось, что сама цитадель не более как матрешка, скрытая внутри более крупного комплекса.

Уже сама по себе территория Эрк-калы достаточно велика — 12 гектаров. Раскопки показали, что на всей этой площади встречаются культурные слои VI—IV веков до н. э., т. е. времени владычества в Средней Азии ахеменидских царей. В ту эпоху здесь существовало достаточно крупное поселение. Вместе с тем стало ясно, что внутри большой цитадели находится еще одна — более миниатюрная, но и более древняя. В центре крепостного обвода эрк-калинских стен высится большой холм с крутыми склонами. На нем прослеживаются слои разных эпох, но самые древние опять-таки оказываются современниками Дария и Александра. Мощная платформа высотой 15 метров служит основанием этого оплывшего холма. На нем, как и на платформе яз-депинской цитадели, расположены остатки какого-то монументального здания, скорее всего резиденции наместника. Площадь платформы не менее одного гектара, а высота почти вдвое превышает высоту цитадели древнемаргианской столицы. Этот холм и есть акрополь древнейшего Мерва, а сама Эрк-кала является остатками города, выросшего у его подножия. Уже в ахеменидское время этот город был окружен стенами. Позднее быстрый расцвет города привел к тому, что его размеры — размеры крупнейшего города Маргианы — увеличились в несколько раз. Уже не жалкие 12 гектаров, а территорию почти в 4 квадратных километра занимает городище Гяур-кала. Тогда стены старого города были дополнительно укреплены и он сам стал цитаделью новорожденного гиганта. Вчера город — сегодня цитадель — таковы темпы развития древних городов Средней Азии.

Но и Мерв середины I тысячелетия до н. э. был для своего времени достаточно крупным центром. Эрк-калинский город помимо основного ядра имел весьма обширные пригороды: слои этого времени встречаются в разных местах и на территории Гяур-калы. Скорее всего уже

тогда Мерв стал центром всей Маргианы и былая резиденция яз-депинского князька склонилась перед новой столицей.

Древний Мерв — свидетель многих трагических событий. Вместе с большинством областей Средней Азии он во второй половине VI века до н. э. вошел в состав ахеменидской державы. Однако маргианцы, естественно, не были в восторге от поборов и притеснений чужеземных владык, тем более что эксплуатация нередко принимала крайние формы. Вот как описывает Геродот положение местных жителей, в стране которых наместники Ахеменидов прибрали к рукам оросительные системы: «Зимою божество ниспосылает им дождь, а летом, во время посевов проса и кунжута, они терпят нужду в воде. Поэтому, когда у них нет воды, они с женами своими отправляются в Персию, становятся у дверей царского дворца и рыдают с воплем; царь, видя крайнюю нужду просящих, велит открыть шлюзы, ведущие в их равнину... Я знаю по рассказам, что царь сверх обычной подати взимает большие деньги за открытие шлюзов. Вот каковы эти дела». При таких порядках не удивительно, что народы Средней Азии делали все, чтобы сокрушить трон «царя царей». Так, в 522 году до н. э. Маргиана, как и многие другие области, поднялась против власти иноземцев. В надписи, составленной от имени самого Дария Ахеменида, об этом событии повествуется с надменной лаконичностью. «Говорит Дарий-царь. Страна, называемая Маргианой, отложилась от меня. Один человек, по имени Фрада, маргианец, был провозглашен ими правителем. Тогда я послал к персу Дадаршишу, моему подданному сатрапу в Бактрии, и так ему сказал: „Иди и разбей войско, которое не признает меня“. Дадаршиш с войском двинулся и дал бой маргианцам. Ахурамазда мне помощь принес. Волей Ахурамазды мое войско то враждебное войско сильно разбило. Прошло 23 дня месяца атриядия (10 декабря 522 года до н. э. — *В. М.*), когда сражение произошло. Говорит Дарий-царь. После этого страна моей стала».

Некоторые дополнительные сведения можно извлечь из вавилонской версии этой же надписи (честолюбивый Дарий прославлял свои подвиги на трех языках). Там сообщается, что было убито 55 243 мятежных маргианца и пленено 6572. В этих цифрах, особенно в числе убитых, скорее всего мы имеем дело с обычным преувеличением

победных воинских реляций. Вероятно, находчивый Дадаршиш увеличил это число по крайней мере в 10 раз, посылая отчет своему владыке. Но нет оснований сомневаться в том, что восстание было подавлено с чисто азиатской жестокостью. Из числа известных археологам оазисов ахеменидской Маргианы один как раз в это время приходит в совершенное запустение. Следы упадка видны и в самом Мерве, который, возможно, был резиденцией несостоявшегося маргианского царька *. Здесь слои ахеменидского времени в ряде мест прерываются глинистыми наслоениями, показывающими, что потоки дождей заливали опустевшие дома.

Таковы археологические свидетельства этой трагической страницы в истории маргианских поселений.

Однако с течением времени ахеменидская держава ослабевала, в некогда могущественном государстве появились заметные трещины. Вовлеченная своими правителями в затяжную борьбу со свободолюбивыми городами Эллады, империя все меньше обращала внимание на свои восточные сатрапии. К IV веку до н. э. эти области практически пребывали в полусвободном состоянии вассалитета, а некоторые обрели и полную независимость. Развитие ремесел и торговли, зарождение денежного обращения способствовали расцвету жизни в городах. Мерв уже перешагнул рамки Эрк-калы, и к югу от нее располагались многочисленные дома и усадьбы.

Таким был этот город, когда в Средней Азии появились греко-македонские фаланги. Как мы видели, средневековые авторы упорно приписывают Александру Македонскому строительство значительной части Мерва. Действительно, Квинт Курций сообщает, что Александр побывал в «городе Маргиана» и даже основал в этой области шесть крепостей. У римского энциклопедиста Плиния также имеется упоминание о наличии в Маргиане города Александрии. Однако в сочинении Арриана, наиболее надежного автора, повествующего о деяниях Александра, сведений об этом нет. Современные историки допускают, что сам Александр или кто-либо из его полководцев совершили поход в Маргиану. При этом в местных

---

* В заключительной части надписи Дарий еще раз возвращается к ненавистному маргианцу: «Один — Фрада, маргианец. Он лгал, говоря так: „Я — царь Маргианы“. Он взбунтовал Маргиану».

городах, укрепления которых могли быть частично реконструированы, вероятно, разместились македонские гарнизоны. Однако ни следы подобных фортификационных изменений, ни казармы воинов Александра пока не обнаружены археологами. Убеждение же географов средневековья в том, что Мерв построил именно Искандер Руми — Александр из «Восточно-Римской империи (Византии)», скорее всего основано на другом реальном историческом событии.

Оно также связано с именем греческого властителя, но им был не Александр, а Антиох, сын Селевка, одного из его полководцев. Первые селевкидские правители и особенно Антиох уделяли значительное внимание подъему хозяйства и восстановлению городской жизни на востоке своей империи, где последствия походов великого македонца были особенно опустошительными. Их градоустроительская деятельность затронула и маргианскую сатрапию. Как сообщает Страбон, Антиох, бывший с 292 г. до н. э. соправителем отца на Востоке, велел обвести земли цветущего оазиса стеной протяженностью 236 километров. Здесь он также основал город, названный в его честь Антиохией. Под именем Антиохии Маргианской (в отличие от других городов, носящих это популярное в селевкидской династии имя) Мерв был известен в течение многих столетий.

Археологам удалось обнаружить следы строительства, развернувшегося по указанию сына Селевка. Остатки обводной стены, ныне представляющей собой пологий вал, тянутся вдоль северной границы маргианских оазисов. За ее пределами оставались более древние поселения, в том числе и теперь уже полностью заброшенная древнемаргианская столица Яз-депе. Стена эта лишена башен. Видимо, она представляла собой оборонительное сооружение, направленное против извечных врагов оседлых оазисов — кочевников, а иногда, может быть, и против песков Каракумской пустыни.

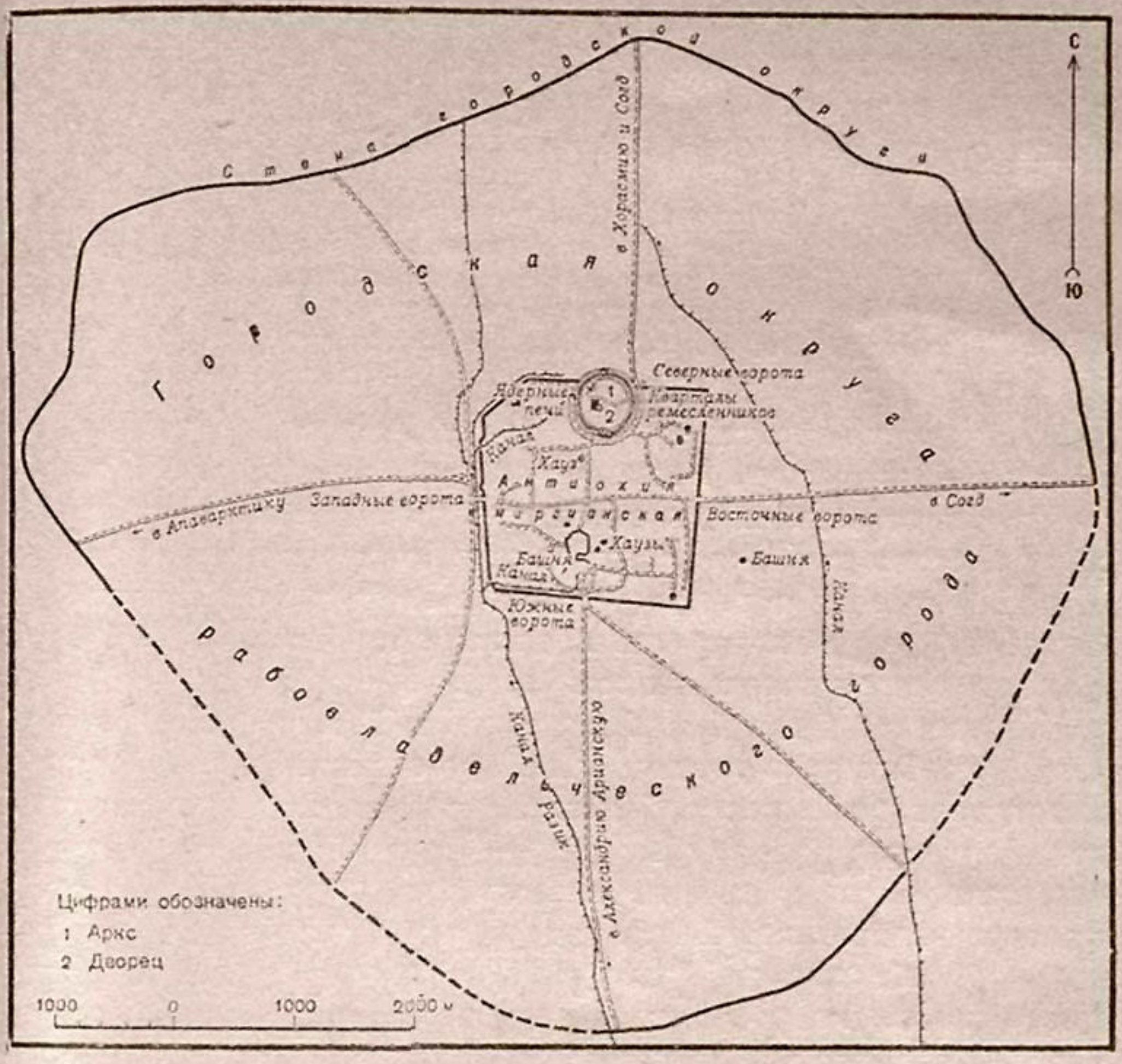
В самом же Мерве именно в это время был впервые возведен крепостной обвод Гяур-калы. Характерна планировка этого огромного квадрата, имеющего в стороне около двух километров. От четырех городских ворот шли улицы, пересекающиеся в центре под прямым углом. Ритмичная организованность отличала этот новый Мерв от старого ахеменидского города — Эрк-калы. Последняя от-

ныне превращается в цитадель — акрополь новой столицы. Стены города были построены из сырцового кирпича на глинобитном основании и достигали толщины 6,5 метра. Позднее к этой селевкидской стене примыкали одна за другой более поздние пристройки, пока не образовался тот огромный вал, который сейчас окружает это древнее городище.

Не следует думать, что Антиохия Маргианская возникла по мановению руки селевкидского царевича. Ко времени Селевкидов старый городок настолько разросся, что Антиох окружил стеной уже в значительной мере обжитое пространство. Городская жизнь Маргианы продолжала неуклонно развиваться и после смерти этого деятельного представителя Селевкидов. Временами это развитие протекало в довольно сложной политической обстановке.

С середины III века до н. э. наступила эпоха политической независимости среднеазиатских областей. На месте восточных сатрапий селевкидской державы возникают два новых самостоятельных государства — Парфия и Греко-Бактрия. Первоначально Маргиана, видимо, входила в состав царства, основанного Диодотом. Несколько греко-бактрийских монет, найденных в различных местах Гяур-калы, свидетельствуют об этом кратком периоде в истории Мерва. Вскоре вся область переходит под власть Аршакидов, которые расширяют восточные пределы своей державы, воспользовавшись ослаблением Греко-Бактрии. Возможно, что уже Митридат I (171—138 годы до н. э.) присоединил к своим владениям богатые оазисы Мургабской долины. Во всяком случае это присоединение было закреплено при Митридате II (124—87 годы до н. э.), когда даже были выпущены монеты с упоминанием названия этой области. Письменные источники почти не сохранили нам сведений о парфянском Мерве. В официальном обзоре парфянской империи, том самом, где упомянуты царские гробницы Нисы, Мерв назван Антиохией «у воды». Скорее всего имелось в виду наличие в этом районе развитой оросительной системы, сердцем которой была большая плотина через Мургаб. Недаром географ X в. Макдиси говорил про мервскую область: «Если описать полностью все каналы и водоемы, то книга станет длинной и наводящей скуку».

Имя далекой Маргианы получило в античном мире неожиданную известность благодаря блистательной победе



Гяур-кала. План городища и округи

парфянской кавалерии над легионами Красса. Уже в этой битве, происшедшей в 53 году до н. э. близ небольшого месопотамского городка Карры, на парфянских всадниках ослепительно сверкали шлемы и латы из железа маргианского происхождения. А затем 10 тысяч римлян, захваченных в плен парфянской армией, были отправлены на поселение в далекую Маргиану. Плиний сообщает, что при этом имелось в виду использовать этих опытных солдат для охраны восточных пределов парфянской державы. Вероятно, не меньшее значение придавалось и отдаленности Маргианы от театра возможных военных действий в случае нового римского наступления. Так или иначе, этим сосланным римлянам пришлось довольно долго жить на окраине негостеприимной Каракумской пустыни, обза-

вестись там семьями и, возможно, даже вести какую-то хозяйственную деятельность. По крайней мере их участие в военных организациях не вызывает сомнений. Римский поэт Гораций восклицал в одной из своих од:

Ведь Красса воины на варварках женились
И с ними жили же во вражьих странах.
И (боги, до чего безумцы развратились!)
Зятьями стали при чужих знаменах.
Царя мидийского склоняясь к порогу *.

Разумеется, придворному поэту Августа, писавшему стихи в благодатном Риме, легко было негодовать. Значительно тяжелее приходилось плененным при Каррах легионерам. Лишь в 20-м году до н. э. они смогли вернуться домой. Иные из тех, кто остался в живых после трех десятилетий, отказались от возвращения на полузабытую родину, осев у новых очагов.

Заманчиво было бы обнаружить в Мерве и его округе следы пребывания римлян. На Гяур-кале найдена терракотовая головка, в которой исследователи склонны усматривать скульптурный тип Юноны—Геры или просто римской матроны. Однако трудно сказать, кто был этот далекий мастер, изготовивший статуэтку; тем более трудно представить себе, каковы были при этом его мысли и ассоциации. Однако утерянный след неожиданно объявился в совершенно противоположной стороне.

Мы помним, как тщательно вели нисийские чиновники учет вина, поступавшего на вверенные им склады. И вот среди документов-остраконов был обнаружен один, согласно которому вино сдается от имени двух лиц. Оба носят чисто парфянские имена и совершенно необычный для парфянского языка титул *тагмадар*. Между тем слово «тагма» — это хорошо известный эллинистический военный термин. Первоначально им обозначался отряд, а в римское время — именно легион. Естественно возникла мысль — а не являются ли эти два человека управителями римских поселений, основанных в Маргиане и сохранивших внешне военную организацию. В числе подсобных хозяйств этих поселений вполне могли быть и виноградники, сразу же обложенные налогом. Отмечал же Страбон,

---

* Перевод А. Фета. В античной литературе парфян нередко называют мидянами, поскольку Парфия на Востоке как бы заняла место бывшей мидийской державы.

что маргианский виноград особенно славен и что здесь будто бы встречаются лозы, которые у основания могут обхватить лишь двое людей, а отдельные грозди достигают в длину двух локтей, т. е. почти метра. К сожалению, в нашем остраконе не указана область, в которой управляют эти два тагмадара. Но во всяком случае из других документов мы знаем, что мервские виноградники поставляли свою продукцию в винные склады Нисы.

Однако поселения пленных легионеров были лишь ярким эпизодом в истории окраинных земель аршакидской державы и они едва ли оказали сколько-нибудь существенное влияние на городскую жизнь. Вместе с тем археологический материал совершенно ясно свидетельствует, что именно парфянский период стал временем наивысшего расцвета древнего Мерва.

При Аршакидах особое внимание было обращено на укрепление обороноспособности города. Это и не удивительно. Огромный городской центр, замыкающий на северо-востоке парфянские владения, был важнейшим опорным пунктом в системе их обороны. А в такой обороне имелась самая настоятельная необходимость. Среднеазиатские кочевники, под напором которых рухнуло греко-бактрийское царство, достигли и Парфии. Спешно бросив все свои дела на месопотамской границе, Аршакиды кинулись на оборону своих исконных владений. Два парфянских царя один за другим пали в ожесточенных боях. Лишь при Митридате II удалось на время укротить разбушевавшихся кочевников. Но опасность отнюдь не миновала. Она неизменно таилась там, за первой кромкой кара-кумских песков, откуда в любую минуту с гиканьем и свистом могли появиться вооруженные всадники.

И Мерв одевается в тройное оборонительное кольцо. В это время, видимо, еще существовала и поддерживалась длинная обводная стена, возведенная при Антиохе. Но эта узенькая глиняная полоска, шедшая по краю пустыни, была, конечно, плохой защитой. Вокруг мервской округи, которая к тому времени перехлестнула границы гяур-калинской крепости, строится еще одна, вторая стена. Первоначальная ее ширина, вероятно, составляла 6—7 метров, но и до сих пор вал достигает двадцатиметровой ширины. Вероятно, в древности она была укреплена еще и башнями. Между прочим, уже сама величина городской округи, оборонять которую считалось необходимым в первую

очередь, ясно указывает на рост Антиохии Маргианской. Территорию, площадью почти в 60 квадратных километров, охватывает эта вторая линия укреплений.

Третью линию образовывали стены собственно города, мощный квадрат которого возник еще в пору селевкидского владычества. Теперь городские стены укрепились благодаря нескольким последовательным пристройкам. Под их панцирем оказалась погребенной древняя селевкидская стена. Прямоугольные башни фланкировали крепостной обвод Гяур-калы.

Наконец, последним оплотом обороняющихся должна была служить цитадель — Эрк-кала. Эта древняя столица оазиса теперь как бы затерялась в гигантском новом городе. Высота стен цитадели в среднем достигала 26 метров, а над ними еще возвышались крепостные башни, не выступавшие, правда, за линию стены. Этот акрополь имел одни-единственные ворота, к которым вел крутой откос-пандус. При этом линия въезда проходила таким образом, что поднимающийся здесь воин был обращен к стене цитадели незащищенным правым боком (Правой рукой он сжимал копье или меч, а щит обычно висел на левой). Этот прием военных инженеров древности был успешно применен в мервском акрополе. Его стены достигали такой толщины, что по сути дела уже являлись не стенами, а платформой. В частности, на массивной стене-платформе в южной части Эрк-калы в парфянское время, как на фундаменте, было возведено монументальное строение.

В ходе изучения системы обороны Антиохии Маргианской было сделано еще одно интересное наблюдение, показывающее, каких успехов достигло военное искусство вооруженных сил Парфии. Римские авторы отрицали наличие у парфян каких-либо осадных машин. Естественно, что для Рима, создателя превосходно налаженного армейского механизма, их восточные соперники оставались в первую очередь вездесущими конниками. Их яростными атаками римляне были склонны объяснять все свои неудачи и поражения. Однако оказалось, что парфянский Мерв буквально усыпан целыми и битыми ядрами, изготовлявшимися преимущественно из обожженной глины. В цитадели имелись специальные мастерские по их изготовлению. Вес ядер диаметром 10—14 сантиметров не превышает 3—3,5 килограмма, а ядра диаметром 20—21 сантиметр достигают уже десятикилограммового веса.

Стало совершенно ясно, что парфяне были хорошо знакомы с камнеметными машинами, вероятно навесного действия. Если они и не всегда сопровождали армию в походе, чтобы не сковывать ее оперативности, то с успехом применялись для обороны городов.

Между тем значение города, расположенного на северо-востоке парфянских владений, все возрастало. Как мы уже видели, рассматривая историю Нисы, при младших Аршакидах начинается постепенное обособление отдельных провинций парфянской державы. Это явление отмечено и в истории Маргианы. Убедиться в этом нам помогло разрешение одной нумизматической загадки, почти столетие волновавшей исследователей древних монет.

Поскольку ранняя история Средней Азии слабо освещена письменными источниками, ученые уже как-то привыкли, что многие правители Согда, Бактрии, да и ряда более южных областей известны только по выпущенным ими монетам. Иначе дело обстояло с Парфией. Римские политики постоянно старались быть в курсе ее внутренних дел. Эта осведомленность отразилась и в сочинениях историков вечного города, которые неоднократно упоминают различных парфянских царей. Но вот нумизматам стала известна новая группа монет. По своему облику и весу они были типично парфянскими и могли быть отнесены к последней трети I века н. э. Лицо, выпустившее эти серебряные и бронзовые монеты, именовало себя «царь царей, великий Санабар». Даже титул «царь царей» весьма характерен для правящих Аршакидов! Однако в это время истинными «царями царей» были Аршакид Вологез I, а после него Пакор II и Вологез II, занимавшие ктесифонский трон. О них сообщают письменные источники. Во множестве известны и монеты, выпущенные этими представителями династии Аршакидов. Кто же в таком случае Санабар?

Историки и нумизматы постарались сразу же приспособить новоявленного царя. Самыми крайними областями на востоке, которых достигало парфянское влияние, были юг Афганистана и северо-запад Индии. Здесь в I веке н. э. образовалось даже независимое владение, получившее у исследователей наименование индо-парфянского царства. Его правители имели типично парфянские имена, характерные аршакидские титулы и даже царские одежды сшиты были по парфянской моде. Но на оборот-

ной стороне своих монет они помещали также индийские надписи, ориентируясь на основную массу своих подданных. Исследователи единогласно решили, что Санабар был последним из числа этих парфянских династов, держава которых пала под давлением набиравшего силы кушанского государства. Однако ни на одной монете Санабара не было и следов индийских надписей. Наоборот, здесь встречались наряду с традиционными греческими текстами и надписи на парфянском языке, очень близкие документам из нисийского архива. Ничего подобного не наблюдалось ни у одного другого правителя Индо-Парфии.

За сто лет, прошедших со времени открытия первых монет Санабара, было обнаружено еще несколько монет с его именем, но это почти ничего не объяснило в истории загадочного правителя. Ответ неожиданно принесли широко развернувшиеся археологические исследования в Маргиане. Здесь повсюду, и в руинах самой величавой столицы, и на развалинах окрестных поселков и крепостей, парфянские монеты встречались в изобилии. В большинстве своем это были бронзовые кружки, выпущенные на монетном дворе Антиохии Маргианской, в знак чего многие из них имели на оборотной стороне букву «А». Оказалось, что на огромном количестве этих маргианских монет есть портрет Санабара. Только теперь стало понятным происхождение тех редких монет, собранных в музеях, над которыми колдовали нумизматы и исследователи древней истории. Маргиана входила в состав владений загадочного Санабара, а быть может, и была его главным уделом — в этом не оставалось никаких сомнений. Ведь и на ранее опубликованных монетах этого правителя как метка монетного двора стояла также буква «А»!

Таким образом, в последней трети I века н. э. в условиях нарастающей децентрализации аршакидской державы на северо-востоке парфянских владений утвердился независимый государь. Он смело носил тот же титул, что и ктесифонские властелины. Возможно, Санабар был действительно последним правителем индо-парфянской династии, вытесненным кушанской династией из своего фамильного домена. Одна из монет Санабара, чеканенная по индо-парфянскому образцу, допускает и такое предположение. Но в основном он правил страной, очаровавшей своим плодородием сына Селевка. Здесь, на крайнем востоке парфянских земель, двор Санабара олицетворял то

Монеты Санабара

антизападное направление, которое нарастало в государстве младших Аршакидов. Это сказалось уже в самом облике еще одного «царя царей». Обычно он носит парадный шлем того типа, который утвердился начиная с Митридата II. На другой монете, где Санабар изображен без этого грозного убора, его прическу украшает овальная букля, совершенно нехарактерная для эллинизированных причесок ранних Аршакидов. Эта мода, утвержденная Санабаром, затем получает широкое распространение у ктесифонских Аршакидов и даже у сменивших эту династию Сасанидов. При Санабаре был сделан и другой значительный шаг в создании и утверждении местных традиций. Он еще сохраняет на своих монетах греческие надписи, но рядом с ними уже появляются и парфянские тексты. В этом отношении маргианский властелин опять-таки предвосхищает грядущие реформы центрального правительства.

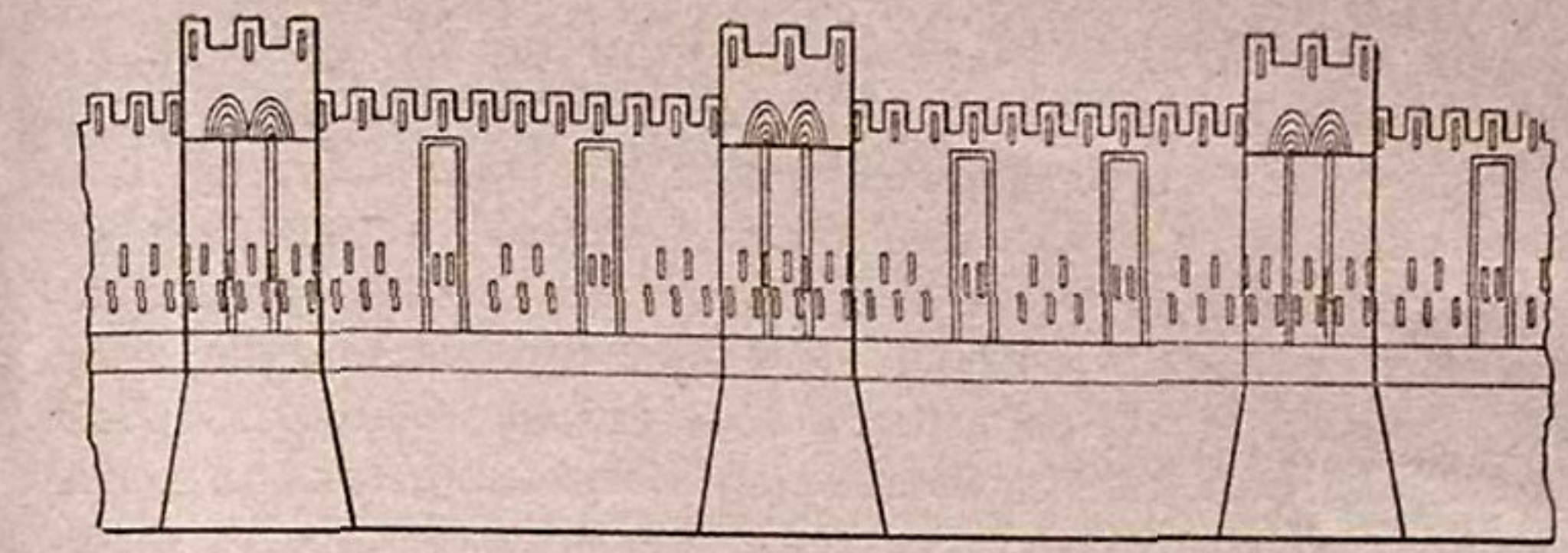
Трудно сказать, удержались ли в Маргиане наследники Санабара, если таковые имелись у «великого царя царей». Во всяком случае монеты этих наследников пока неизвестны, а, наоборот, попадаются бронзовые монеты маргианского чекана, подражавшие эмиссии самого Санабара. Однако даже если наместник Маргианы и считал возможным признавать сюзеренитет Ктесифона, практически это имело мало значения в условиях разброда и развала, характерных для поздней Парфии. Фактически на северо-востоке Парфии сложилось независимое вице-королевство и Мерв был его достойной столицей.

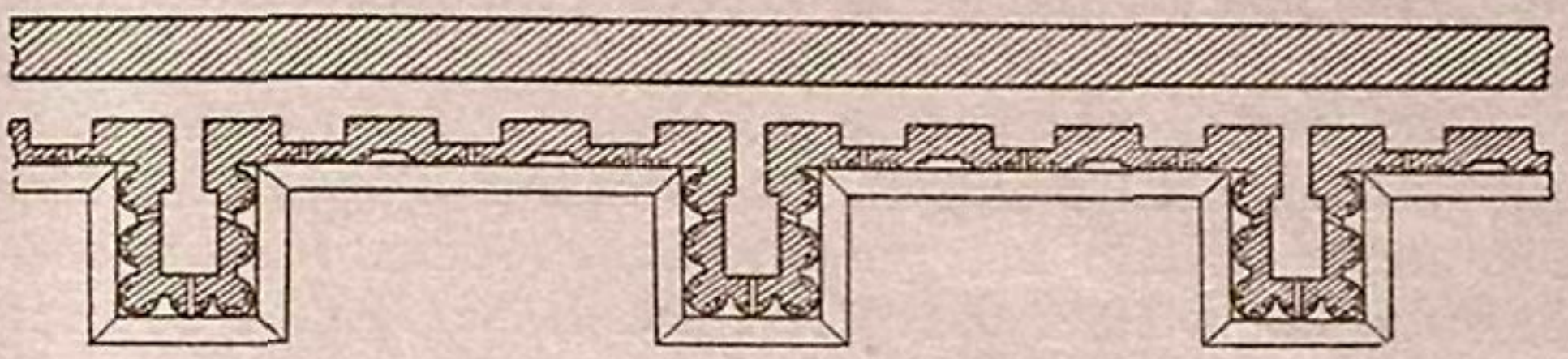
И маргианские правители, в том числе, надо полагать, и сам Санабар, проявляли немало забот об обороне своих владений. Мы уже видели, как тщательно еще раньше была создана многокольцевая система обороны столичного города. Однако и округа Антиохии Маргианской требовала не меньше внимания и забот.

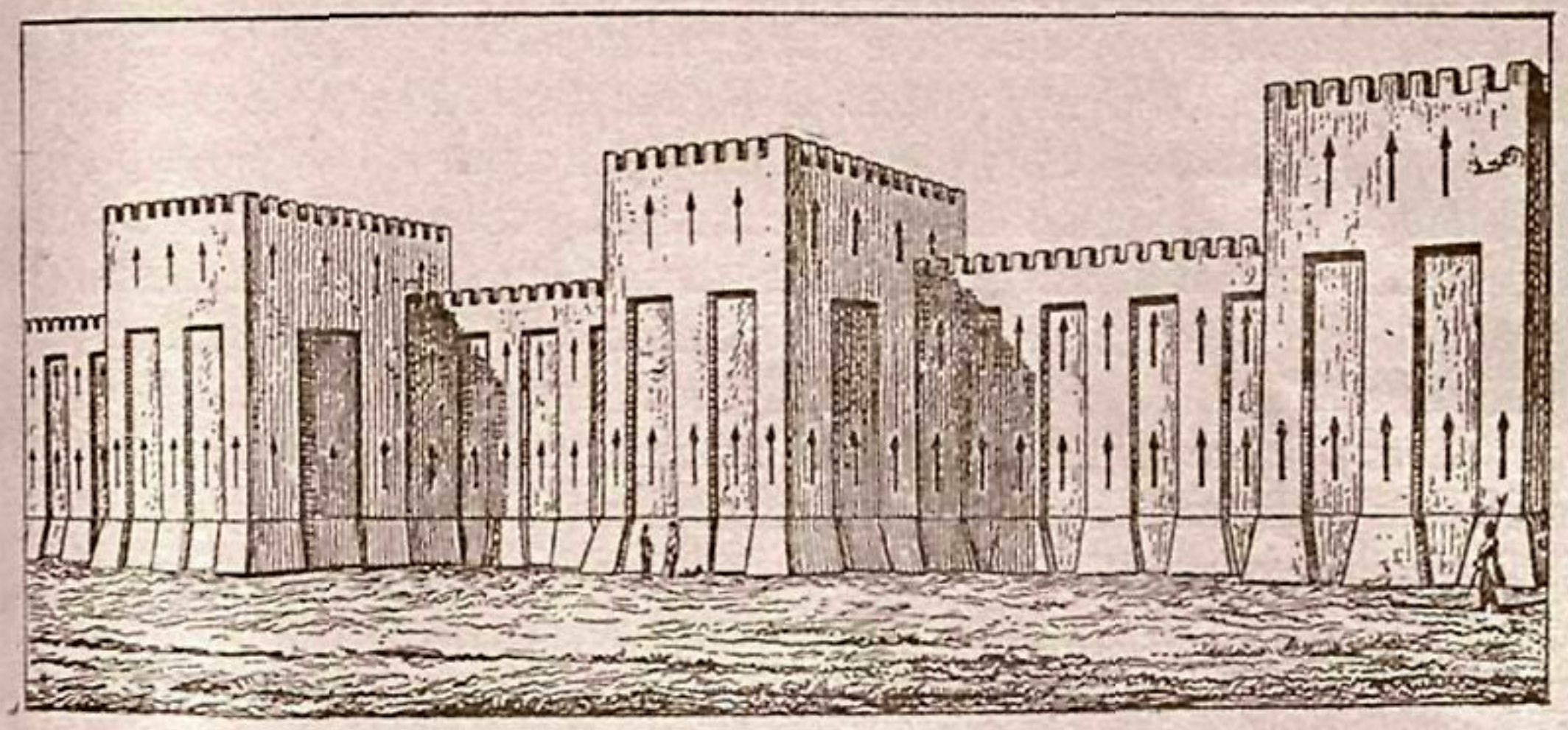
В этом районе располагались многочисленные города, поселения и крепости. В географии Птолемея помимо са-

мой Антиохии в Маргиане названы по именам восемь городов. Археологам еще предстоит проделать большую работу, отождествляя эти названия и исследуемые ими руины. В числе последних примечательны развалины довольно крупного поселка, носящего устрашающее название — Джин-тепе. По преданиям суеверных пастухов, это место подвластно злым духам — джинам и по ночам здесь бродит призрак белого верблюда. Археологи провели в этом месте несколько полевых сезонов, но видели, и то почти всегда днем, лишь вполне реальных верблюдов, чья рыжеватая шерсть была порядком потерта на боках и коленях. Зато руины самого парфянского поселения оказались крайне интересными. Повсюду видны остатки огромных, круглых в плане печей, предназначавшихся для обжига глиняной посуды. Это было специализированное поселение мастеров-керамистов. Их продукция широко шла на внешний рынок, вероятно, главным образом в кочевую степь. Обширный поселок (его развалины тянутся в длину почти на 2 километра) образовывали дома-хозяйства, которые состояли из жилых комнат, производственных помещений и домашней часовни. По соседству находились печи для обжига посуды. Иногда производилась внутренняя перепланировка, пробивались новые двери, возводились дополнительные перегородки. В таких случаях можно наблюдать, как предприимчивый хозяин захватывал дом своего соседа, а затем и его горны. Вероятно, укрупнение собственности происходило путем скупки домов богатыми ремесленниками.

Обветшавшая стена Антиоха уже перестала быть надежной защитой для жителей Маргианы. Во всяком случае как за ее пределами, так и внутри оазиса появляется целый ряд мощных укрепленных пунктов, рассчитанных на длительную оборону. Таковы были прежде всего специально построенные крепости, известные сейчас лишь по именам их развалин: Дурнали, Чильбурдж и Чичанлык-депе. Вскоре после постройки под прикрытием крепостных стен вырастало крупное поселение, и вполне вероятно, что эти крепости соответствуют каким-то из городов, упомянутых в птолемеевском реестре. Но при возведении самих крепостей имелось в виду в первую очередь именно их значение как надежных пунктов обороны. Фортификация этих крепостей обладает рядом своеобразных особенностей. Стены их не очень толсты и сильно вытянуты в высоту.







Маргиана. Парфянские крепости (реконструкция)

Они вряд ли могли хорошо защищать от стенобитных машин. Вместе с тем они фланкированы многочисленными прямоугольными башнями. Особенно массивными были угловые башни, бастионы с многоярусными стрелковыми галереями. Сплошные ряды бойниц встречали приближавшегося к крепости врага. Скорее всего подобная фортификация соответствовала характеру возможного противника. Здесь готовились отражать не долговременную осаду регулярной армии, а короткие стремительные набеги ка-

валерии кочевников. Недаром внутри крепостей сохраняются значительные незастроенные участки. Может быть, здесь должны были располагаться несущие службу конные отряды, всегда готовые для ответного удара.

Но главным центром этой густонаселенной округи по-прежнему оставался сам Мерв. Пока еще не вполне ясно, в какой части этого огромного города располагалась резиденция маргианского наместника. Возможно, таких резиденций было несколько, существовали, наверное, и загородные дворцы. Правда, на южной стене эрк-калинской цитадели известно монументальное строение, в послепарфянский период полностью заложенное кирпичом. Остатки многоцветной росписи, встречающейся в завале и, видимо, украшавшей в древности потолки и карнизы, дорогое римское стекло и другие находки свидетельствуют о парадном назначении этого здания. Возведенное на стене-платформе высотой 26 метров, это строение возвышалось над прочими сооружениями, доминируя в силуэте города. Вполне возможно, что оно представляло собой дворец-замок, укрытый в акрополе. В раскопанной его части выделяется большой квадратный зал, окруженный по крайней мере с трех сторон обводными коридорами. Подобная планировка напоминает храмы огня. Вполне естественно, что в этом большом здании имелось и свое собственное святилище. Однако это труднодоступное и несколько суровое строение едва ли было парадным дворцом. Подобный дворец скорее всего располагался не в цитадели, а в собственно городе, подобно тому как это было в бактрийском Бегграме и в гандхарской Таксиле. Тронный зал «царя царей» Санабара еще скрыт где-то среди порыжелых холмов Гяур-калы.

Но Антиохия Маргианская являлась не только резиденцией царьков и правителей, все менее признававших власть ктесифонских Аршакидов. Это был крупнейший торговый и ремесленный центр своего времени. Через Мерв шла важная международная торговая магистраль, связывавшая Китай со странами Римской империи. Китайские хроники жалуются, что парфяне, желая сохранить монопольное право торговли шелковыми тканями Поднебесной империи, не пропускали через свои владения римских купцов. Правда, вскоре развитие морской торговли по Красному морю направило часть китайских товаров на юг, в бактрийские города и в порты Северной Индии. Но старый

сухопутный путь в известной мере сохранял свое значение.

Велико было значение Мерва и во внутримаргианской торговле. Каждый день на мервские базары со всех сторон спешили крестьяне и ремесленники, тянулись караваны, нагруженные продуктами. Все стремились использовать прохладу раннего утра и успеть закончить большинство дел до наступления жары. Надо было выкроить время, чтобы сдать зерно городским мукомолам, выставить на базаре привезенные арбузы и знаменитые мервские дыни, которые в средние века в специальных свинцовых сосудах отправлялись в далекий Ирак на радость багдадским халифам. Не давали забывать о себе и безжалостные сборщики податей, которые, ссылаясь на свои хитроумные записи, утверждают, что вино даже за прошлый год все еще не сдано полностью. Если благодаря Ахурамазде быстро нашлись покупатели привезенным продуктам, то следовало поспешить в шумные кварталы ремесленников, где крохотные лавчонки-мастеоские располагались рядом с комнатами, в которых жила семья мастера. Здесь можно было обменять полученные на базаре мелкие медные монеты с изображением государя, само имя которого следовало произносить с почтением и трепетом, на вещи, необходимые в хозяйстве. Пожалуй, не стоило тратиться на глиняные кувшины и чаши. Мастера соседнего селения делали их, правда, погрубее, но зато и запрашивали умеренную цену. Но вот новые садовые ножи нужно было приобрести обязательно, трудно было пройти и мимо свертков ярко-алого шелка, который почему-то так любят жена и дочь.

Результаты многолетних археологических работ в Мерве не оставляют сомнений в широком развитии разнообразной торговли. Почти нет такого селения или крепости, не говоря уж о самой Гяур-кале, где не были бы найдены бронзовые монеты, выпущенные на монетном дворе столицы Санабара. В разных местах в кладке стен замка-дворца Эрк-калы обнаружены косточки фруктов и овощей, которыми, видимо, закусывали строители в обеденные перерывы. Здесь косточки вишен и винограда, семечки арбузов и дынь и даже семечки огурцов. Неоднократно встречались также зерна риса, этой трудоемкой хозяйственной культуры, *которая уже тогда получила в Средней Азии* значительное распространение. Налаженная ирригационная система Маргианы благоприятствовала выращиванию этого влаголюбивого злака.

Q.C.P. N.Ver

В том же замке было найдено и значительное число обрывков тканей, вполне достойных по своему разнообразию специализированного мануфактурного магазина. Здесь выделяются гладкие легкие шелковые материи того ослепительного алого цвета, который до сих пор в особом почете у женщин Туркменистана. Более грубой была хлопчатобумажная ткань, на изготовление которой пошел специальный сорт хлопчатника с волокном коричневато-желтого цвета. Имелась среди этих находок шерстяная пряжа, состоявшая из нитей красноватого, розового и синего цветов. Более грубая, но так же окрашенная шерсть, вероятно, предназначалась для ковров или толстых шерстяных поясов.

Обитатели эрк-калинского замка-дворца были лишь потребителями подобных изделий маргианских ремесленников. Сами мастерские располагались в нижнем городе в почтительном отдалении от грозного акрополя. Таков, в частности, был большой дом-мастерская в северной части Гяур-калы. Мастера здесь селились из рода в род, и их ремесло процветало по крайней мере в течение трех столетий. Как и в большинстве мастерских того времени, жилые и производственные помещения находились в гяур-калинском доме бок о бок. Основным видом ремесленной деятельности была здесь металлургия. Многочисленные железные крицы свидетельствуют об обработке металла, из которого были сделаны парфянские латы, так ярко заблестевшие в сражении при Каррах. В особых печах производилась плавка меди. Специальные керамические формочки для литья также были обнаружены в этом комплексе. Каждый мастер стремился сделать свои изделия поизысканнее и поизящнее. Наш мастеровой, видимо, прибегал для этой цели даже к позолоте медных и бронзовых вещей. Скорее всего именно для растворения золота в ртути служили небольшие стеклянные реторты с трубчатым носиком. В этой мастерской была организована и обработка кости, шедшей на рукоятки ножей. Заодно делались и костяные обкладки для знаменитых парфянских луков, стрелы для которых можно было, видимо, приобрести у того же мастера.

В условиях широко развернувшейся торговли ремесло было довольно прибыльным занятием. Во всяком случае наш мастер, в подчинении у которого находился целый штат помощников, а возможно, и рабов, был довольно состоятельным человеком. Парадное помещение его дома ук-

Маргианские терракотовые статуэтки

рашали художественные произведения вроде гипсовой капители, на которой из кущи акантовых листьев выглядывает женская фигура. Различные бусы, украшения, гемма с изображением стоящего Геракла также свидетельствуют о немалом достатке. Хозяева дома, судя по всему, были грамотными людьми. Во всяком случае здесь найдено несколько черепков с парфянскими надписями. Они близки по почерку нисийским документам, но в отличие от них пока еще не расшифрованы специалистами.

Нередко мастера предпочитали селиться поближе к своим товарищам по ремеслу. Так было и в Мерве, где у северных ворот Гяур-калы в позднепарфянское время сложился целый квартал мукомолов. В нем было сосредоточено не менее десяти хозяйств, и в каждом имелись каменные жернова от ручных мельниц вместе с большим числом вместительных хумов для хранения готовой продукции. В основном здесь жили бедные хозяева, едва сводившие концы с концами. Выручало их, видимо, лишь выгодное положение у городских ворот, через которые проходили караваны с зерном, да и покупателей было легче найти среди заезжего люда.

Бедность и богатство, просвещенная грамотность и темное суеверие сосуществовали в этом огромном городе. Но и надменный богач, и жалкий бедняк неизменно обращались с молитвами к богам, испрашивая у них помощи в торговых делах или ища утешения. Археологами во множестве найдены в Маргиане терракотовые статуэтки. Как и в Бактрии и Согде, они изображали всесильных божественных покровителей. Возможно, эти образки ставились у стен в домашних часовнях. Во всяком случае тыльная сторона у них, как правило, обработана грубо и начерно. Так же как и в других среднеазиатских областях, предпочтение отдавалось женскому божеству, вероятно более отзывчивому. В ранний период был распространен образ нагой богини, но к началу нашей эры наиболее популярными становятся стройные фигурки женщин, облаченных в одежды античного типа и держащих зеркало судеб в правой руке. Позднее терракотовые статуэтки становятся грубее и приземистее. Тяжелые одежды, за которыми уже совсем не чувствуется форм тела, обильно украшены нашивными бляшками. Видимо, эта мода широко распространилась в Мерве в позднепарфянский период на радость мастерам, изготовлявшим женские побрякушки.

Господствующей религией в Мерве, так же как и в Нисе, был скорее всего зороастризм. Недаром в религиозных текстах особенно подчеркивается правоверность обитателей Маргианы. Однако оказалось, что в огромном городе, транзитном пункте международной коммерции, находили приют и сторонники иных учений и верований. Буддизм, проповедовавший индийский «путь к спасению» и широко распространившийся в это время под покровительством кушанских владык, сумел проникнуть и в мервский оплот зороастризма. Здесь во II веке н. э. в юго-восточном углу Гяур-калы располагалась община буддистов, построившая башнеобразное культовое сооружение — ступу, а рядом с ней, видимо, и монастырь. Возведенная из сырцового кирпича ступа стояла на квадратной платформе размером 13×13 метров и была окрашена в красный цвет. Перед нею стояла огромная глиняная статуя самого Будды, также окрашенная в различные цвета и имевшая, в частности, волосы синего цвета. Трудно представить более убедительные доказательства распространения буддийского вероучения. Эта находка заставила вспомнить о том, что, согласно традиции, одним из распространителей буддизма в Китае был парфянин Ань-Ши-гао. Как будто именно он осуществил и первые переводы буддийских сочинений на китайский язык.

Однако буддийская община недолго продержалась во враждебном окружении иноверцев. В послепарфянское время статуя Будды упала, возможно в результате землетрясения. Но более опасной для поклонников Сакья-Муни оказалась человеческая ненависть. Священные постройки были разгромлены. Уцелевшие подвижники укрыли в тайнике огромную глиняную голову пострадавшего божества и несколько священных книг, запрятанных в глиняный сосуд. Расположение тайника оказалось достаточно удачным. Драгоценные реликвии пролежали в нем более полутора тысяч лет, пока не были обнаружены ликующими археологами.

Впрочем, упадок и разрушение стали как бы символом наступившей эпохи. В IV—V веках н. э. многие маргианские поселения хиреют и забрасываются. Запустение коснулось и самого Мерва — целые кварталы стоят покинутыми и дождевая вода постепенно превращает глинобитные дома в бесформенные бугры и холмы. Кончается история Мерва — Антиохии Маргианской, и начинается история

его развалин — городища Гяур-калы. Оно было первым среди гигантских руин старого Мерва, первым в цепочке памятников минувших поколений, протянувшейся от эпохи *ахеменидских властителей до наших дней.*

Примечание. Хроникальные сообщения о раскопках древнего Мерва и изучении маргианских городов помещены в «Трудах ЮТАКЭ», т. V. Ашхабад, 1955. См. также статью М. Е. Массона в «Вестнике древней истории», 1951, № 4. Публикации развернутых отчетов посвящены два тома «Трудов ЮТАКЭ»: т. XI, Ашхабад, 1962 и т. XII, Ашхабад, 1963. Парфянским крепостям посвящена статья Г. А. Кошеленко в «Советской археологии», 1963, № 2, 1958. Новые работы освещены в статье М. Е. Массона в «Известиях АН Туркменской ССР», 1963, № 3. Сведения об упоминании тагмадаров в нисийских документах любезно сообщены В. А. Лившицем. О правителе Санабаре см. статью В. М. Массона в «Трудах Государственного Исторического музея», вып. XXVI, М., 1957.

СЕВЕРНЫЙ ФОРПОСТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Где арыки твои,
города твои,
стены твои
и бойницы,
водоемы твои
и мосты твои,
инженер?
Все покрыли пески.
И классически грустная птица
на развалинах
делает стену
пернатой жене.

В. Луговской

Пятым центром городской цивилизации древней Средней Азии был Хорезм, область плодородных оазисов, расположенных в низовьях Аму-Дарьи. В его истории поразительно уже само открытие древней городской культуры в этой области. Античный мир еще слышал кое-что краем уха о многочисленных городах Бактрии и о богатой земле Маргианы, поразившей воображение селевкидского монарха. Имелись у древних авторов сведения и о Парфии, этом неожиданном восточном конкуренте всесильного Рима. Наконец, упорное и ожесточенное сопротивление жителей Согда войскам Александра Македонского принесло достаточно широкую известность этой стране. Однако о своеобразной городской цивилизации, выросшей в низовьях великой среднеазиатской реки, античные авторы не имели почти никакого понятия. Неизвестно было само имя страны Хорезм. Хоразмии как народность упоминаются лишь изредка. Даже знаменитый астроном и географ Птолемей, собравший во II веке н. э. все доступные ему сведения о городах и селениях Азии, не знает ни Хорезма, ни его городов и лишь вскользь упоминает хоразмиев, живущих наряду с прочими народностями по реке Оксу, т. е. Аму-Дарье. А вот как описывал обитателей Приаралья другой древнегреческий географ, уже неоднократно цитировавшийся нами, Страбон: «...Живущие на островах питаются, ввиду отсутствия зерна для посева, кореньями и дикорастущими плодами; одеждой им служит древесное лыко, ибо у них вовсе нет скота; для питья они употребляют сок плодовых деревьев Болотные жители питаются рыбой и одеваются в

шкуры тюленей, заходящих сюда с моря. Жители гор также питаются дикорастущими плодами; у них есть лишь немного овец, поэтому они не режут их, сохраняя на шерсть и молоко». Казалось бы, что можно еще добавить к этой унылой картине безысходного прозябания? Пусть тот же Страбон характеризует Парфию как бедную и гористую страну, но Хорезма он не знает вообще! Поэтому с полным правом можно сказать, что археологи заново открыли для истории древний период в жизни этой страны.

Древний Хорезм вырастал перед исследователями как призрачная страна, где все как бы замерло по мановению сказочной феи, чтобы проснуться в один прекрасный день и продолжить прерванные дела и хлопоты. В большинстве других областей Средней Азии древние замки и города превратились в невыразительные холмы. Закончив раскопки такого холма, археологи нередко вынуждены гадать — проходила ли по краю поселка стена или ее не было вовсе. В Хорезме же сразу за границей современных оазисов начиналась совершенно фантастическая страна. Повсюду высились стройные силуэты замков и крепостей. Ни время, ни люди столетиями почти не тревожили их. Стены и башни здесь нередко достигали почти двадцатиметровой высоты. Иногда было даже трудно поверить, что все это руины двухтысячелетней давности, остатки той городской культуры, которая была неизвестна историкам Средней Азии, пока они вынуждены были довольствоваться скудными рассказами древних авторов. Но по мере расширения фронта работ все меньше оставалось места для каких-либо сомнений. Открытие было действительно выдающимся. Археологам удалось прочесть не отдельные странички летописи древних городов, а обнаружить целую новую главу этой утраченной книги.

Одна особенность весьма характерна для древней истории хорезмийских городов. Они находились в отдалении от других центров городской цивилизации, в стороне от оживленных магистралей международной торговли. Вероятно, поэтому так мало знают о Хорезме и хорезмийцах географы Греции и Рима. Древний Хорезм представлял собой как бы островок городской цивилизации в бескрайнем море кочевых племен. Его периферийное положение и кочевое окружение были причиной некоторого отставания Хорезма по сравнению с передовыми областями Бактрии и Маргианы. Но те же причины определили значительное

своеобразие его культуры, хотя иногда это лишь оригинальность варварского великолепия.

Хорезмийская глава нашей летописи состоит из двух частей. Первая из них относится к III—I векам до н. э., когда в аршакидской Парфии эллинизм был модным увлечением придворной верхушки, а в Бактрии у власти встали сами греко-македонские военачальники и администраторы. В это время в Хорезме влияние эллинистических традиций было менее заметно, чем в южных областях. Этому способствовала, надо полагать, и политическая независимость страны.

Область плодородных оазисов в низовьях Аму-Дарьи где-то в конце V — начале IV века до н. э. вышла из состава ахеменидской империи. В битве при Гавгамелах в 331 году до н. э. хорезмийцев не было ни в числе подданных, ни в числе союзников последнего Ахеменида. Действительно, когда Александр Македонский появился в Средней Азии, к нему зимой 329—328 годов до н. э. прибыло посольство хорезмийского царя Фарасмана в сопровождении полутора тысяч всадников. Фарасман предложил свои услуги в качестве проводника и поставщика продовольствия, если Александр пожелает предпринять поход в сторону Черного моря. Видимо, хорезмийцы рассчитывали на свои давние и тесные связи с кочевыми племенами, населявшими обширные степи Западного Казахстана и Поволжья. Александр заключил с Фарасманом союз, но проектируемый поход так и не состоялся. Хотя отдельные источники и сообщают о подчинении греко-македонцам Хорезма, в действительности же скорее всего дело не пошло дальше чисто номинального военного союза. Можно полагать, что Хорезм сохранял самостоятельность и в пору кратковременного владычества в Средней Азии Селевкидов, и в период создания их наместниками независимого владения в Бактрии. Во всяком случае в Хорезме найдены всего лишь две монеты греко-бактрийских правителей, обычно широко обращавшиеся в подвластных этим правителям областях. Некоторые исследователи, отчаявшись найти упоминание Хорезма в письменных источниках древности, высказали мнение, что в китайских летописях эта страна именовалась Кангюем. Однако, согласно всем имеющимся сведениям, кангюйцы вели кочевой образ жизни и их скорее следует искать среди племен средней Сыр-Дарьи, чем среди жителей хорезмийских городов.

А такие города в рассматриваемое время уже существовали на земле Хорезма. Сама Аму-Дарья, давшая жизнь этой земле, разделила ее своим руслом на две части: правобережную и левобережную. Это естественное деление привело к созданию в каждой из частей своей ирригационной системы и нередко было причиной политического разделения страны. Так, в X веке в правобережном Хорезме со столицей в Кяте правил хорезмшах, а в левобережном — эмир Ургенча. Возможно, такое разделение иногда имело место и в более ранние времена. Например, единственное поселение VI—IV веков до н. э., в котором можно признать остатки города, — городище Кюзели-гыр располагается на левом берегу. Позднее, однако, судя по богатству памятников, главную роль начинают играть процветающие оазисы правобережья.

В III—I веках до н. э. в левобережном Хорезме уже возникли первые поселения на месте позднейших крупных центров, таких, как городища Куня-Уаз и Шах-Сенем. Типичным памятником этого времени является небольшой городок, руины которого ныне известны под именем Акча-Гелин. Почти квадратный в плане, он окружен глинобитной крепостной стеной. Внутри четко прослеживаются две главные улицы. Пересекаясь в центре городка, они разделяют его на четыре почти равные части. Площадь Акча-Гелин невелика — несколько более трех гектаров. Еще менее значительны по величине руины сельских поселений. Обычно это остатки одного многокомнатного дома, как, например, Кюнерли-кала.

Те же небольшие города и сельские дома-поселки мы видим и на правом берегу Аму-Дарьи. Именно здесь, на землях древнего орошения, высятся наиболее эффектные и впечатляющие памятники древнего Хорезма. Одним из самых ранних среди них является городок Джанбас-кала, современник левобережной Акча-Гелин. Его фортификация еще довольно архаична. Стена из сырцового кирпича, окружающая городище, нигде не имеет башен. Их нет даже на углах крепостцы — этих наиболее уязвимых для штурма участках.

Правда, здесь чаще, чем в других местах, в стенах расположены узкие щелевидные бойницы, через которые лучники должны были поражать приближавшегося врага. Джанбас-кала не подвергалась систематическим раскопкам, но среди руин достаточно четко прослеживаются остатки

центральной улицы, почти пополам разделяющей городок. Улица эта выходила к монументальному зданию — святилищу или храму огня. Здесь раскопано помещение, где вдоль стен шла суфа из кирпича, а в центре находилось овальное глинобитное возвышение. Здесь и горел священный огонь, недаром это помещение заполнял толстый слой белой золы. Отсутствовал лишь сам жертвенник — курильница, но о ней можно составить представление по изображениям на нисийских ритонах.

На правом берегу Аму-Дарьи расположен и один из интереснейших памятников древнего Хорезма — Кой-Крылган-кала. Археологи Средней Азии привыкли иметь дело с древними поселениями весьма различной планировки. Более архаические поселки дают аморфное нагромождение бугров и всхолмлений: таковы Намазга-депе и Алтын-депе эпохи бронзы. Позднее, по мере того как появляется и крепнет власть царя-правителя, регулирующее начало в планировке крупных центров становится все заметнее. Современник Авесты, яз-депинское поселение, так же как и Намазга-депе, не имеет еще четкой общей планировки. Но господствующая над городком цитадель уже дает в плане четкий пятиугольник. Затем наступает эпоха крупных государственных образований, эпоха расцвета ремесла и торговли, центрами которых были в первую очередь именно города. И царские архитекторы возводят эти города по заранее намеченному плану, предпочитая прямоугольные очертания и лишь изредка заменяя их квадратом или другой многоугольной фигурой. Таковы города-крепости Бактрии, Маргианы, и таковы же неизвестные Птолемею городские поселения Хорезма.

Но полузанесенная песками Кой-Крылган-кала как бы противоречит этим привычным представлениям. Ее крепостная стена в плане образует правильный круг диаметром 86,5 метра. В центре крепости высилось укрепленное здание, также круглое в плане. Поразительно оригинальный и необычный памятник!

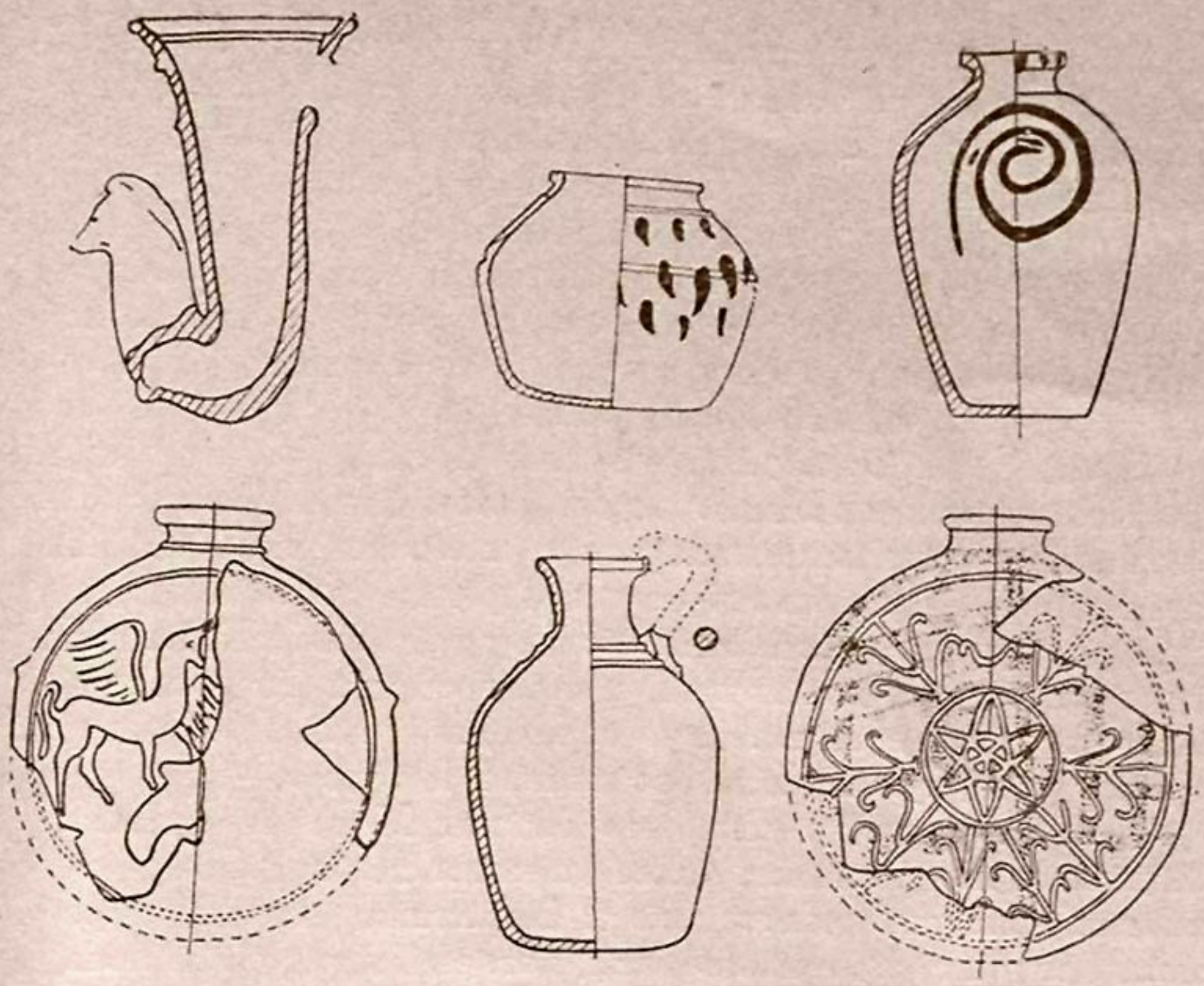
Не удивительно, что Кой-Крылган-кала была выбрана в качестве объекта для систематических и планомерных раскопок. В ходе работ, проводившихся в 1951—1957 годах, этот памятник был полностью раскопан и стал подлинной лабораторией по изучению культуры древнего Хорезма. Раскопки установили, что Кой-Крылган-кала существовала в течение длительного времени вплоть до I века н. э.

Однако материал нижних ее слоев великолепно характеризует хорезмийскую цивилизацию именно на раннем ее этапе, датируемом III—I веками до н. э.

Постепенно воздвигался этот интереснейший памятник Хорезма. Раньше всего было возведено центральное здание, охваченное мощной стеной шестиметровой толщины. Здание было двухэтажным. Во втором этаже по внешнему краю шла стрелковая галерея. Заботы об обороне занимали едва ли не первое место в этой стране, находившейся в окружении кочевых племен. В настоящее время в центральном здании хорошо сохранились лишь строения нижнего этажа. Это крупные помещения, спланированные со строгой симметрией по обе стороны от двух прямоугольных комнат, проходящих по центру своеобразным коридором. В одном из них открыт большой, хотя и неглубокий колодец, но, возможно, он более позднего происхождения. Строения второго этажа в ряде случаев имели хозяйственное назначение — в них находились глиняные бочки-хумы, хранились зернотерки. В целом центральное здание с его замкнутой планировкой, мощной оборонительной стеной занимало в центре крепости вполне обособленное положение, образуя нечто вроде замка или цитадели.

Внешнее кольцо стен Кой-Крылган-калы также имело стрелковую галерею. Вход в крепость был фланкирован двумя полукруглыми башнями и дополнительно защищен небольшим предвратным сооружением. Пространство между центральным зданием и внешним кольцом стен постепенно застраивалось различными помещениями. Здесь имелись и хозяйственные хранилища, в которых рядами стояли глиняные корчаги, и жилые комнаты с очагами и лежанками, и какой-то производственный комплекс, возможно металлургическая мастерская. В одном из помещений встречены даже фрагменты многоцветной стенной росписи, среди которых нужно отметить небольшие человеческие фигуры.

Не вполне ясным остается назначение этой крепости — двойного круга. Первоначально археологи считали, что перед ними одна из аристократических усадеб, где в центральном здании помещалась резиденция владетельной персоны, а во внешнем кольце располагались различные службы и жилища слуг и рабов. Позднее возникла более сложная и заманчивая гипотеза. Необычная кольцевая планировка заставила предполагать, что Кой-Крылган-кала яв-



Хорезм. Керамика III—I вв. до н. э.

ляется памятником погребального и астрального культа, ставшим со временем храмом и центром храмового хозяйства. Внешнее кольцо в таком случае должно рассматриваться как место обитания жрецов, обслуживающего персонала и рабов этого хозяйства. Как видим, вся разница сводится к различной трактовке характера центрального здания. Оно все же больше походит на замок владетеля, чем на храм или какую-либо культовую постройку. Планировка здания рассчитана на свободный проход во все помещения. Здесь нет ни замкнутости, ни центрированности, обычной для храмовых строений. Нет и обводного коридора и обособленного строения, которое можно было бы принять за «святая святых». Необычная же кольцевая планировка — оригинальное решение, которое делает честь безвестному хорезмийскому архитектору.

Славились и хорезмийские мастера гончарного производства. Дело было не только в том, что они в отличие от гончаров других областей Средней Азии нередко украшали свои сосуды и, в частности, хумы несложными узо-

рами, нанесенными краской. Подлинную славу хорезмийским гончарам доставила не рядовая, а парадная, художественная посуда. Ею, возможно, старались заменить дорогие изделия из драгоценных металлов и слоновой кости, недоступные аристократии периферийных областей. Действительно в ряде случаев художественная керамика Хорезма восходит именно к металлическим образцам. Но во всяком случае подобной посуды не было в это время ни в одной другой области Средней Азии.

Среди этих парадных изделий прежде всего следует назвать глиняные ритоны. Они в целом близки ритонам из слоновой кости, находившимся в сокровищнице парфянских царей. Та же рогообразная форма и та же завершающая полуфигура. Несколько более грубо выполнены детали и отсутствует венчающий фриз, воспроизвести который было трудно в глине. Как и в Нисе, завершающие фигуры крылаты: в двух случаях это кони, а в одном — как будто грифон. Совершенно ясно, что ритоны Хорезма являются глиняным подражанием более дорогим вещам. Среди случайных находок, хранящихся в Эрмитаже, имеется серебряный ритон с «протомой» коня, который вполне мог послужить образчиком для хорезмийских мастеров.

В равной мере сосуды из драгоценных металлов имитирует и другой специфический вид керамики древнего Хорезма. Это одноручные кувшины с изображением на конце ручки головы льва, как бы вцепившегося зубами в край сосуда. Аналогичный кувшин, только сделанный не из глины, а из золота, имеется среди сокровищ какого-то северобактрийского владетеля, известных под именем Аму-дарьинского клада. Образ льва для Средней Азии несколько необычен. В историческое время в среднеазиатских областях хозяйничал тигр. Возможно, в данном случае образ льва навеян воздействиями, идущими со стороны Ирана и Месопотамии. Там лев всегда был излюбленным объектом царской охоты, а в Иране сохранялся как государственный символ до недавнего времени.

Третьим видом художественной посуды являются парадные фляги, украшенные с одного бока художественными рельефами. Они имеют небольшие выступы с отверстиями для ремешка. Носились фляги привязанными за спиной, как это видно по рельефу, помещенному на одной из баклаг. Среди рельефов, украшающих эти фляги, мы видим различные культовые и бытовые сцены. Вот жен-

щина, кормящая ребенка, — явная ипостась популярнейшего образа богини-матери, отразившегося и в христианском искусстве. Вот крылатый конь-грифон топчет копытами огромную человеческую голову — уж не иллюстрация ли это к какой-либо сказке или мифу. Вот, наконец, всадник, лихо мчащийся с копьем наперевес. Такими, вероятно, были воины, сопровождавшие хорезмийского царя к Александру Македонскому.

Весьма распространен и сюжет охоты. Мы видим здесь, в частности, всадника, который выехал на охоту верхом на верблюде. В этом нет ничего удивительного — он охотится за джейранами, норовящими обычно завести преследователя в непроходимые пески. А среди верблюдов встречаются рекордсмены, мало уступающие в скорости лошадям. Надо полагать, к сценам охоты относятся и обломки рельефов с изображением тигров. Эти полосатые хищники, доныне встречающиеся в низовьях Аму-Дарьи, были достойными противниками для развлекающейся аристократии Хорезма. Охота как традиционное развлечение знатных персон была, видимо, достаточно популярна и в древней Средней Азии. Нередко здесь устраивались специальные охотничьи парки и заказники. Историк похода Александра сохранил следующее описание одного из таких согдийских заповедников. «В тех местах, — пишет он, — наибольшим признаком богатства варваров, без сомнения, являются стада благородных животных, запертые в обширных рощах и горных пастбищах. Для этого выбирают большие прекрасные леса с обильными источниками постоянно текущих вод; леса окружаются стенами, имеющими башни — убежища для охотников. Утверждается, что это горное пастбище было не тронуто в течение четырех поколений; Александр, вступив туда со всем войском, велел со всех сторон гнать зверей». Среди последних оказался и кинувшийся на Александра огромный хищник, именуемый в источниках львом. Скорее всего это был среднеазиатский абориген — тигр, которого древние авторы часто путают с его гривастым собратом. Подобные заказники вполне могли существовать и у хорезмийских владык. Во всяком случае тигров в те времена в болотистых низовьях Аму-Дарьи было достаточно.

Как и в большинстве среднеазиатских центров, были в Хорезме распространены и терракотовые статуэтки — идольчики. Среди них наиболее популярны фигурки стоя-

щих женщин в тяжелых одеждах. Типичная хорезмийская черта — оторочка этой одежды по подолу. Имеются среди терракот и иные образы. Таковы, например, женщина с ребенком в руках (вспомним рельеф на баклаге) или богиня, держащая двуручную амфору. Образ последней перекликается с аналогичной скульптурой, помещенной на нисийских ритонах. Только нисийская богиня предельно обнажена, а хорезмийская целомудренно закутана в плотное одеяние. Правда, это искупается другой статуэткой, изображающей мужчину, вообще лишенного какой-либо одежды. В одной руке у него виноградная гроздь, в другой — садовый нож. Перед нами явно божество виноделия в его эллинистическом варианте — бесшабашный Дионис.

Таким образом, даже затерянный в низовьях Аму-Дарьи Хорезм не избежал в это время эллинистических влияний. Однако проявляются эти влияния в значительно меньшей мере, чем это можно было наблюдать в Парфии или Бактрии. Для цивилизации раннего Хорезма характерны также несколько замедленные темпы развития. Так, здесь еще нет налаженного денежного обращения — на древних памятниках археологи почти не находят монет. Нет ни одной монеты и на Кой-Крылган-кале, хотя памятник раскопан целиком. Вероятно, преобладала меновая торговля, стимулируемая наличием кочевого окружения. Вместе с тем северный форпост городской культуры отличается и значительным своеобразием. Лучшее тому доказательство — богатая парадная керамика и оригинальная архитектура Кой-Крылган-калы.

Вторая часть хорезмийской главы должна быть посвящена тому периоду, когда городская культура, сохраняя самобытность и оригинальность, уже мало в чем уступала своим более развитым соседям. Время это приходится на I—IV века н. э. Это была эпоха наивысшего расцвета древней городской цивилизации, что в полной мере прослеживается и по хорезмийским материалам.

На обоих берегах Аму-Дарьи в эту пору реконструируются и улучшаются ирригационные системы. Первоначально хорезмийские каналы лишь повторяли направление усыхающих протоков. Теперь, в I—IV веках н. э., здесь уже создаются сложные ирригационные устройства с магистральными руслами, выведенными непосредственно из главного рукава Аму-Дарьи. Число городских поселений в это время увеличивается.

В левобережном Хорезме известны остатки по крайней мере трех достаточно крупных городов. Это — мощная крепость Шах-Сенем, продолжавшая существовать и в средние века, Мангыр-кала и Куня-Уаз. Последнее городище было почти не обжито в пору средневековья, что позволило произвести в значительных масштабах вскрытие его древних слоев. Этот подквадратный в плане город занимает площадь около 9 гектаров. Среди раскапывавшихся здесь домов выделяется одно парадное и монументальное здание, возможно являвшееся местопребыванием правителя. Одно из его помещений было своего рода домашним святилищем. Здесь в центре располагался священный очаг, а по стенам шли ниши, в которых, видимо, возвышались статуи. Во всяком случае около одной из ниш обнаружены обломки скульптуры человека, сделанной из глины, покрытой алебастром.

Имелось на левом берегу и значительное количество более мелких городков и крепостей. В одной из таких крепостей, носящей традиционное для Средней Азии название Гяур-кала («крепость неверных»), раскопан парадный зал. Его перекрытие поддерживали две деревянные колонны с каменными базами. В одну из стен была вделана терракотовая очажная ниша. На располагавшейся перед ней платформе отмечены следы огня — скорее всего здесь стоял жертвенник. Прямоугольные ниши на противоположной стене сохранили следы росписи. Сам зал случайно уцелел в одном из углов древней крепости. Почти весь остальной культурный слой уничтожен разливами ненасытного Джейхуна, как именовали Аму-Дарью средневековые авторы. И в наши дни можно наблюдать, как эта река, непрестанно меняя свой фарватер, вдруг с неодолимым упорством устремляется на один из берегов. С грохотом обрушиваются огромные подмываемые участки, исчезают в воде обломки домов и дувалов, уничтожаются нередко целые селения. Так Аму-Дарья поглотила руины средневековой столицы правобережного Хорезма города Кята. Исчез в ее водах и замок Аль-Фир, резиденция хорезмшахов, возведенная еще в 305 году н. э. «Аль-Фир, — пишет об этом событии Бируни, — был виден на расстоянии десяти миль и больше. Его разбила и разрушила река Джейхун, и каждый год уносила она эту крепость по кускам, так что в тысяча триста пятом году эры Александра (933 год н. э.) от него ничего не осталось».

Естественно, что лучше сохранились развалины городов, находившихся в отдалении от столь опасного соседа. Таких руин довольно много в правобережном Хорезме, где, кстати, и находился злополучный Аль-Фир. К числу городских поселений в этом районе относятся Базар-кала площадью 33 гектара и царский город Топрак-кала, к которому нам еще придется вернуться в последующем изложении. Вероятно, развалинами древних городов являются и такие хуже изученные памятники, как Эрес-кала, Кыркыз-кала и Пиль-кала. Известно на правом берегу и несколько крепостей. Как правило, они располагаются на хвостовых частях каналов, прикрывая оазисы со стороны кочевой степи. Вооруженные гарнизоны бдительно охраняли мирный труд землепашца и ремесленника. Это и не удивительно. Именно безжалостная эксплуатация подневольного труда своих подданных позволяла хорезмийским правителям жить в роскоши и довольстве.

Парфянские Аршакиды имели возможность пополнять нисийскую сокровищницу добычей, захваченной при штурме богатых городов Месопотамии и Ирана. Отдельные изделия могли поступать в виде дани, накладываемой на искусных мастеров тех же городов. В Бактрии и Согде осела часть предметов, двигавшихся по международным торговым путям, проходившим через территорию этих стран. Немало добычи давали и неоднократные походы в богатые области Северо-Западной Индии. На этом фоне древние хорезмшахи находились в худшем положении. Едва ли они могли рассчитывать на серьезные успехи в военных действиях против Парфии или областей, тяготеющих к кушанской державе. Малоперспективной представлялась и война против подвижных кочевников. Во всяком случае она не сулила столь богатой добычи, как грабеж и разорение богатых городов. Не могла дать особых прибылей и международная торговля. Правда, Хорезм был в какой-то мере затронут тем интенсивным оборотом различных товаров, который отмечается с I века н. э. во многих областях Южной Азии. На развалинах древнехорезмийских городов найдена привозная статуэтка египетского бога Беса и бусы, изготовленные скорее всего в греческих городах Северного Причерноморья. Однако главные пути этой торговли шли минуя оазисы, затерявшиеся на севере тогдашнего цивилизованного мира. Тем более впечатляющими являются руины царской резиденции древнего Хорезма

города Топрак-кала, на строительство которого было явно затрачено немало сил и средств.

Этот город представляет собой как бы воплощение бактрийских канонов на хорезмийской почве. Над его планировкой и архитектурным обликом немало поработали безвестные хорезмийские зодчие. По их проектам в I веке н. э. возник в правобережном Хорезме этот новый город, который, возможно, уже его строителями был задуман как столица. Именно так поступает один из эпических героев Шах-наме:

Как только витязь прибыл в ту страну,
Он два фарсанга ввысь и в ширину
Построил дивный город с площадями,
Дворцами, огородами, садами.
Дворец украсил, вызвав мастеров,
Изображением битв царей, пиров.

Сейчас городище Топрак-кала в плане образует прямоугольник размером 350×500 метров, обнесенный крепостной стеной. Через определенные промежутки вдоль стены идут прямоугольные башни с многочисленными бойницами. Посередине города шла главная улица шириной около 10 метров. От нее под поямыми углами отходили поперечные улочки, делящие город на правильные прямоугольники кварталов. Четкая симметричность создавала ритм спокойствия и организованности. Этой жилой части города противостоял трехбашенный замок-цитадель, возвышающийся в северной части Топрак-калы.

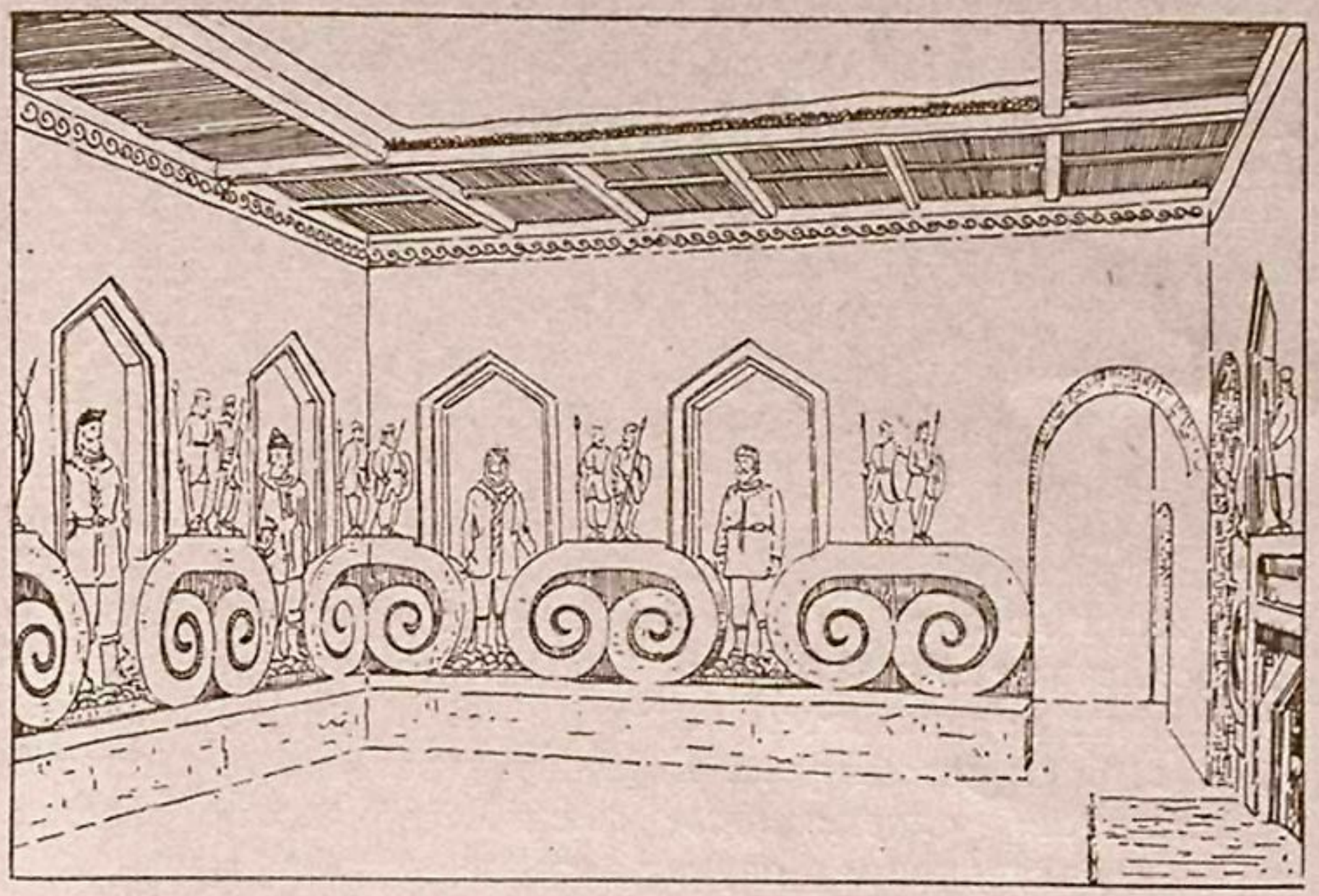
Эта часть города была отгорожена особой стеной. За ней находились большая площадь и монументальное здание. Последнее пока еще не раскопано, но предположительно считается храмом огня. Наконец, здесь же, в самом углу города, помещался дворец правителя, воздвигнутый на платформе двенадцатиметровой высоты и фактически представлявший собой укрепленную цитадель. Основная часть дворца занимает квадрат площадью 6400 квадратных метров. Первоначально таковы были размеры и всей цитадели. Наружные ее стены были расчленены выступами пилястров. Их вертикальные тяги подчеркивали высотное устремление дворца-цитадели, вознесенного над жилищами простых смертных. Но с течением времени это архитектурное решение перестало удовлетворять восточных деспотов. И талантливые архитекторы сумели найти новое смелое решение. К уже существовавшей цитадели-дворцу были

пристроены три огромные башни, каждая размером 40×40 метров. В современном виде эти уже немного оплывшие и разрушенные гиганты имеют высоту 25 метров. Весь комплекс получил, таким образом, неповторимый высотный силуэт, венчающий общий облик «дивного города» хорезмийской земли. С поразительным чувством гармонии и новаторства зодчие Хорезма нашли эту глубоко оригинальную композицию, не имеющую аналогий в странах Востока. А ведь достаточно было пойти по проторенной дорожке и возвести башни по четырем углам — и перед нами был бы довольно заурядный замок-крепость, отличающаяся от своих многочисленных собратьев лишь гипертрофированной величиной.

Внутри цитадель-дворец сплошь застроен разнообразными помещениями. В царской крепости Нисы к услугам строителей имелось довольно обширное пространство. В его пределах они могли размещать здания различного назначения, решая задачи пространственной композиции. В Топрак-кале общий силуэт был определен возведением трех башен и оставалось лишь наиболее рационально разместить в замкнутых границах различные строения. В результате весь дворец представляет собой как бы одно огромное многокомнатное здание, запутанный лабиринт с большими парадными залами, жилыми покоями и хозяйственными мастерскими.

В древности дворец был двухэтажным. Но даже в Хорезме, где памятники обычно сохраняются довольно хорошо, время почти не пощадило верхние строения. В оставшихся помещениях верхнего яруса местами отмечены остатки живописи, в частности изображения музыкантов. Видимо, это были какие-то парадные покои. Как будто в одной из комнат второго этажа хранились и письменные документы, найденные уже в завалах, заполнявших нижние помещения.

Все строения топрак-калинского дворца можно условно разделить на три категории. К первой из них принадлежат большие парадные залы, предназначенные для различных торжественных церемоний. Естественно, что их убранство отличается особой пышностью и великолепием. Таково прежде всего продолговатое помещение площадью около 280 квадратных метров, названное «залом царей». Стены этого зала покрывала роспись, изображавшая красные и белые цветы на желтом и синем фоне. Имелись здесь и ба-



Топрак-кала. «Зал воинов» (реконструкция)

рельефы из необожженной глины в виде гирлянд цветов и плодов. Вдоль стен на высоких постаментах размещались скульптурные группы, дошедшие до нас главным образом в виде обломков глиняных статуй. Однако в двух случаях удалось проследить, что в центре композиции помещалась крупная фигура сидящего мужчины, а рядом стояли статуи поменьше, изображавшие женщин и детей. Найденный головной убор в виде орла идентичен короне одного хорезмийского правителя, известного по монетам. Это дало основание заключить, что скульптурные группы изображали царей Хорезма, вероятно, в окружении их семей.

Другое помещение, также украшенное глиняными скульптурами, получило название «зала побед». Здесь по стенам располагались крупные мужские фигуры, рядом с которыми прослеживаются изображения парящих женщин. Скорее всего это были изображения богини победы Ники, возлагающей венок на удачливого полководца. Нику, парящую с венком над головой царя, мы видим и на древнехорезмийских монетах.

Весьма оригинально, хотя и несколько тяжеловесно оформление «зала темнокожих воинов». Вдоль его стен в нишах стояли крупные мужские статуи. По обе сто-

роны от них расходятся крупные глиняные волюты, на концах которых помещены небольшие фигуры воинов. Воины облачены в панцири, а их *широкие носы и темно-коричне*вая окраска лиц дала археологам повод для названия всего помещения.

Таким образом, в решении интерьеров топрак-калинского дворца нет застывших канонов и однообразия. Наоборот, фантазия художника каждый раз стремится к новому, необычному решению, иногда даже в ущерб гармонии и изысканности. В частности, весьма своеобразно оформление еще двух залов. В одном из них стены украшали глиняные рельефы, изображающие деревья, обвитые виноградными лозами, и пасущихся оленей (табл. XIII, *а*). Выполненные почти в натуральную величину фигуры оленей окрашены коричневатой краской, но для фона почему-то был выбран синий цвет. В манере трактовки животных чувствуются определенные связи с искусством кочевых племен, получившим в науке условное название «звериного стиля». В этом нет ничего удивительного, ведь Хорезм был окружен кочевниками почти со всех сторон. Оттуда, из далеких степей, вполне могли быть родом отдельные художники и скульпторы. Другой зал скорее всего предназначался для ритуальных церемоний. В нем обнаружены остатки танцующих фигур. Головы этих персонажей имеют большие заостренные уши (табл. XVIII, *б*). Видимо, танцоры *носили маски, участвуя в мистериях и представлениях.*

Ко второй категории помещений можно отнести жилые покои царя, его семьи и гарем. Это были, как правило, сравнительно небольшие комнаты с очагом у одной стены и нишей на стене противоположной. Стены помещений нередко покрыты росписью. В частности, предполагаемый гарем украшен женскими портретами, вписанными в прямоугольные рамы.

Наконец, третью группу составляли различные хозяйственные постройки, складские помещения, жилище многочисленной челяди и слуг. В этой части дворца можно отметить анфиладу узких помещений, в которых располагался арсенал и мастерская для производства и ремонта оружия. Там были найдены части луков, составные древки стрел из дерева и камыша, железные наконечники этих стрел, вызолоченные бронзовые пластины от панцирей и поясов и стеклянные вставки к ним. Луки, имевшие в длину около 160 сантиметров и клеенные из дерева разных

пород с костяными обкладками, были грозным стрелковым оружием того времени. В юго-западной части дворца шел длинный коридор, куда выходили небольшие и бедно оформленные комнаты. Скорее всего это жилые помещения рядовых чиновников и слуг. Они вполне могли довольствоваться коридорной системой, и им совершенно не обязательно было любоваться портретами своих жен и любовниц. Среди этих чиновников имелись и лица, владеющие редким в ту пору искусством письма. На одной из фресок мы видим даже изображение такого писца, несущего свитки исписанных пергаментов (табл. XIV). Династийный знак хорезмшахов на его головном уборе указывает на принадлежность к царской администрации. Бóльшая часть работ писцов до нас, к сожалению, не дошла. Однако, как мы уже говорили, в одном помещении обнаружена груда исписанных обрывков кожи и несколько документов на деревянных дощечках в сравнительно хорошем состоянии. Расшифровка их в отличие от нисийского архива еще только начинается. Но уже сейчас можно сказать, что тщательный учет налоговых поступлений заботил администрацию Топрак-калы не меньше, чем нисийского правителя. В частности, тексты на дереве оказались составленными по единому формуляру списками семейных общин, подлежавших обложению налогом.

Бесконечные лабиринты топрак-калинской резиденции были в древности подлинным музеем, своеобразной национальной галереей хорезмийского искусства (табл. XIII, *в*). Сейчас скульптуры разбиты и обрушены, фрески выцвели и кое-где обрушились вместе со стенами. Но тем не менее даже дошедшие до нас обломки и обрывки свидетельствуют о большом разнообразии вкусов и нередко незаурядном художественном мастерстве их создателей. Вот фрагменты охотничьих фресок — хищная птица в зарослях и угрюмый лик тигра (табл. XV). Вот золотистые рыбки, резвящиеся среди волн, условно переданных вихревыми завитками. Видимо, частью какой-то батальной композиции был барельеф скачущего коня, выполненный в почти натуральную величину.

В художественном убранстве топрак-калинского дворца заметно соединение разных стилей и влияний. Например, женская голова — так называемая «супруга Вазамара» — отличается скованностью, обычной для мелкой пластики Согда. Наоборот, «красная голова» — это динамичный

портрет волевого мужчины, поражающий исключительной выразительностью, стремлением к психологической характеристике героя (табл. XVI). В целом несколько тяжеловатые и приземистые композиции хорезмийских мастеров сочетаются с поисками броского эффекта и оригинальности. Всю резиденцию повелителей этой северной цивилизации отличает своеобразное варварское великолепие.

Кто же были они, эти хорезмийские владыки, основавшие свою столицу на границе оазисов и пустынь? Какие победы прославляли их придворные мастера? Какие страны поставляли рабов и пленниц?

I—III века н. э. были тем временем, когда в южных районах Средней Азии и Афганистана складывается новое могущественное политическое объединение — империя Кушан. Вскоре сюзеренитет новоявленных шах-ан-шахов признавали уже многочисленные области Северного Индостана, а кушанские армии вели упорную борьбу с китайскими войсками за политическое преобладание в Восточном Туркестане. Правда, не вполне ясно, как далеко на север в пределах Средней Азии удалось продвинуть свои границы новому государственному образованию.

Как мы видели выше, даже о распространении власти кушанской державы на Согд можно говорить лишь предположительно. Правда, среди современных историков кушанские правители нередко находят рьяных сторонников, смело отдающих им даже парфянскую Маргиану. Однако нумизматический материал совершенно ясно показывает, что там в I—III веках н. э. монеты чеканились от имени местных владетелей. Маргианские наместники этого времени, может быть, мало зависели от центрального аршакидского правительства, но уж с кушанскими государями вообще не имели ничего общего.

Некоторые исследователи, в том числе археологи, специально изучающие древности Хорезма, склонны признать вхождение нижнеамударьинских оазисов в состав нового политического колосса. Согласно этим воззрениям, лишь с ослаблением кушанской империи в III—IV веках н. э. Хорезм вновь обрел политическую независимость, символом которой и явилось возведение топрак-калинского дворца. В таком случае именно по кушанской эре, начавшейся, согласно одному из расчетов, в 78 году н. э., следует датировать и документы, обнаруженные при раскопках этой резиденции. Тогда три документа топрак-калинского ар-

хива, датированные, согласно некой эре 207, 231 и 232 годами, должны соответствовать 285, 309 и 310 годам н. э. Такова эта точка зрения, наиболее распространенная в литературе.

Вместе с тем по мере продолжения археологических работ и открытия все новых и новых памятников хорезмийской земли невольно закрадывалось сомнение — не были ли исследователи слишком зачарованы устоявшимися представлениями о всепроникающей мощи и могуществе кушанской державы? Имеются ли достаточные основания отдавать во власть кушанских императоров Хорезм, дотоле успешно сохранявший свою независимость в весьма сложной политической обстановке?

В этих условиях наличие столичного города — топрак-калинской резиденции хорезмийских царей — само по себе уже должно говорить о многом. Как показали исследования, этот город возникает в I веке н. э. Материал же из раскопок дворца-цитадели датируется III — началом IV века. Но эти последние цифры дают лишь дату завершающего периода в жизни этого роскошного строения. Вероятно, весь комплекс складывался на протяжении весьма длительного времени. Недаром в ряде мест могут быть отмечены различные перестройки, возведение подпорных стен и контрфорсов, закладка кирпичом проходов и даже полностью отдельных помещений. Как уже отмечалось выше, спустя какое-то время к первоначальной платформе были пристроены три башни, изменившие весь облик царской резиденции. Скорее всего именно многие десятилетия работы безвестных скульпторов, художников и архитекторов придали этому обширному комплексу то богатство и поразительное разнообразие декора, которое можно наблюдать по сохранившимся остаткам. Можно полагать, что монументальный дворец-цитадель возник одновременно с постройкой города или во всяком случае вскоре после него. Затем огромное здание видоизменялось и переделывалось на протяжении жизни нескольких поколений, как это было, например, с парадными комплексами Нисы.

Однако это еще не решает вопроса о том, были ли обитатели топрак-калинского дворца независимыми владетелями или лишь наместниками, признававшими сюзеренитет далекого, но могущественного владыки. Тщетно мы искали бы ответа на этот вопрос в сочинениях римских и греческих авторов, которым и само имя страны «Хорезм»

было практически неизвестно. Еще не обнаружены и династийные хроники древней Средней Азии, хотя открытие ряда административно-хозяйственных архивов позволяет смотреть на будущее, в этом плане, с известным оптимизмом. Остается обратиться к такому источнику, как древние монеты, чеканенные хорезмийскими правителями. На Востоке в древнее время, да и в средние века, выпуск монеты был исключительной прерогативой правящих лиц, своеобразной декларацией прочности их государственного суверенитета, династийных связей и политических притязаний. О чем же повествует древнехорезмийская нумизматика?

Где-то во второй половине I века до н. э. или в начале I века н. э. правители Хорезма начали регулярно чеканить свои собственные серебряные монеты. С них на нас смотрит суровое красивое лицо восточного владыки, облаченного в парадные одеяния. Парящая фигурка Ники с венком в руках невольно заставляет вспомнить «зал побед» топрак-калинского дворца. На обороте тот же правитель изображен всадником, символизируя мощь кавалерии в стране, тесно связанной с миром кочевых племен. Возможно, и сама династия хорезмийских правителей, подобно парфянским Аршакидам, вела свое происхождение от вождей кочевников, овладевших оседлой страной в результате успешного набега. Во всяком случае помещенный здесь же на монете династийный знак — тамга имеет много общего с аналогичными знаками, известными по материалам кочевой степи. Единственное, чего мы не знаем, — это имени сурового хорезмшаха. Правда, на оборотной стороне этих монет имеется надпись. Но это всего лишь искаженная почти до неузнаваемости греческая легенда, содержащая имя и титул греко-бактрийского царя Евкратида. Можно считать, что тетрадрахмы этого энергичного полководца и послужили исходным прообразом для медальеров Хорезма. Нам известен ряд монет переходного периода, но лишь монеты безымянного хорезмийца утверждают во всей полноте становление нового, уже хорезмийского нумизматического типа. Этот тип хорезмийских монет остается неизменным на протяжении многих столетий вплоть до арабского завоевания. Кушанское монетное дело никак не сказалось на медальерном искусстве нижнеамударьинских оазисов. Буквально ни в чем — ни в типах изображений, ни в расположении надписей, ни в весовом стандарте — невозможно обнаружить кушанское влияние. Более

того. Принципиально различными оказываются даже сами денежные системы двух государств. Монетное обращение в кушанской державе было основано на золоте, а в Хорезме опять-таки до самого арабского завоевания его — на серебре, так же как это было, кстати, и в соседней Парфии.

В настоящее время появляются и монеты хорезмийских царей, правление которых можно относить к I—III векам н. э., т. е. ко времени предполагаемого господства кушан в Хорезме. Все эти монеты выдержаны в исконном хорезмийском стиле. На них

Монеты хорезмийских правителей (вверху — «безымянный царь»)

помещен традиционный династийный знак, а не кушанская тамга, хорошо известная нам по монетам этой державы. Кроме того, подавляющее большинство кушанских монет, найденных на территории Хорезма, имеет надчекан, воспроизводящий верхнюю часть хорезмийского династийного символа. Нигде больше, кроме Хорезма, мы не знаем монет этой великой империи, столь дерзновенно переиначенных непокорным владыкой. Таким образом, есть все основания сомневаться во вхождении Хорезма в состав кушанской державы или во всяком случае в том, что это вхождение было прочным и долговременным.

Нуждается в пересчете и предложенная датировка документов из Топрак-калы. Недавно около Нукуса раскопан могильник, в котором обнаружены достаточно подробные эпитафии. Поскольку в этих надгробных надписях помимо прочих сведений содержались и даты по хорезмийской эре, это помогло археологам и историкам наших дней. Весь могильник датируется найденными в нем вещами, в том числе и монетами VII — первой половины VIII века н. э. Крайние же даты поминальных эпитафий дают 654 и 753 года хорезмийской эры. Ясно, что это искомое лето-

счисление должно было начинаться где-то в первой половине I века н. э., будучи практически одновременным с той условной хронологией, которой мы пользуемся в наши дни. Уж не безымянный ли царь Хорезма, оставивший нам на монетах свой мужественный портрет, учредил эту новую эру?

Вполне вероятно, что в борьбе за сохранение политической независимости властители Хорезма опирались на поддержку Парфии, у которой неудержимый рост кушанского влияния не мог не вызывать тревоги. Быть может, в ознаменование удачной для хорезмийцев битвы с каким-либо кушанским полководцем и получил свое оригинальное оформление «зал побед». Во всяком случае Хорезм, эта северная окраина городской цивилизации, нашла в себе достаточно сил и для сохранения независимого государства, и для создания яркой и своеобразной культуры. У нас нет почти никаких надежд узнать подлинные имена строителей и художников древнего Хорезма. Но их великолепные творения, пришедшие к нам сквозь века, говорят сами за себя.

Примечание. Благодаря энергичной деятельности экспедиции под руководством С. П. Толстова Хорезм известен в литературе в большей мере, чем другие области Средней Азии. О нем см. книги С. П. Толстова: 1) «Древний Хорезм», М., 1948; 2) «По следам древнехорезмийской цивилизации», М.—Л., 1948; 3) «По древним дельтам Окса и Яксарта», М., 1962. Сообщения о раскопках регулярно публикуются в «Трудах» и «Материалах Хорезмской экспедиции». Полное издание результатов раскопок основных памятников Кой-крылган-калы и Топрак-калы пока не осуществлено. О раскопках Кой-крылган-калы см. «Труды Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 168—191, и «Материалы», вып. 1, М., 1957, стр. 17—24; вып. 4, М., 1960, стр. 8—13, а также специальную статью С. П. Толстова в «Вестнике древней истории», 1953, № 1. Отчетные сведения о раскопках Топрак-калы содержатся в «Трудах Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 31—34; т. II, М., 1958, стр. 195—216. Специально керамике Хорезма рассматриваемого времени посвящена большая работа М. Г. Воробьевой, изданная в т. IV «Трудов», М., 1959. О древнехорезмийской нумизматике см. статьи С. П. Толстова в «Вестнике древней истории», 1938, № 4, и «Проблемах востоковедения», 1961, № 5; Б. И. Вайнберг в «Вестнике древней истории», 1962, № 1, и В. М. Массона в «Эпиграфике Востока», вып. XVII, М.—Л., 1965. Работа по расшифровке документов из Топрак-калы отражена в докладе В. А. Лившица: «Научная конференция по иранской филологии (Тезисы докладов)», Л., 1962, стр. 47—48.

ОСКОЛКИ ВРЕМЕНИ

Не как пришлец на римский форум
Я приходил — в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.
И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

В. Брюсов

Чтобы совершить путешествие сквозь века и тысячелетия, совсем не обязательно обладать машиной времени, вызванной к жизни могучей фантазией Герберта Уэллса или мудрым юмором Станислава Лема. Нередко для этого достаточно отправиться во вполне реальное турне по местам древних поселков, сменив суетливость жизни горожанина на здоровую экспедиционную усталость.

В последнее время многие писатели-фантасты пишут о колоссальных количествах рассеянной в мире информации, к уловлению которой следует призвать хитроумные приборы и аппараты. Но достижения техники в наши дни опережают все возможные фантазии. Уже сегодня по костным останкам давно умерших людей мы определяем их группу крови, а ничтожный уголек с точностью математика-формалиста называет нам возраст опалившего его костра. Поэтому почти невозможно предугадать грядущую методику, с помощью которой человечество будет познавать самого себя в умерших тысячелетиях. Однако огромное количество этой рассеянной информации уже сегодня обжигает наши руки вполне ощутимой реальностью. Разбитые фигурки глиняных богов, стрела, проржавевшая под гнетом веков, а не от крови поверженного врага, — все это не дряхлый антиквариат, поступающий в лавки старьевщиков на радость снобам. Эти древние предметы — материализованные осколки времени, и надо лишь суметь извлечь максимальное количество информации, заключенной в этих микромирах. Сделать это значительно сложнее, чем просто обнаружить сам осколок минувших эпох и поколений. Здесь необходим и всесторонний анализ, и строго логическая система умозаключений, корректируемая, в частности, теорией вероятности. Поэтому в археологии,

не менее чем в какой-либо иной науке, насущно стоит вопрос об использовании методов анализа, успешно зарекомендовавших себя в науках, именуемых, по сложившейся традиции, точными. Совершенно неверно представлять себе археолога праздным мечтателем, который в час заката присел на уголке низвергнутого дворца и вызывает из-под земли добрых и злых духов. Всякое подлинно научное изучение древней истории основано на кропотливых изысканиях. Работа следователя тоже невозможна без элементов фантазии, но главное в ней — ее, конечно, прочный фундамент реальных фактов и доказательств. Нередко случается, что принятая версия, разрабатываемая с тщанием и надеждой, рушится в прах под напором появляющихся из-под земли все новых и новых неоспоримых свидетельств. Но наконец древние вещи, так упорно и отчужденно молчавшие, вдруг начинают говорить в полный голос, раскрываясь с самой неожиданной стороны.

Так создаются страницы утерянной книги, возвращаются на свои места пожелтевшие листы летописи древних городов. Выше перед нами прошли отдельные картины из жизни древних городов Средней Азии. Степень четкости их различна. В одних случаях это лишь силуэт, набросок будущего произведения. В других — исследователям удается увидеть сцену ушедшей жизни. Сегодня века еще скрывают причины гибели протогородских поселений среднеазиатского юга. Над легендарной Бактрией Ктесия забрезжил свет, и мы уже с уверенностью можем говорить, что в IX—VII веках до н. э. Средняя Азия идет в ногу со странами, в которых возникают городская культура и цивилизация. Далее свет этой цивилизации разгорается все ярче и ярче. Классические образцы привычных стандартов Греции и Рима не должны заслонять от нас иные очаги культуры, процветавшей в это же самое время в различных уголках земного шара. Ведь это была эпоха, когда обитатели Мексики начали при помощи иероглифов наносить на камни свои календарно-астрономические наблюдения, а древние перуанцы уже возводили эффектные и изысканные храмы.

Свое собственное место среди культур Востока начинают обретать и городские цивилизации древней Средней Азии. На бактрийской земле, в стране тысячи городов, расцвет этой цивилизации был особенно заметен и ощутим. Здесь, в области, поддерживавшей тесные связи с

основными очагами культуры Старого Света, складывалось глубоко своеобразное кушанское искусство, породнившее эллинскую живость и блеск и восточную медлительность и величавость. Парфия, этот грозный соперник Рима, нежданно-негаданно возникший на его пути к мировому господству, уже не может больше рассматриваться лишь как родина конных лучников, приводящих в расстройство римские легионы стремительными налетами. Раскопки Нисы приподняли завесу над новым, ранее неизвестным центром художественной культуры эллинистического Востока. Парфянские города были не менее надежной опорой Аршакидов, чем кочевническая конница. Тем более что за городами Парфии стояли крепости и поселения Маргианы. Недаром в это время особенного расцвета достигает древний Мерв, этот гигант городской культуры Востока. Младший брат Бактрии, Согд все еще прячет свои сокровенные тайны, упрямо не желая посвящать в них потомков. Однако вековой сон согдийских руин уже нарушен. Перед нами начинает вырисовываться древняя согдийская культура, менее эллинизированная, чем в Бактрии, но, видимо, не менее высокая и развитая. Своеобразной исторической сенсацией является, наконец, открытие городской цивилизации древнего Хорезма. Благодаря широко поставленным археологическим изысканиям Хорезм куда больше известен современной прессе, чем древним авторам. Некоторая периферийность ни в коей мере не умаляет всей оригинальности древнехорезмийской культуры и искусства.

По этим пяти основным центрам городской культуры наше изложение доведено до определенного рубежа. Таким рубежом являются IV—V века н. э. О значении, а нередко и о наличии этой грани в среде специалистов высказываются противоречивые суждения. Имеющиеся материалы все более свидетельствуют, что это было время определенного упадка и перелома. В руинах лежат былые царские резиденции — Ниса и Топрак-кала, заметно сокращается обжитая территория Мерва, пустеют и бактрийские города. Скорее всего развитие общества делало очередной крутой поворот и под старыми достижениями была подведена итоговая черта. На смену городам поднимались раннефеодальные замки.

Как бы то ни было, закончился определенный период в истории оседлого населения Средней Азии, период, ряд

блестящих достижений которого мы пытались осветить. Упоминая бесчисленные руины и развалины, мы не видим оснований для меланхолии. Достижения минувших эпох зримо вошли в актив человеческой культуры. Как и повсюду в жизни, старое и молодое идет бок о бок. Пенится вода в арыке, прокладываемом в сторону замолкшей столицы Хорезма, и хлопковые поля зеленеют в окрестностях древних замков и крепостей. Еще недавно на раскопки древнемаргианской столицы приходилось возить воду за многие километры. Сейчас здесь расположена центральная усадьба крупного совхоза и в окрестностях древней княжеской резиденции слышны клубные репродукторы. Весь опыт биологической и социальной истории свидетельствует о неизбежном торжестве новых начал. Одним из звеньев в этом поступательном развитии были и городские цивилизации, некогда процветавшие на юге нашей страны.

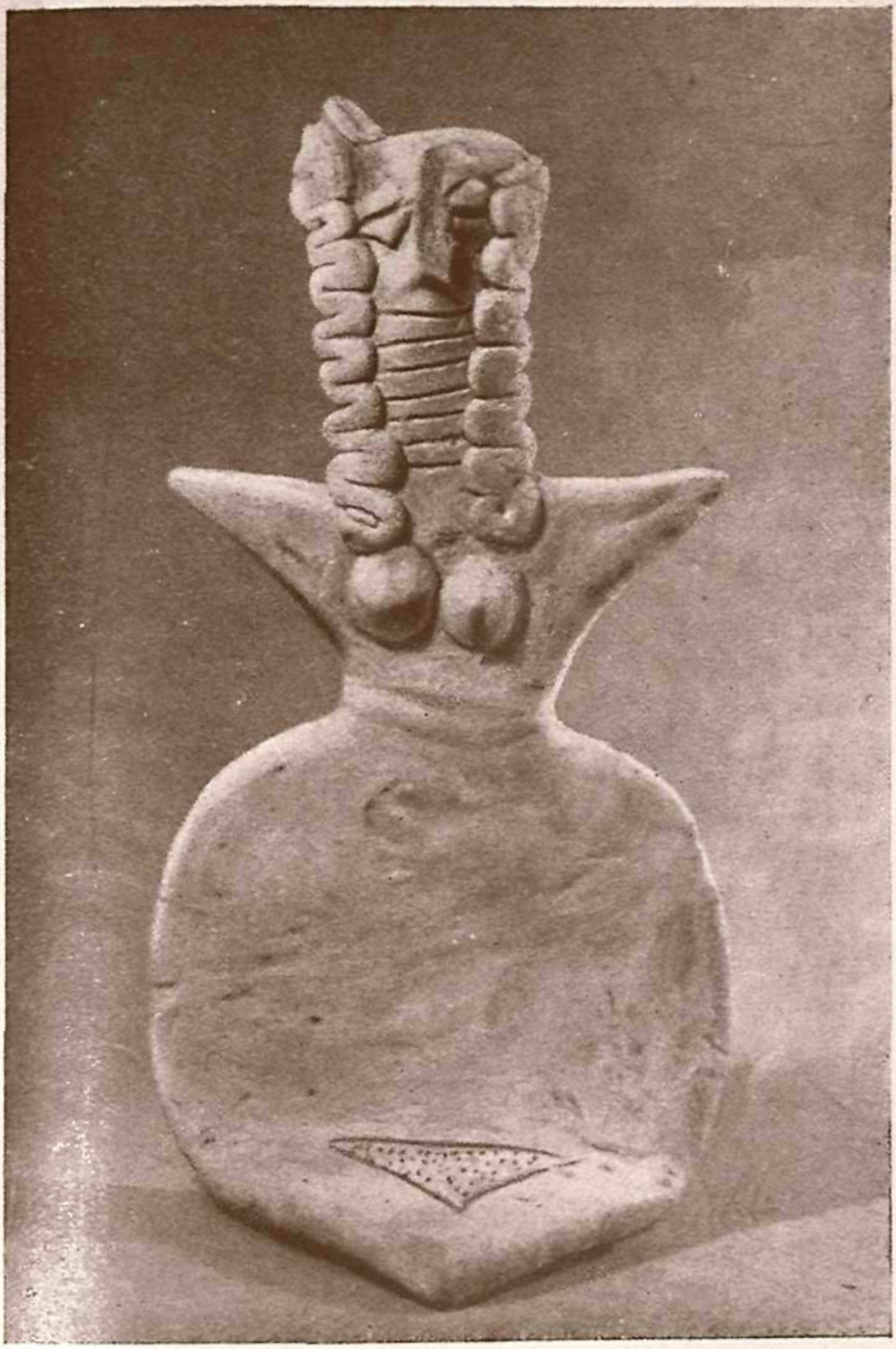


Табл. I. Алтын-депе. Терракотовая статуэтка

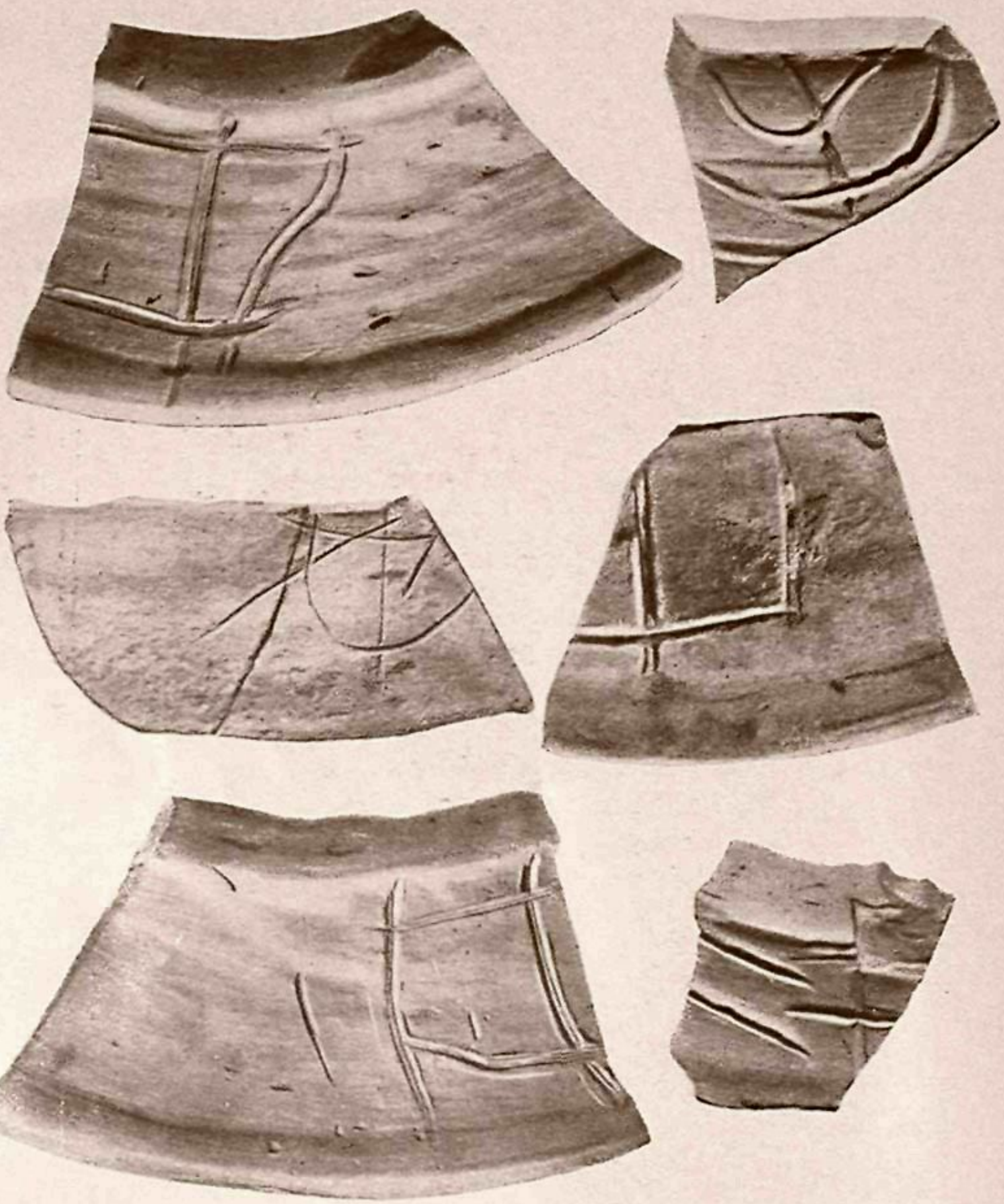


Табл. II. Алтын-депе. Знаки на керамике

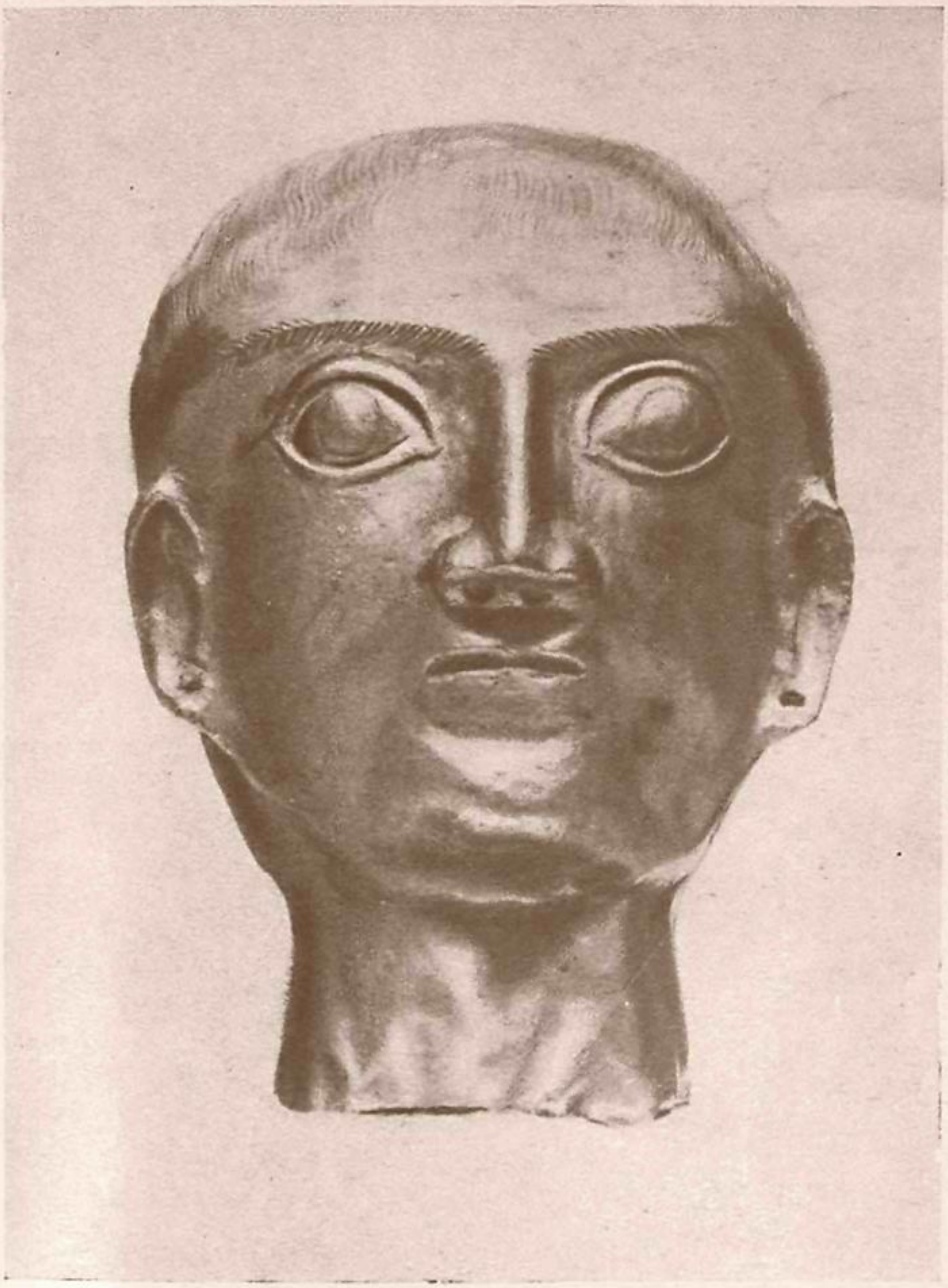


Табл. III. Аму-дарьинский клад. Золотая маска

Табл. IV *а*. Халчаян.
Голова правителя

Табл. IV *б*. Халчаян.
Голова принца

Табл. V. Халчаян. Голова воина

Табл. VI *а*. Старая Ниса.
Серебряная фигурка Эрота

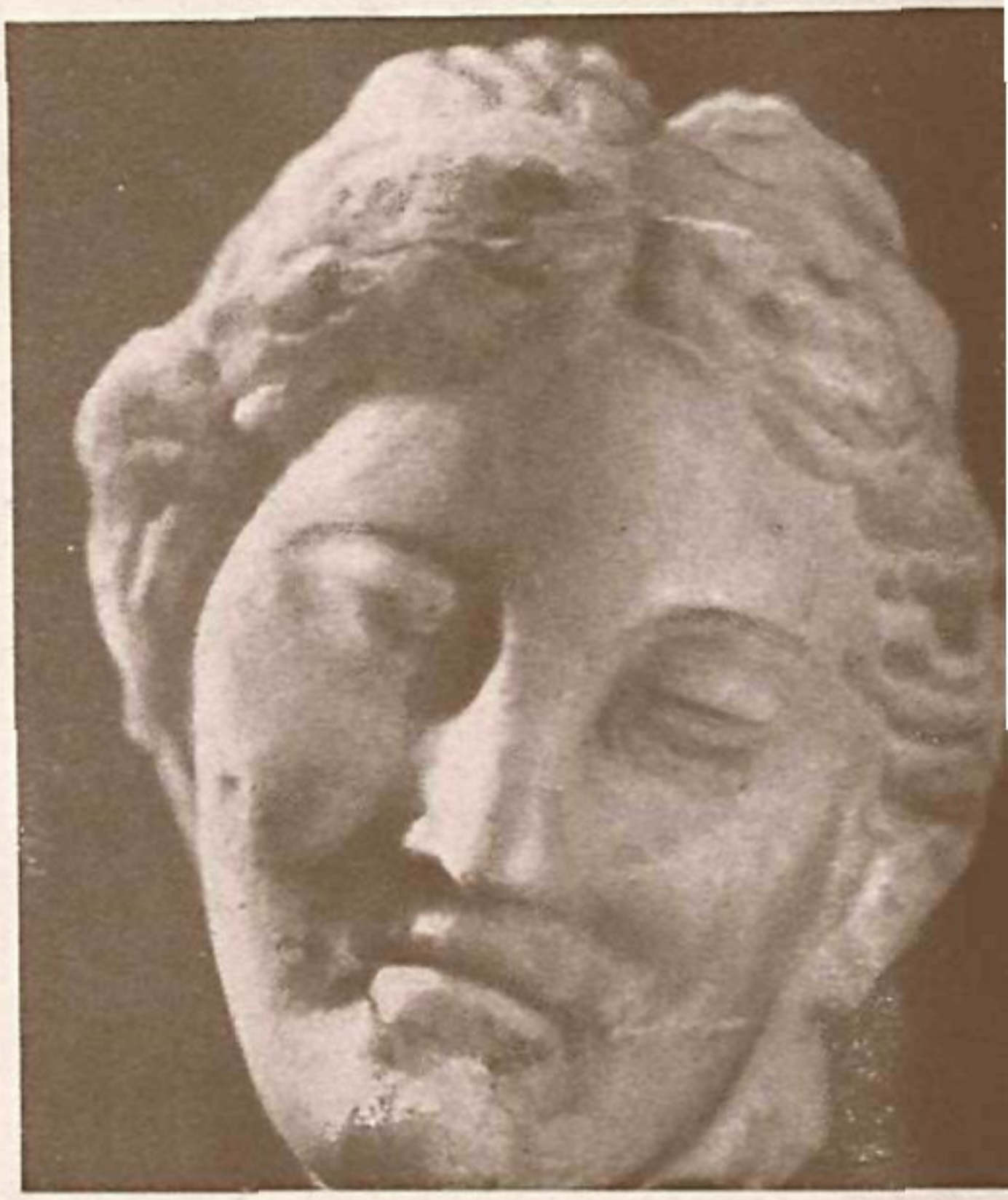


Табл. VI *б*. Старая Ниса.
Мраморная женская головка

Табл. VII. Старая Ниса. Ритон из слоновой кости

Табл. VIII. Старая Ниса. Ритон из слоновой кости

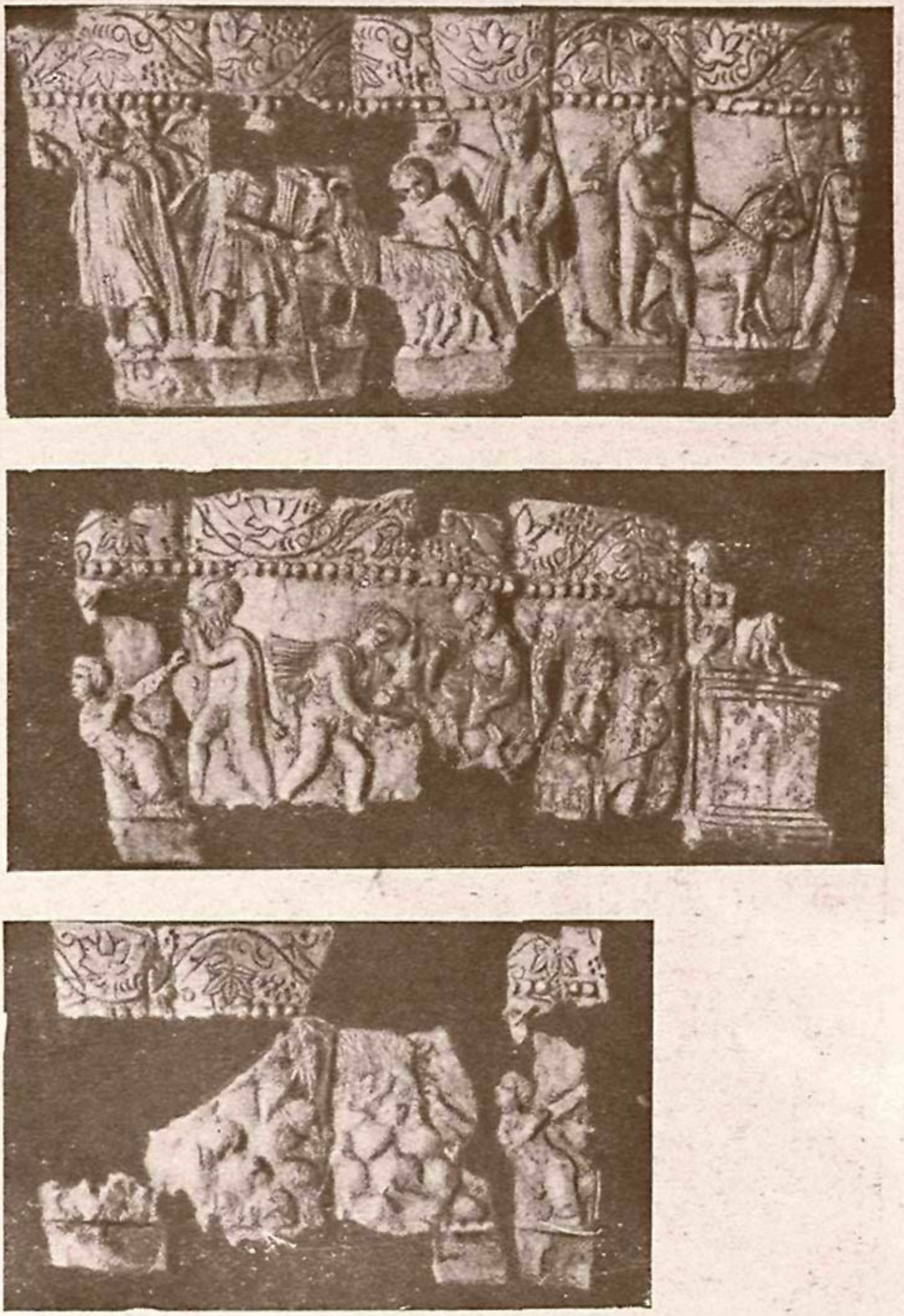


Табл. IX. Старая Ниса. Культовая сцена на фризе ритона

Табл. X. Старая Ниса. Мраморная женская статуя

Табл. XI. Старая Ниса. Мраморная статуя Афродиты

Табл. XII. Старая Ниса.
Позолоченная терракотовая статуэтка

Табл. XIII *а, б.* Топрак-кала. Фриз с изображением оленей и голова со звериными ушами

Табл. XIII *в.* Топрак-кала. Глиняные статуи

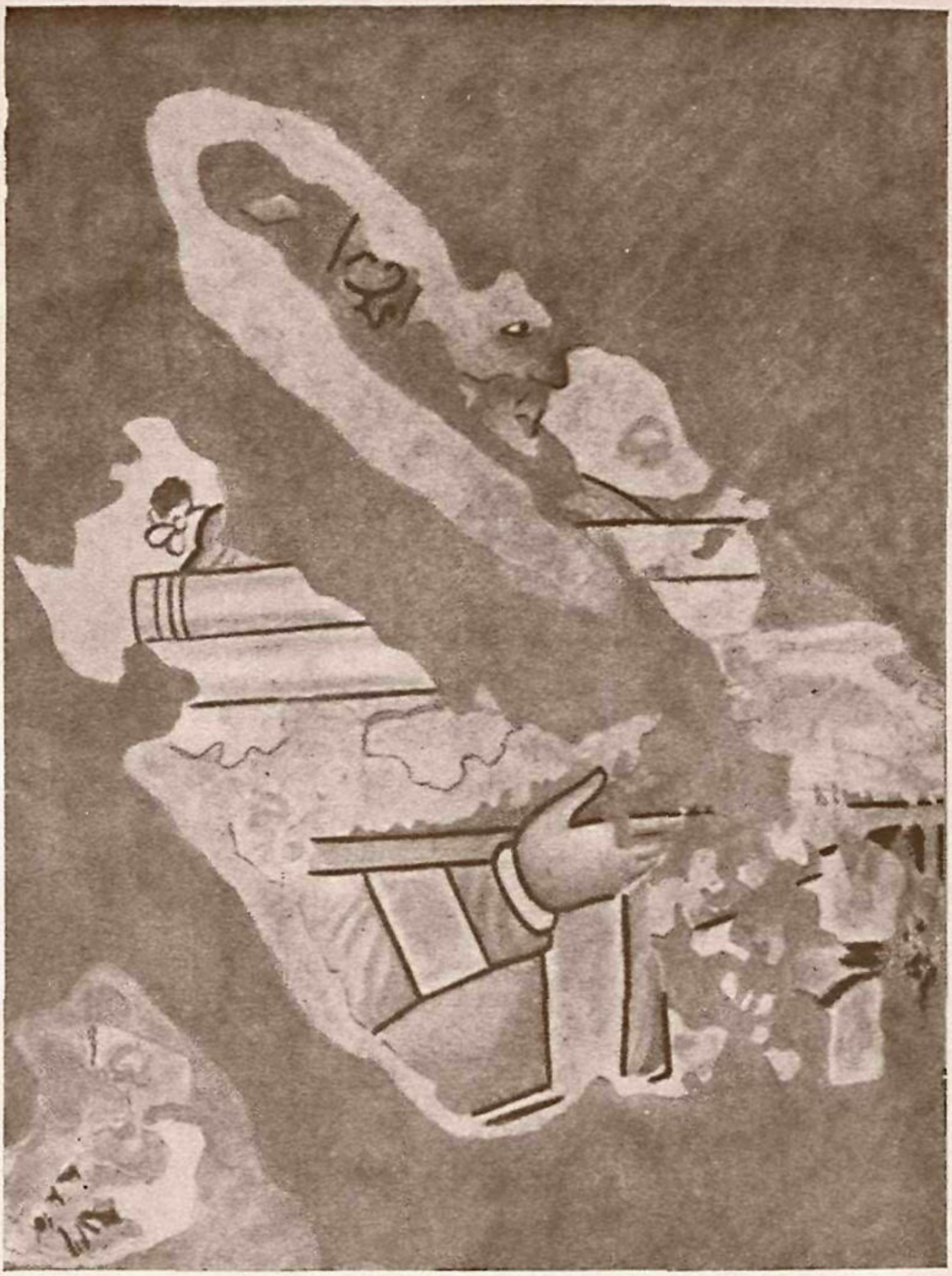


Табл. XIV. Топрак-кала. Фигура писца

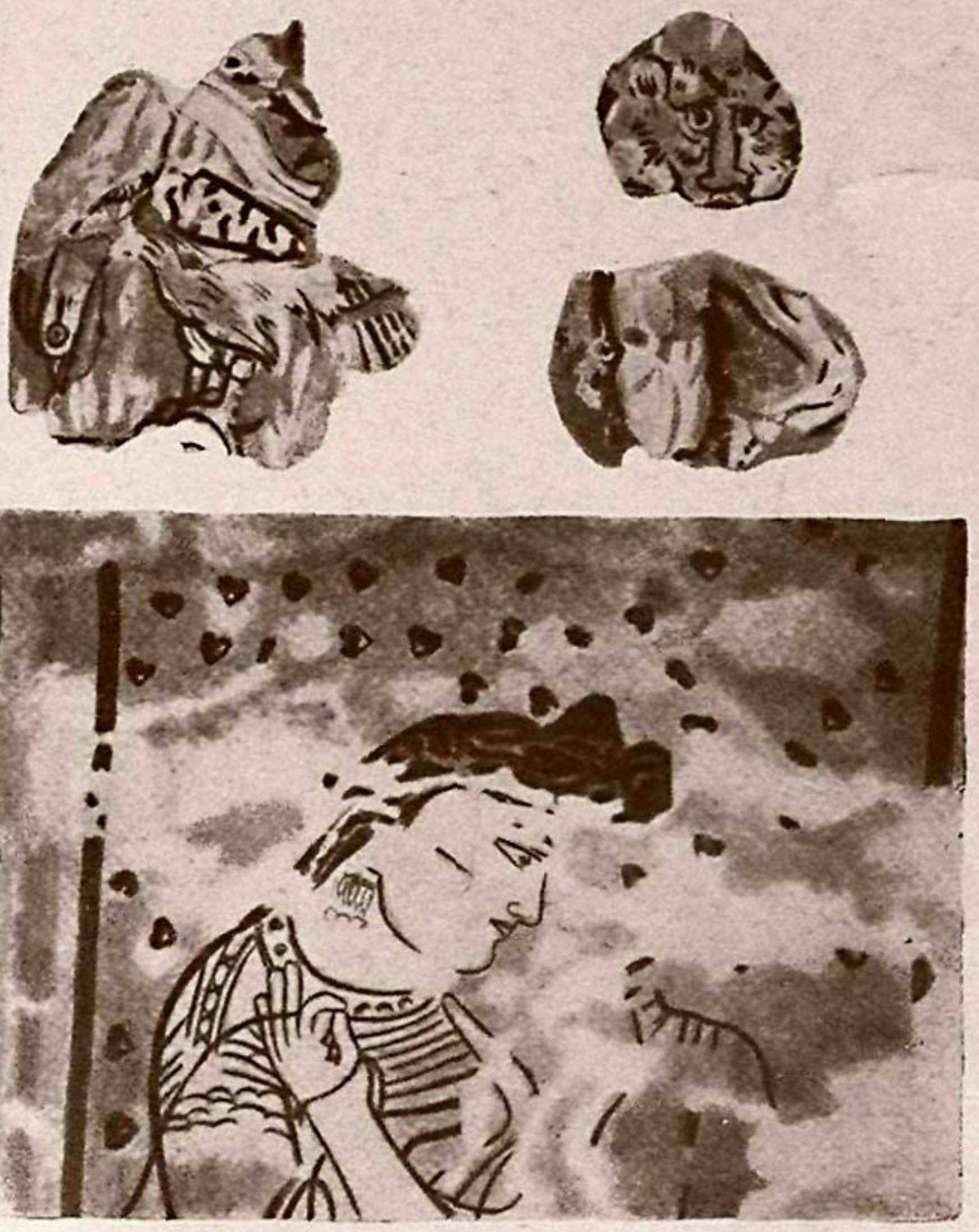


Табл. XV. Топрак-кала. Фрагменты росписи

Табл. XVI. Топрак-кала. «Красная голова»

Цена 63 коп.